

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.</i> Н.С. ТРУБЕЦКОЙ И ОСНОВАТЕЛИ ПРАЖСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	5
<i>Городова Е.С.</i> СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	11
<i>Медведев В.Б.</i> ЭНЕРГИЯ В ЛИНГВОДИНАМИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ.....	18
<i>Олейник А.Ю.</i> ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ И КРИТЕРИИ ЕЁ ОЦЕНКИ.....	24
<i>Постнова Н.В.</i> К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ЯЗЫКА	30

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

<i>Алёшина Е.Ю.</i> ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ВЫРАЖЕНИЕМ АГРЕССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. Ф. КЕННЕДИ).....	36
<i>Лызлов А.И.</i> ЛЮБОВНАЯ ТЕМАТИКА В ОБРАЗНЫХ ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	42
<i>Меркурьева Н.Ю.</i> ОБ ЭМОТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРИСОЕДИНЁННЫХ ВОПРОСОВ	48
<i>Савосин А.Ю.</i> СРАВНЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	53
<i>Скокова Т.Н.</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	58
<i>Сосунова Г.А.</i> СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ ТАМОЖЕННОЙ ТЕМАТИКИ	65

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Барينوва И.П.</i> АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ ПРИ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА	71
<i>Гусева Н.А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ “ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА” (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	76
<i>Ерошин А.П.</i> АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ КАЛАМБУР КАК ОБЪЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА «ТЕОРИЯ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА»).....	83
<i>Жарова А.В.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ ТЕРМИНОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).....	88
<i>Серегина А.И.</i> ВЫБОР КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕКСТОВ.....	94
<i>Шашок О.А.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ.....	100
НАШИ АВТОРЫ	106

CONTENTS

SECTION I. THEORETICAL QUESTIONS OF A GENERAL LINGUISTICS

<i>I. Belyaeva, G. Khukhuni N.S.</i> TRUBETZKOY AND THE PRAGUE SCHOOL.....	5
<i>E. Gorodova</i> SOCIAL AND HISTORICAL PREMISES OF THE DEVELOPMENT OF AMERICAN ENGLISH	11
<i>V. Medvedev</i> LINGUISTIC ENERGY OR LINGUODYNAMICS.....	18
<i>A. Oleynik</i> THE VARIATION IN LANGUAGE MEDIATION AND CRITERIA OF ITS ESTIMATION.....	24
<i>N. Postnova</i> ON THE ISSUE OF GENESIS OF PHONETIC SETTING	30

SECTION II. LANGUAGE UNITS OF LANGUAGE SYSTEM

<i>E. Aleshina</i> STATEMENTS EXPRESSING AGGRESSION IN THE ENGLISH POLITICAL PUBLIC SPEECH OF A CONFLICT SITUATION (AS EXEMPLIFIED BY PRESIDENT J.F. KENNEDY'S SPEECHES)	36
<i>A. Lyzlov</i> THE IMAGE OF LOVE IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS.....	42
<i>Merkuryeva N.Y.</i> TAG-QUESTIONS EMOTIVE CONNOTATIONS.....	48
<i>A. Savosin</i> SIMILE IN ENGLISH OPINION JOURNALISM.....	53
<i>T. Skokova</i> THE LINGUISTIC COGNITIVE ESSENCE OF THE SYNTAGMATIC RELATIONS	58
<i>G. Sosunova</i> SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PAST PARTICIPLE IN PROFESSIONAL CUSTOMS TEXTS	65

SECTION III. COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>I. Barinova</i> ABBREVIATION AS A WAY TO IMPLEMENT THE PRINCIPLE OF CIVILITY IN INTERNET COMMUNICATION (IN THE POLISH LANGUAGE)	71
<i>N. Guseva</i> COMPARATIVE CONCEPTUAL AND QUANTITATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL LOCUTIONS RELATING TO THE PHRASEOLOGICAL FIELD OF HUMAN WORKING ACTIVITIES (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)	76
<i>A. Eroshin</i> ENGLISH PUN AS AN OBJECT OF INTERLINGUAL TRANSLATION (BASED ON TV SERIES "THE BIG BANG THEORY").....	83
<i>A. Zharova</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF TRADITIONAL AND NEW TERMS OF THE BANKING SECTOR (ON THE BASIS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES).....	88
<i>Seregina A.I.</i> KEY WORD SELECTION AS A CONDITION FOR ADEQUATE TRANSLATION OF MARKETING TEXTS.....	94
<i>O. Shashok</i> COMPARE GERMAN AND RUSSIAN PROVERBS AT ELEMENTS OF EXPRESSION.....	100
OUR AUTHORS	106

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'23

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ И ОСНОВАТЕЛИ ПРАЖСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

N.S. TRUBETZKOY AND THE PRAGUE SCHOOL

Аннотация. Статья посвящена анализу термина «Пражская лингвистическая школа» в связи с деятельностью выдающегося русского лингвиста Н.С. Трубецкого. Отмечается, что распространённая точка зрения, согласно которой научная школа включает в себя противопоставленные друг другу понятия *учитель – ученики* и *основоположник – последователи*, может требовать соответствующей корректировки. Так, хотя Н.С. Трубецкой плодотворно сотрудничал с организаторами Пражского лингвистического кружка В. Матезиусом и Р. Якобсоном, он не может считаться ни их «учеником», ни их «последователем», что делает необходимым уточнение понятия «основатель научной школы». В ходе аналитического обзора существующих в науке определений научной школы получают обоснование данные положения.

Ключевые слова: научная, школа, основатель, Пражский, лингвистический, фонология, Трубецкой.

Abstract. The present paper analyzes the term 'The Linguistic School of Prague' in connection with the activity of the famous Russian linguist N.S. Trubetzkoy. The usual understanding of the scientific school, that includes the opposed notions 'teacher' / 'pupils' and 'founder' / 'followers', demands sometimes certain correction. Although N. Trubetzkoy cooperated fruitfully with the organizers of the Prague Linguistic Circle V. Mathesius and R. Jakobson, he was neither their 'pupil', nor their 'follower'. So, the necessity of the more precise definition of the notion 'the founder of the scientific school' is postulated.

Key words: scientific, school, founder, Prague, linguistic, phonology, Trubetzkoy.

Начать предлагаемую статью нам представляется целесообразным с напоминания о двух общеизвестных фактах. Первый состоит в том, что название «Пражская лингвистическая школа» прочно вошло в историю науки XX столетия как одно из ведущих (а применительно к Европе, по существу, как ведущее) ответвлений того направления, которое именуется «лингвистическим структурализмом». Расцвет этой школы приходится приблизительно на середину двадцатых – конец тридцатых годов, хотя труды ряда её представителей, в том числе и имеющие

весьма важное значение для нашей науки, появляются и значительно позднее – вплоть до последней трети прошлого века. Второй факт заключается в том, что среди учёных, причисляемых к Пражской лингвистической школе в названный период её существования, наиболее крупной фигурой признаётся именно Николай Сергеевич Трубецкой – русский языковед, большая часть деятельности которого по известным историческим причинам протекала за пределами России. Не лишено интереса то обстоятельство, что в вышедшей в середине 60-х годов коллективной монографии «Основные направления структурализма» использованное известным американским лингвистом Ч. Хоккетом применительно к истории развития фонологических идей словосочетание “the Trubetzkoy phase” передано по-русски как «Пражская фаза» [3, с. 47]. Указанный момент, несомненно, наглядно свидетельствует о том, какую роль отводили автору «Основ фонологии» и современники, и позднейшие исследователи.

Как почти все «общеизвестные факты», сами по себе приведённые положения, вероятно, сомнения вызывать не должны. Но – опять-таки как большинство такого рода «общеизвестных фактов» – они, на наш взгляд, нуждаются в некотором уточнении.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что, говоря об интересующем нас явлении, в специальной литературе используют несколько обозначений: «Пражский лингвистический кружок», «Пражская лингвистическая школа», «Пражские лингвисты»... Последнее наименование носит чисто условный характер и не претендует на терминологическую строгость. Очевидно, что в Праге в рассматриваемый период были, вероятно, и лингвисты, не принадлежащие к Пражской школе, а профессора Венского университета Н.С. Трубецкого или работавшего главным образом в Женеве С.И. Карцевского вряд ли можно, строго говоря, называть «пражцами». Что касается двух первых понятий, то здесь дело обстоит несколько сложнее. В большинстве существующих трудов по истории науки они употребляются в значи-

тельной степени параллельно. Так, в работе Т.В. Булыгиной читаем: «Характерной особенностью *Пражской школы* было – во всяком случае, в начале её деятельности – относительное единство взглядов. Возникший в 1926 г. как свободная ассоциация, *Пражский лингвистический кружок* в 1929 г., во время I съезда славистов представлял собой уже дисциплинированную организацию с точными программными тезисами и собственным уставом...» [3, с. 49] (*курсив наш.* – И.Б., Г.Х.).

И здесь можно вспомнить ещё одно обстоятельство. Известно, что самоназванием данной группы языковедов было именно слово «Кружок», тогда как наименование «Школа» пришло, во-первых, относительно поздно, а во-вторых – “извне”: считается, что его впервые употребил в 1932 г. на Первом фонетическом конгрессе в Амстердаме тогдашний секретарь Международного комитета лингвистов Й. Схрейнен.

Думается, что указанное обстоятельство вряд ли может считаться случайным. Понятие школы в истории науки вообще и в истории языкознания в частности считается одним из самых распространённых и в методологическом отношении одним из самых значимых. Однако знакомство с существующими по этому поводу мнениями и суждениями свидетельствует о том, что трактуется оно далеко не всегда однозначно. Уже более тридцати лет назад указанное обстоятельство неоднократно отмечалось в специальной литературе, о чём, в частности, писал С.В. Смирнов: «... До сих пор понятие научной школы в языкознании ещё не приобрело строгого терминологического значения, нигде чётко не определено, а его дифференциальные признаки остаются невыясненными» [9, с. 137].

Так, в семидесятые годы прошлого столетия С.Б. Бернштейн утверждал: «О школе мы можем говорить в том случае, если группу учёных объединяет единство интересов в науке, некоторые общие взгляды на предмет исследования, пристрастие к некоторым специфическим сторонам предмета изучения, некоторые общие методические принципы, близость терминологии» [2, с. 137].

Конкретизируя в определённой степени предложенную дефиницию, С.В. Смирнов отмечал, что «в термине «научная школа» слово «школа» предполагает учителя и учеников, а слово «научная» – выработку теории или поиска решения определённой проблемы». В связи с этим он предлагал разграничивать два вида школ – научно-образовательную и научно-исследовательскую. Различие между ними усматривается в следующем.

«1. Научно-образовательная школа. Её задача – перевод личного знания в групповое, т. е. подготовка людей, без которых невозможно сохранение научных традиций, передача знаний и тем самым существование самой науки. Для этой школы характерен один тип отношений: учитель – ученики. <...>

2. Научно-исследовательская школа. Это объединение учёных вокруг лидера для выполнения определённой научно-исследовательской программы. Здесь к отношению «учитель – ученики» ещё добавляется отношение «основоположник – последователи» [9, с. 138–139].

Несколько по-иному расставлены акценты в более поздней статье В.В. Колесова: «Под научной школой понимают обычно исторически сложившиеся формы организации научного творчества в рамках объединённого коллектива, объединяемого общностью – генетически «учителя» или социально – лидера с общими методологическими установками, общностью терминологии и стиля работы, с преимущественным интересом к определённому предмету изучения, порождающему «идеи», и к определённому объекту исследования, совместно представляющим собою междисциплинарное «сгущение идей» с выходом в полноценную и перспективную теорию.

Научная школа прежде всего именно «школа», в которой «учат», явление научно-образовательного характера <...> Научность школы определяется установкой на *систему* доказательств, обосновывающих её ценностные ориентиры, но воплощённых в авторитете учителя или лидера...» [5, с. 393].

Чаще всего научную школу соотносят с другим историко-научным понятием – на-

учного направления. Как правило, различают их в первую очередь по объёму понятия: первое понимается как видовое, второе – как родовое. Так, в цитированной выше работе С.В. Смирнова подчёркивается, что «понятие «научного направления» значительно шире понятия «научная школа»: «Оно... обычно возникает тогда, когда принципы и идеи, выдвинутые научной школой или отдельным учёным, получают широкое распространение, выходят за рамки данной школы, даже становятся общенаучным фондом... Принципы Пражской школы положили начало функциональной лингвистике» [9, с. 145]. Указанный критерий применяется и в работе В.В. Колесова, хотя, если можно так выразиться, «с обратным вектором»: «“Направление”» выработало метод, школы сосредоточились на различных аспектах постижения объекта (объектов)» [5, с. 395].

Таким образом, можно констатировать, что рассмотренные нами авторы (как и большинство других), говоря о научной школе (проблема научного направления выходит за рамки настоящей статьи), выделяют, как правило, следующие основные моменты: общность научных принципов, находящая своё отражение в соответствующих организационных формах, с одной стороны, и наличие признанного лидера («учителя»), с другой.

Правда, в процитированном определении В.В. Колесова названные ипостаси разводятся по принципу «генетически – социально», однако и в том и в другом случае «ценностные ориентиры» предполагаются воплощёнными именно в личности «Учителя» или основателя.

В большинстве случаев подобная постановка вопроса представляется вполне оправданной. Несомненно, именно так обстояло дело, скажем, в Московской лингвистической школе – для большинства принадлежащих к ней учёных авторитет «учителя и основоположника» Ф.Ф. Фортунатова был незыблем. (Правда, как показал посмертно изданный «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова, его крупнейший и любимейший ученик к концу жизни весьма существенно разошёл-

ся с грамматической концепцией учителя.) Аналогичной, вероятно, была и ситуация с американским дескриптивизмом, где роль Л. Блумфилда как «учителя» и «основателя» вряд ли может подвергаться сомнению.

Однако, если попытаться применить названные критерии к интересующей нас проблеме, касающейся термина «Пражская лингвистическая школа», с одной стороны, и принадлежности к ней Н.С. Трубецкого – с другой, то ситуация здесь представляется несколько иной.

Правда, по первому отмеченному выше моменту («организация научного творчества в рамках объединённого коллектива») каких-либо вопросов, вероятно, возникать не должно. Достаточно напомнить процитированные выше слова Т.В. Булыгиной о «дисциплинированной организации», в уставе которой, к тому же, было сказано, что деятельность её членов, «которая развивалась бы не в соответствии с программой структурного и функционального исследования, повлекла бы за собой исключение его из организации» [3, с. 49]. То, что деятельность Н.С. Трубецкого не только развивалась «в соответствии с программой структурного и функционального исследования», но и в значительной степени формировала эту самую программу – факт общеизвестный и особых доказательств не требующий.

Однако со вторым моментом, на наш взгляд, дело обстоит сложнее. В первую очередь, возникает вопрос о том, насколько применима к деятельности Н.С. Трубецкого не только схема «учитель – ученики», но и оппозиция «основоположник – последователи».

И здесь приходится отметить определённую специфику, присущую интересующему нас феномену. Создателем Пражского лингвистического кружка (его «хозяином», по выражению А.А. Реформатского [8, с. 328]) единодушно и вполне справедливо признаётся выдающийся чешский лингвист В. Матезиус. Сошлёмся в этой связи на слова Вяч. Вс. Иванова: «Пражский лингвистический кружок был основан 6 октября 1926 г. В этот день крупнейший чешский лингвист и лите-

ратуровед В. Матезиус пригласил участников Кружка на доклад Беккера, посвящённый сходству языков европейского культурного круга» [4, с. 9]. Само это понятие, как было показано выше, часто не разграничивается (во всяком случае, достаточно чётко) с понятием Пражской лингвистической школы. Так, у Н.А. Кондрашова можно найти формулировку: «ПЛК, выработавший основные теоретические положения Пражской школы в области фонологии и грамматики...» [6, с. 5]. С другой стороны, одним из организаторов Кружка называют и Р.О. Якобсона: «Пражский лингвистический кружок... возник в 1926 г. по инициативе чешского англиста и специалиста по общему языкознанию Вилема Матезиуса и слависта Р. Якобсона, работавшего тогда в Праге» [6, с. 5]. При этом отмечается, что последним в определённой степени был использован и опыт Московского лингвистического кружка, перенесённый на новую почву. Думается, нет необходимости доказывать, что первая оппозиция («учитель – ученики») к деятельности Трубецкого вообще неприменима – при всей плодотворности контактов с упомянутыми коллегами их «учеником» он никак не являлся, да и о научном «лидерстве» по отношению к нему В. Матезиуса или Р.О. Якобсона вряд ли может идти речь.

Вероятно, не приходится здесь говорить и о второй оппозиции – «основоположник – последователи». Напомним, что в своём крупнейшем труде – «Основах фонологии», давая краткий обзор формирования фонологической теории и называя в связи с этим Пражский лингвистический кружок, Трубецкой упоминает имена В. Матезиуса и Р. Якобсона среди «ревностных сторонников новых идей» [11, с. 11], но отнюдь не как «основоположников» своей концепции.

Аналогично обстоит дело и с ещё одним критерием, который называют при характеристике научной школы: «последователи должны придерживаться программы лидера, развивая и дополняя её» [9, с. 140]. В разработке той программы, которая сформулирована в знаменитых «Тезисах Пражского

лингвистического кружка», активное участие принял и сам Н.С. Трубецкой, и, следовательно, по отношению к Пражской школе (не кружку!) он, наряду со своими коллегами Р.О. Якобсоном и С. Карцевским, вправе сам претендовать на статус «основоположника». Правда, о С.И. Карцевском многие представители Пражской школы утверждали, что он «принадлежал скорее к Женевской, чем к Пражской школе» [10, с. 162]. Впрочем, и при рассмотрении места С. Карцевского среди учёных Женевской школы тоже нередко указывают, что относить данного учёного к ней можно лишь «с сильными оговорками» [1, с. 166].

В этой связи заслуживает внимания то обстоятельство, что в своё время А.А. Реформатский, касаясь данного вопроса, заметил: «В конце 20-х – в 30-х гг. в недрах кружка сложилась Пражская школа структуральной лингвистики *и* (*курсив наш.* – И.Б., Г.Х.) пражская фонология. Лидером этой фонологии, бесспорно, был Трубецкой. Ему принадлежит и большинство опубликованных фонологических работ, он же подвёл итог этому направлению в своих «Основах фонологии», изданных уже посмертно» [8, с. 328].

По точному смыслу процитированного фрагмента можно было бы заключить, что для А.А. Реформатского Пражский лингвистический кружок являлся своего рода исходным пунктом, давшим начало двум близким, но всё же – как показывает союз *и* – *разным* школам (структуральной и фонологической), каждая из которых могла иметь своего «лидера». Однако, как известно, сам В. Матезиус недвусмысленно утверждал: «Плодотворность и гибкость новой точки зрения и новых методов проверяется прежде всего на звуковой стороне языка, и фонология становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем и гордостью исследования младограмматиков» [7, с. 82–83]. А это уже приводит нас к несколько иному пониманию – о развитии «в недрах Пражского лингвистического кружка» структурной лингви-

стики, в первую очередь, на базе фонологии. Сказанное, конечно, не отрицает других сторон деятельности лингвистов, относимых к Пражской школе, но речь всё-таки, наверное, идёт о едином научном феномене, формирование которого действительно связано с именами В. Матезиуса и Р. Якобсона, а наиболее выдающиеся достижения – с Н.С. Трубецким (чей вклад, как известно, не ограничивался только фонологическим аспектом).

Таким образом, резюмируя сказанное, можно констатировать следующее. Считающееся одним из наиболее важных по отношению к категории «научной школы» понятие «основоположника» далеко не всегда может быть истолковано однозначно, поскольку здесь зачастую приходится различать, идёт ли речь о собственно организационной стороне или о научном творчестве. Наиболее выдающиеся достижения той или иной научной школы могут быть связаны и с теми учёными, которые отнюдь не претендовали на роль «основоположников» в указанном выше смысле. Именно так, на наш взгляд, обстоит дело с Н.С. Трубецким, когда речь идёт о Пражской лингвистической школе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
2. Бернштейн С.Б. К вопросу о научных школах и направлениях в языкознании // Общее и романское языкознание. Сборник статей в честь 60-летия Р.А. Будагова. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 137–143.
3. Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма. – М.: Наука, 1964. – С. 46–126.
4. Иванов В.В. Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 5–29.
5. Колесов В.В. История русского языкознания. Очерки и этюды. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – 472 с.
6. Кондрашов Н.А. Предисловие // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 5–16.
7. Матезиус В. Задачи сравнительной фонологии // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 70–83.

8. Реформатский А.А.Н.С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 326–361.
9. Смирнов С.В. О понятиях «научная школа» и «научное направление» в истории языкознания // Учёные записки Тартуского государственного университета. Выпуск 573. Из истории славяноведения в России. Труды по славянской и русской филологии. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1981. – С. 136–147.
10. Трнка Б. и др. К дискуссии по вопросам структурализма // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 155–166.
11. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.

УДК 81–112.2

Городова Е.С.

Московский государственный областной университет

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

E. Gorodova

Moscow State Regional University

SOCIAL AND HISTORICAL PREMISES OF THE DEVELOPMENT OF AMERICAN ENGLISH

Аннотация. В статье анализируются социоисторические условия формирования американского варианта английского языка. Понятие социально-исторической обусловленности раскрывается как комплекс экзогенных факторов, представляющих собой внешние импульсы, опосредованно влияющие на языковую систему, к которым относятся обособление развития американского варианта английского языка, необходимость унификации его произносительных норм, реформаторская деятельность Н. Вебстера, У. Торнтон, Т. Джефферсона и Б. Франклина в сфере орфографии. В статье подчеркивается антропоцентрический характер широкого спектра экзогенных факторов, определивших вектор развития американского варианта английского языка в сторону его упрощения.

Ключевые слова: языковая гомогенность, унификация произносительной нормы, орфографическая норма, фонетическое правописание, принцип рационализма в языке.

Abstract. This article explores sociohistorical conditions of development of American English. The notion of social and historical premises of the language development is interpreted as a complex of exogenous factors, which act as exterior impulses indirectly influencing the language system. Among these influences are isolation of development of American English, the necessity of standardization of its pronunciation and orthographic norms, reforms set off by N. Webster, W. Thornton, T. Jefferson and B. Franklin. The article emphasizes anthropocentric character of a wide range of exogenous factors, which determined the development of American English towards its simplification.

Key words: language homogeneity, standardization of pronunciation, orthographic norm, phonetic orthography, linguistic rationalism.

Отличительная черта развития американского варианта английского языка состоит в том, что на этапе становления языка это был осознанный и вполне спланированный процесс. Его формирование во многом предопределил социоисторический фактор, заключавшийся во влиянии Войны за независимость на американское общество, что выразилось в осознании необходимости утверждения стандарта американского варианта английского языка. На период ведения этой войны разрозненные штаты объединились для отстаивания суверенитета, однако, обретя его, не сплотились в единую нацию, хотя формально было создано новое независимое государство. Б. О'Каллаган утверждает: «Each individual American state had its own government and behaved very much like an independent country. It made its own laws and its own decisions about how to run its affairs. The first big problem that faced new United States was how to join together these sometimes quarrelsome little countries into one united nation» («Каждый отдельный американский штат имел собственную власть и во многом напоминал самостоятельное государство, в котором действовали свои законы и принимались независимые от центральной власти решения. Первой крупной проблемой, с которой столкнулись новообразованные Соединённые Штаты, стало объединение небольших, порой враждующих между

собой разрозненных штатов в одну нацию») [7, с. 32]. Иными словами, консолидация сил для отпора внешнему врагу отнюдь не стала гарантом национальной целостности. Таким гарантом могло стать принятие единого стандарта языка, общего для разобщённых на тот момент штатов, и на основе этого стандарта впоследствии возникла бы литературная традиция, что обозначило бы зарождение американской культуры. Однако некоторое время оставался дискуссионным вопрос, какой именно язык следует принять в качестве национального.

Эти дискуссии осложнялись тем, что враждебность США по отношению к Великобритании достигла такого накала, что всерьёз стали рассматривать варианты принятия иного языка, вместо английского, как национального. Как утверждает Р. Квирк [5], в период отделения США от Великобритании звучали предложения принять иврит, греческий или французский язык в качестве общенационального языка и обозначить языковую независимость от Великобритании. Однако эти предложения, не получив поддержки в обществе, были отвергнуты.

Политические деятели того времени, прежде всего Б. Франклин и Т. Джефферсон и американский лексикограф Н. Вебстер, ожидали, что развитие американского английского пойдёт по пути оформления в самостоятельный язык с течением времени. Подобная перспектива наметилась ещё в период, когда первые переселенцы из Европы обосновались на территории современных США: лексика английского языка неизменно пополнялась ввиду необходимости зафиксировать в языке обозначения новых для европейцев реалий. Даже учитывая активное расширение словаря за счёт включения в него новых лексем и развития американского акцента, сложно определить хронологические рамки становления американского варианта как самостоятельного. Несмотря на то, что большинством исследователей не определяется точный временной рубеж обособления американского варианта английского языка, тем не менее в работе «История американской революции»

одного из первых американских историков Д. Рамсея отмечается ещё в 1789 г., что американцы обладали исключительной чистотой языка, что связывалось с историческим контекстом: население Америки составляли выходцы из различных областей Великобритании, которые характеризуются диалектными различиями, однако на территории США эти переселенцы для удобства общения вынуждены были избегать диалектизмов в речи, постепенно утрачивая их и тем самым обеспечивая гомогенизацию языка [8, с. 87].

Ключевой фигурой в войне за культурную и языковую независимость стал Н. Вебстер. Для новой страны Н. Вебстер пытался создать новый стандарт английского языка. Отметим, что осознанно сформировать американский английский стремились не только языковеды: несколько влиятельных политиков участвовали в дискуссиях о том, как необходимо изменить уже существующий английский язык с тем, чтобы приспособить его к реалиям новой нации. Во времена Б. Франклина этот вопрос стоял особенно остро: возникали серьёзные опасения, что США могут расщепиться на отдельные языковые сообщества. Однако эти опасения оказались напрасными, политики рассматривали и такую возможность.

Вплоть до 40-х гг. XIX в. население Америки ежегодно пополнялось за счёт иммигрантов на 20 тысяч. Из-за случившегося в 40-х г. в Ирландии голода и возникшей общей политической нестабильности иммиграция в Америку стала носить массовый характер. Во второй половине XIX в. более 30 миллионов человек устремились в страну, а к началу XX в. и эти показатели были превышены. Зачастую группы иммигрантов образовывали закрытые национальные сообщества, где сохранялись культурные традиции и поддерживалась чистота этнического языка данного сообщества. Один из таких языковых анклавов сложился в штате Пенсильвания, где постоянно возрастало население иммигрантов из Германии, набиравшее политический вес, но отвергавшее культурную и языковую ассимиляцию. Такое положение не могло не

вызывать тревогу у властей: «Why should Pennsylvania, founded by the English, become a colony of aliens, who will shortly be so numerous as to Germanise us, instead of us Anglicising them?» («Почему Пенсильвания, основанная англичанами, должна стать колонией чужеземцев, которых в скором времени станет столь много, что они поглотят нас вместо того, чтобы ассимилироваться?») [3, с. 138].

На протяжении XVIII столетия на территории США можно было обнаружить замкнутые языковые коллективы: шведов в штате Небраска, немцев – в Индиане и Висконсине, норвежцев – в Дакоте и т. д. Логично было бы предположить, что их существование приведёт к разрушению единого национального языка и закреплению этнических языков или, по меньшей мере, к утверждению максимально отличных друг от друга диалектов английского языка, облик которых по преимуществу будет определяться влиянием национального языка того или иного коллектива. Тем не менее, в большей или меньшей степени, английский язык в США отличался единообразием, что можно объяснить следующими факторами. Во-первых, постоянная миграция населения препятствовала образованию устойчивых диалектизмов. Гибкая система социальной стратификации, или социальная мобильность в целом, является яркой чертой, характерной для США и сейчас: эта черта и привлекает большинство иммигрантов, однако она же не позволяет сосредотачиваться диалектизмам на ограниченной территории. Во-вторых, смешение людей различного происхождения способствовало языковой гомогенности. В-третьих, немаловажным фактором стало социальное давление, механизм которого порождает социальное маркирование людей, не желающих усваивать английский язык и местную культуру, как изгоев и чужаков. Резко отрицательное отношение к «инородцам», противостоящим принудительной культурной и языковой ассимиляции, обусловило появление в языке таких этнонимов, как *kike*, *dago*, *yid*.

Вместе с тем формирование американского варианта английского языка было сопря-

жено с изменением орфографии английского языка в сторону её фонетизации. К середине 70-х гг. XIX в. в США был учреждён Совет по реформе орфографии. Совет подготовил список из трёхсот слов, для которых рекомендовал новое упрощённое написание. В числе слов, подвергшихся реформированию, были *programme*, *prologue*, *judgement* etc., которые рекомендовали писать как *program*, *prolog*, *judgment* [2, с. 608, 413]. В приведённых словах рекомендации Совета были приняты, что обусловило фиксирование в современных лексикографических источниках этих слов с упрощённым написанием для американского варианта английского языка. Однако многие инициативы Совета не были приняты. Так, нецелесообразной считалась новая упрощённая орфография *friend*, *you* и *rough* – *frend*, *yu*, *ruf*. Новые нормы правописания вызывали социальное отторжение, поэтому постепенно призывы к изменению орфографии сошли на нет.

В 1788 г., столетием ранее учреждения Совета по реформе орфографии, Н. Вебстер опубликовал «Справочник по правописанию». Позднее в свет вышла его работа «Начала английской грамматики», где он критически оценил британскую языковую гегемонию и подчеркнул необходимость самостоятельного от метрополии развития: «Now is the time and this is the country, in which we may expect success, in attempting changes favorable to language, science and government» («Пришло время для этой страны, когда увенчаются успехом усилия привнести изменения, благоприятные для языка, науки, государства») [3, с. 269]. Учёный выступал против преклонения перед языком и культурой Великобритании, слепой приверженности ей: «A fundamental mistake of the Americans has been that they considered the revolution as completed when it was but just begun. Having raised the pillars of the building, they ceased to exert themselves, and seemed to forget that the whole superstructure was then to be erected. This country is independent in government; but totally dependent in manners, which are the basis of government» («Коренная ошибка американского

народа состоит в том, что он полагает революцию свершившийся, тогда как она только началась. Возведя фундамент, американцы более не прилагают усилий и забывают о необходимости создания надстройки. Эта страна независима в государственном отношении, однако полностью зависима в нравах, которые есть основа государства» [9, с. 55]. Отрицание пиетета перед культурно-языковым наследием Великобритании способствовало развитию реформы Н. Вебстера.

Заметим, что предлагаемые Н. Вебстером нововведения в орфографии следует рассматривать в свете господствующего на тот момент рационализма – философского направления, получившего развитие в период Просвещения США. Ключевым в рационализме был тезис о том, что порядок в языке достигается порядком в обществе, в основе которого лежит всеобщая разумность человека, его здравый смысл. Последователи этого направления считали, что при помощи разума происходит осознание мира и установление социального миропорядка; в суждениях обо всех вещах, в том числе о языке, должно было абсолютизироваться значение всеобщей разумности.

Будучи последователем данной философско-мировоззренческой установки, Н. Вебстер стремился экстраполировать принципы рационализма на закономерности развития языка. Для Н. Вебстера рационализм непосредственно связан с понятием экономии. С точки зрения учёного, лингвистическая экономия, с одной стороны, соответствовала принципам рационализма, а с другой – была вызвана необходимостью гомогенности национального языка. Основной целью Н. Вебстера было создание объединённой нации, сплочение которой он видел через принятие стандарта языка, распространяющегося при помощи литературных источников. Однако охват читательской аудитории был чрезвычайно узок из-за дороговизны книг, соответственно, проникновение унифицированного языка через литературу во все слои населения было затруднительно. По мысли Н. Вебстера, эта проблема устранялась за счёт удешев-

ления книг, что в свою очередь достигается благодаря лингвистической экономии и приводит к рациональному упрощению языка: «Such a reform would diminish the number of letters about one sixteenth or eighteen. This would save a page in eighteen; and a saving of an eighteenth in the expense of the books is an advantage that should not be overlooked» («Подобная реформа позволила бы сократить количество букв порядка на 1/16 или 1/18. Настолько же сократилось бы количество печатных символов на страницу, а подобная экономия в вопросах стоимости книг есть несомненное преимущество, которым не следует пренебрегать») [9, с. 49]. Таким образом, Н. Вебстер трансформировал лингвистическую экономию в действительную экономию, отвечающую здравому смыслу, то есть отражающую суть рационализма, и в то же время решил политическую проблему объединения нации.

Кроме того, необходимость упрощённой орфографии Н. Вебстера следовала из некоторых особенностей менталитета американского народа. В рассуждениях о языке Н. Вебстер исходил из положения, что среднестатистический американский обыватель обладает прагматическим складом ума, что определяет его естественное неприятие всего не обусловленного необходимостью, наносного, излишнего. Поэтому устранение графической избыточности обусловливается прагматизмом американской нации. Н. Вебстер объясняет этот факт тем, что любая избыточность в языке – фонетическая, графическая, семантико-синтаксическая – нерациональна и, следовательно, противоречит прагматизму. Язык рационален при условии, что он основан на однозначном соответствии между звуком и буквой и между значением и формой.

В соответствии с принципами рационализма язык должен основываться на регулярных правилах и на аналогии. При этом именно на принципе аналогии и регулярных правилах зиждется разумность человека. Для Н. Вебстера язык американского обывателя отражает его естественное стремление к

аналогии и регулярности. Значимость этого принципа эксплицируется в узусе, который, по Н. Вебстеру, определяется действием в языке аналогии, а не предписаниями грамматик. Именно к «логике обывателя» следует обращаться, чтобы судить о (не)приемлемости того или иного случая употребления. Н. Вебстер постулирует взаимосвязь между языком, прагматическим мышлением американцев и политическими истоками проблемы установления стандарта языка и объясняет её тем фактом, что английский язык, будучи историческим наследием метрополии, нуждался в обновлении и обогащении и в равной степени – в гомогенности, что представляет важность для формирования национальной идентичности [1, с. 762].

Первые нововведения в английскую орфографию, которая должна была быть положена в основу американского варианта английского языка, были предложены в 1789 г. и сводились к устранению из слов непроизносимых, или немых, букв и введению регулярной передачи звуков на письме (например, долгий гласный [i:] во всех словах графически должен был передаваться буквосочетанием *ee*). Н. Вебстер заключил содержание этих нововведений в трёх основных принципах, в соответствии с которыми, во-первых, ни один графический знак не должен отражаться на письме, если в речи не произносим, что означает делиминацию непроизносимых знаков; во-вторых, каждому отдельному далее неразложимому звуку должен соответствовать определённый графический знак, который постоянно закреплён за ним; в-третьих, один графический знак не должен соответствовать одновременно двум различным звукам [9, с. 73]. Первый принцип согласуется с законом лингвистической экономии, исключающим любую избыточность языка. Два последних принципа означают, что каждому конкретному звуковому содержанию соответствует единственная графическая форма.

Идеи Н. Вебстера получили завершённость с публикацией в 1806 г. его «Краткого словаря английского языка». В этой работе многие группы слов значительно отклоня-

лись от устоявшихся орфографических норм английского языка. Наиболее значительные изменения в орфографии, предложенные Н. Вебстером, которые впоследствии прочно укоренились в американском варианте, включали: опущение *u* в словах типа *fervour* и конечного *k* в словах типа *magick*, инвертивное положение конечных *r* и *e* в словах типа *centre*, редукция удвоенных согласных и конечной *e* в словах типа *omelette*, а также стяжение отдельных лексем (*plow*) [2, с. 289, 457, 532, 586].

Большинство предложенных Н. Вебстером упрощений (*tung, iland etc.*) не были популяризированы. В работе «Зарождение американского языка: эссе и комментарии» М.М. Метьюс связывает социальное сопротивление к языковым нововведениям с тем, что орфография является той областью в языке, в отношении которой общество не допускает контроля извне [6, с. 9]. Возможно, именно эта социальная невосприимчивость к переменам сыграла решающую роль в неудачном исходе реформ Н. Вебстера. С другой стороны, это обстоятельство вполне может быть объяснено тем, что предложенные изменения намного опережали своё время. Несостоятельность реформы орфографии вызвана ещё и неподготовленностью в тот исторический момент социума к идее национальной идентичности. Тем не менее некоторые нововведения сохранились в американской орфографии до сих пор, и в большинстве случаев британская орфография отличается от американской большей протяжённостью в силу упрощённости последней.

Унификация и упрощение произносительных норм, по мнению Н. Вебстера, были необходимы из-за их испорченности, вызванной небрежностью и своеволием законодателей языковой нормы, которые своей целью видели создание элитарного слоя, отличительной чертой которого стало бы вычурное произношение [4, с. 20]. При этом необходимо учитывать, что большая часть населения США была склонна сокращать звуки, что воспринималось как неграмотность. В итоге произношение служило своего рода демаркационной

линией между слоями населения. Отвергая социальную стратификацию, которую породили в том числе и различия в устной речи, Н. Вебстер защищал и пропагандировал произношение, свойственное большинству населения Америки, то есть более простой, по сравнению с «элитарным», его вариант. Орфография должна была таким образом отразить общераспространённое произношение.

Свой вклад в реформировании орфографии привнёс У. Торнтон. В предисловии к книге «Кадм или трактат об элементах письменной речи» (изданной с соблюдением норм принятой орфографии и предложенной им новой версии) У. Торнтон обращается к американцам: «You have corrected the dangerous doctrines of European powers, correct now the language. <...> The American Language will thus be as distinct as the government, free from all follies of unphilosophical fashion and resting upon truth as its own regulator» («Вы изменили опасные доктрины европейских держав, пришло время перестроить и язык. <...> Американский язык станет тогда таким же самостоятельным, как и государство, свободным от предрассудков моды и основывающимся единственно на истине») [3, с. 269]. Предложенный им алфавит включал тридцать букв с добавлением шести новых букв для обозначения четырёх согласных звуков *sh*, *ng*, *th*, *wh* и двух гласных звуков *aw*, *uh*; буквы *x*, *q*, *c* в новый алфавит не включались вовсе. Как и реформа Н. Вебстера, новая орфографическая система У. Торнтон была отвергнута, несмотря на доводы её авторов о том, что её принятие позволит усваивать язык в кратчайшие сроки, тогда как привычная орфография усваивается много дольше и не полностью.

Среди политиков инициатива реформировать английский язык была предложена Томасом Джефферсоном, который стремился к одновременности и слаженности реформ в политике и языке. По его мнению, упрощению должен был подвергнуться функционально-стилевой аспект языка. По Т. Джефферсону, упрощение заключается в стяжении форм и прозрачности, чёткости вкладываемого в сказанное значения. Необходимо от-

метить ограниченность действия данного упрощения рамками политического языка, для которого краткость форм и прозрачность смыслов обеспечивает доступность понимания для широкого населения.

Другой политический деятель США – Бенджамин Франклин – в основу реформирования языка положил фонетическую орфографию. Общедоступность и простота новой американской орфографии предполагала соответствие одного звука одной букве или сочетанию букв; это соответствие должно было быть системно-повторяющимся, устойчивым в языке и действующим без исключений. Эта идея Б. Франклина во многом предвосхитила схожие с ней принципы Н. Вебстера. Вновь обращаясь к лексико-фонетическим упрощениям Н. Вебстера, необходимо отметить, что частично они реализовались как в предложении использовать наиболее краткие возможные словоформы, так и в предложении употреблять уже существующие единицы языка. Общая тенденция в английском языке заключается в редукции сочетаний *oe*, *ae* до единичной *e*. Тем не менее британская орфография сохраняет написание *oe*, *ae* в таких словах, как, например, *leukaemia*, *encyclopaedia*, *manoeuvre* etc. [2, с. 437, 260, 462]. В американской орфографии предпочтения смещены в сторону упрощённого написания. Таким образом, привычное написание этих слов в американском английском имеет следующий вид: *leukemia*, *encyclopedia*, *maneuver* [2, с. 437, 260, 462]. Поскольку сочетания *oe*, *ae* (лексемы с ними) не характерны для английского языка и в целом носят окказиональный характер, в этих случаях американская орфография обусловлена логикой использования лишь тех буквосочетаний, которые функционируют в языке на регулярной основе. Впрочем, этот принцип не является жёстким императивом, обязывающим к употреблению единственно верного варианта: исключения составляют, например, слово *esthete* и его производные [2, с. 269], для которых правомерны оба варианта написания в американском английском.

Таким образом, по мере своего развития американский вариант всё сильнее отдаляет-

ся от своей основы, с одной стороны, испытывая закономерное влияние дивергенционных процессов, а с другой – подвергаясь многочисленным попыткам языковых реформ, направленных в первую очередь на упрощение орфографической системы. Несмотря на неоднозначность этих реформ и их частичную реализацию, они подтверждают, что с момента своего возникновения американский вариант английского языка развивался по пути сознательного упрощения, спланированный характер которого прослеживается в самих реформах, отголоски которых до сих пор имеют место в языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Aarts B., McMahon A. The handbook of English linguistics. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 803 p.
2. Cambridge Advanced Learner's Dictionary (CALD): third edition. – Cambridge University Press, 2008. – 1632 p.
3. Johnson P.A history of the American people. – USA: HarperCollins Publishers, 1997. – 640 p.
4. Leavitt R.K., Webster N. Noah's ark, New England Yankees, and the endless quest: a short history of the original Webster dictionaries, with particular reference to their first hundred years as publications of G. & C. Merriam Company. – Springfield: G. & C. Merriam Co., 1947. – 106 p.
5. Marckwardt A.H., Quirk R. A common language: British and American English; conversations between Albert H. Marckwardt [and] Randolph Quirk. – Cox and Wyman, 1964. – 79 p.
6. Mathews M.M. The beginnings of American English: essays and comments. – Chicago: The University of Chicago Press, 1931. – 181 p.
7. O'Callaghan B. An illustrated history of the USA. – UK: Longman, 2006. – 144 p.
8. Ramsay D. The History of the American Revolution: Vol. 1. – Applewood Books: Bedford, Massachusetts, 1789. – 362 p.
9. Simpson D. The politics of American English. – New-York: Oxford University Press, 1986. – 301 p.

УДК 801

Медведев В.Б.

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

ЭНЕРГИЯ В ЛИНГВОДИНАМИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

V. Medvedev

Moscow State Transport University

LINGUISTIC ENERGY OR LINGUODYNAMICS

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия энергии в лингвистике и возможности адаптации законов термодинамики применительно к описанию языковых явлений. Отдельная дисциплина лингводинамика призвана уравнивать энергетику речевой деятельности с прочими видами деятельности человека. При этом учитывается, что законы лингводинамики не сопоставимы с известными физическими законами. Анализ материала художественного произведения позволил сделать вывод, что энергетические свойства языковых единиц проще всего устанавливаются в текстах двуязычных авторов, где в контрастных условиях использования языка творчества наиболее резко проступает этнический заряд родного языка писателя.

Ключевые слова: энергия, лингводинамика, двуязычие, этнический, закон, деятельность, значение.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of "energy" in linguistics and the possibility to adopt thermodynamics laws to the description of linguistic phenomena. Energetic properties of linguistic units are most clearly identified in the texts by bilingual authors, where the contrast between the creative language and the writer's mother tongue brings out vividly the ethnical energy of the latter. The special branch of linguistics - linguodynamics is to equate the energy of language with other forms of human activities. It must be understood, however, that the laws of linguodynamics are not identical with physical laws.

Key words: energy, linguodynamics, bilingualism, ethnic, law, activity, meaning.

В эпоху, на которую пришлось годы творчества В. Гумбольдта, в естествознании только появилось понятие энергии и ещё не были сформулированы основные законы термодинамики. В противном случае великий немецкий исследователь, несомненно, попытался бы обратиться эти физические начала на службу науке о языке. Собственно, наличие дефиниции 'языка как энергии' в трудах В. Гумбольдта уже предопределило прикладной характер естественнонаучных законов применительно к лингвистике. С этой точки зрения необходим более подробный анализ энергии как явления не только лингвистического.

В отличие от сложившейся в языкознании двойственной интерпретации понятия «энергия» (у Гумбольдта – с акцентом на деятельность как процесс "Tätigkeit" [4], а у Л. Вайсгерберга – на действенную силу "wirkende Kraft" [15, с. 44]), в естествознании этот термин получил развитие в силовом изложении. Т. Юнг, впервые использовавший в 1807 г. слово "энергия" взамен понятий «живая сила» ("lebendige Kraft") и «потенциальная сила», т. е. «напряжение» ("Spannkraft"), сделал упор именно на физическую, но не на деятельностную сторону этого явления. Если перенести рассмотрение проблемы динамики языка в естественнонаучную плоскость, то энергия может быть определена как потенциальная способность элементов языка к речевой реализации. Понимание энергии языка как нереализованной силы соответствует современному классическому определению энергии в физике: «способность тела или системы тел совершать работу» [6, с. 1125].

В общем случае любое физическое тело обладает одновременно как кинетической, так и потенциальной энергией. Их сумму называют *полной механической энергией*, что было

в 1847 г. представлено немецким учёным Г. Гельмгольцем в виде формулы: $E = E_k + E_n$. На языке филолога эта запись означает, что каждый элемент языковой системы (E) обладает полной энергией, суммирующейся из потенциальной (E_n) и кинетической энергии (E_k). Кинетическая энергия (движущегося тела) в лингвистическом понимании может толковаться как энергия, затрачиваемая на процесс использования элемента в речевом исполнении или трансформации элемента из одной системы в другую. В ходе осуществления этих динамических преобразований по мере реализации элементом накопленной энергии потенциальная энергия приближается к нулю, в то время как кинетическая энергия достигает своего максимума в речи. Потенциал языковой системы проявляется в зависимости от коммуникативной задачи.

Наличие данной дефиниции энергии предопределило также возможность применения законов термодинамики к объяснению некоторых языковых явлений, которые с учётом динамической природы языка можно было бы рассмотреть в специальном разделе *лингводинамики*.

Физическая основа лингводинамических законов способствует осознанию реальной расстановки сил в отношении мышления и языка. Как и в механике, в речевом процессе инициатором деятельности, вызывающей энергетический импульс, является не сам по себе язык, но *мыслящая личность*, что зачастую уходит от внимания неогумбольдтианцев и сторонников теории лингвистической относительности. К. Юнкер справедливо отмечает: «Если энергия является речевой деятельностью, то предикат – сила относится к говорящему, а не к самому языку» [12, с. 75].

Как известно, термодинамика зиждется на трёх законах, или началах, сформулированных на основе экспериментальных данных и, следовательно, могущих быть принятыми как постулаты.

Первое начало термодинамики гласит, что термодинамическая система может совершать работу только за счёт своей внутренней энергии или каких-либо внешних источни-

ков энергии. В любой изолированной системе запас энергии остаётся постоянным.

Применительно к языковой системе можно исходить из утверждения ее относительно равновесного состояния в изолированном виде, как это наблюдается в мёртвых языках. Речевые акты, совершаемые на данных языках (медицинские освидетельствования, юридические документы), осуществляются за счёт внутренних ресурсов системы, не способствуя её развитию. Библейский язык получил новый импульс развития лишь после перевода его в стадию разговорного языка и пополнения, таким образом, энергетического запаса только за счёт внешнего вмешательства.

Однако не менее важен вывод из этого начала, согласно которому энергия не может быть уничтожена; она передаётся от одной системы к другой и превращается из одной формы в другую, что получило название *закона сохранения и превращения энергии*.

Если первый закон термодинамики обобщённо формулирует способность сохранения системой внутренней энергии и передачи элементарного количества её другим телам в ходе совершенной работы, то логично предположить, что энергетический заряд одной языковой системы не растворяется и не исчезает при смене индивидом языковой системы, продолжая латентно присутствовать в сознании и получать по мере надобности иную языковую реализацию. Этот физический закон в науке о языке мог бы получить название *первого начала лингводинамики*.

Второе начало термодинамики сводится к утверждению, что процесс передачи теплоты от горячего тела к холодному является необратимым, то есть не может быть осуществлён без каких-либо изменений в системе последнего. Это явление называют *рассеиванием* или *диссипацией* энергии. Данный постулат приемлем и в лингвистическом приложении, в форме *второго закона лингводинамики*, если придерживаться правила, что процесс трансформации элементов системы одного языка в систему другого языка сопровождается изменениями в системе принимающего

языка. Вполне допустимо, что национальный язык, являясь внешним проявлением духовного состояния народа, не может служить препятствием его этнической репрезентации в иной языковой оболочке, и содержание его единиц обретает всего лишь новую внешнюю форму. Возможно, нечто, подобное теплообмену физических объектов, наблюдается и в сохранении этнолингвистической приверженности индивида при переходе на пользование другим языком. С чисто технической стороны давление физической системы определяется путём сброса энергии, что фиксируется специальными приборами. О подобном энергетическом перепаде можно, очевидно, говорить и применительно к перемене потоком сознания одного речевого русла на другое. При такой трансформации часть передаваемой энергии сохраняет кинетические свойства предыдущей системы. В лингвистике более определённо данная взаимозависимость может быть выражена как константность проявления некоторых национально-языковых признаков в иной, помимо родного языка, вербальной репрезентации. При этом должны быть исключены случаи языковой интерференции, возникающие при недостаточном владении индивида вторым языком. Ибо речь в данном случае идёт не о насильственном навязывании элементов одного языка другому в нарушение сложившихся языковых норм, но о внедрении в систему языка творчества единиц этнического языка. Такое взаимодействие языков, а именно о нём идёт речь, предполагает не только общеизвестную и достаточно распространённую практику лексических заимствований, что неоднократно становилось предметом глубоких исследований [3], но более основательное и не всегда явное взаимопроникновение языков путём перетекания внутренней формы одного языка во внешнюю оболочку заимствующего языка. Уровень эластичности языка-реципиента должен быть достаточно высок для того, чтобы адаптировать предопределённое ему исходным языком содержание. Наиболее наглядно это положение представлено в творчестве двуязычных

писателей, чьи произведения, как правило, оцениваются в плане принадлежности к той или иной национальной литературе преимущественно в аспекте характерных литературных достоинств, но не с лингвистической точки зрения [8; 9]. Энергообмен языковых систем обнаруживается лишь при тщательном анализе произведения автора-билингва, а незаметное присутствие этнических единиц не всегда способно привлечь внимание даже искушённого исследователя. В исследованиях сверхфразовых единств действие данного постулата должно свидетельствовать о произошедших в них необратимых структурных изменениях. Это может быть подтверждено присутствием *дисперсных элементов* – сохранившихся в системе принимающего языка (не растворившихся) частиц исходного языка, что характерно для межсистемного сообщения. В естественных науках для обнаружения присутствия дисперсных частиц принято помещать материал в иную среду или вводить контрастное вещество. Точно так же в распоряжении лингвистов имеется зарекомендовавший себя контрастивный метод исследования, который применительно к нашему случаю желательно усилить наблюдением над поведением дисперсных элементов не в рамках системных сопоставлений, но в речевом потоке, где возможно проявление меченых элементов в совмещённом движении единиц нескольких языковых систем.

Второе начало термодинамики исходит, по сути, из признания существования некоторой величины, т. н. *энтропии*, характеризующей состояние тела и никогда не убывающей – она может лишь возрастать, или, в крайнем случае, оставаться постоянной в любом физическом процессе. Энтропия составляет *третье начало термодинамики*.

Решая задачу изучения энтропии поэтического языка, академик А.Н. Колмогоров пришёл к выводу, что энтропия языка (H) складывается из двух величин: определённой смысловой ёмкости (h_1) – способности языка в тексте определённой длины передать некоторую смысловую информацию, и гибкости языка (h_2) – возможности одно и то же со-

держание передать некоторыми *равноценными* способами. При этом именно h_2 является источником поэтической информации. Поэтическая речь накладывает на текст ряд ограничений в виде заданного ритма, рифмы, лексических и стилистических норм. Измерив, какая часть способности нести информацию расходуется на эти ограничения, А.И. Колмогоров сформулировал положение, согласно которому поэтическое творчество возможно лишь до тех пор, пока величина информации, расходуемой на ограничения, не превышает $< h_2$ – гибкости текста [7].

В текстах двуязычных авторов величина h_2 , очевидно, отражает меру допустимости использования в произведении, написанном автором на языке творчества, языковых элементов из его родного языка. Из этого следует, что параметр h_2 не должен достигать предела гибкости, с которого толкование текста становится невозможным.

Таким образом, законы лингводинамики применительно к сверхфразовым единствам, созданным авторами-билингвами на неэтническом языке, должны проявить себя в установлении *диссипации*, сохраняющейся в форме дисперсных этноэлементов, вызывающих необратимые изменения в содержании текста. *Энтропия*, как инвариант содержания текстового сегмента, устанавливается во взаимодействии отрывка анализируемого произведения с соответствующими выдержками по сходной тематике других сверхфразовых единств.

Энергия, определяемая как «общая количественная мера различных форм движения материи» [6, с. 1558], включая и речевую, может быть количественно определена и представлена по вышеуказанной формуле Г. Гельмгольца суммой этнических элементов.

В качестве единицы измерения энергетического потенциала предлагается использовать специальную «этническую условную единицу» *Ethnic Conditional Unit*, сокращённо – «**ECU**». Полная репрезентация этносодержания языкового элемента равна **1 ECU**; частичная репрезентация этнического контента, способного с той или иной вероятностью проявиться в языке творчества или функциони-

рующего в виде сознания, очевидного лишь носителю этнического языка, оценивается **0,5 ECU**. Такая половинчатая оценка этноэнергии дисперсного элемента объясняется его отнесённостью к двум языковым системам.

Энергетическая нагрузка этнического содержания (**E**), заключённая в лингвистических единицах любого уровня одного языка, в соответствии с первым законом лингводинамики, должна быть эквивалентна силе её проявления в другом языке и измеряться элементарным подсчётом этнолингвистических единиц любого уровня, присутствующих в творческом языке произведения двуязычного писателя.

Энергообмен языковых систем, позволяющий определить силу содержания этнических единиц, обнаруживается лишь при тщательном анализе произведения автора-билингва, в котором скрытое присутствие этнонима не всегда способно привлечь внимание даже искушённого исследователя. Так, название речки *Satkula* в произведении «Krabat oder die Verwandlung der Welt» [11] немецкого писателя лужицкого происхождения Ю. Брезана свидетельствует об отнесённости слова к родному языку автора романа не только своей внешней формой, но и формой внутренней, вместившей в себя один из локальных ориентиров национального очага – «реки». В переводе на немецкий «*Satkula*» означает «*Fluss*», соответственно, в русской интерпретации – «река».

Рассмотрим пример:

Genau im Mittelpunkt unseres Kontinents... springt *die Satkula*, ein Bach, der sieben Dörfer durchfließt und dann auf den Fluss trifft, der ihn schluckt. Wie die Atlanten, so kennt auch das Meer den Bach nicht, aber es wäre ein anderes Meer, nähme es nicht auch das Wasser *der Satkula* auf [11, с. 5].

Как раз в самом центре нашего континента... берёт своё начало речка *Саткула*, весело журчащая мимо семи деревень, чтобы сразу же за ними нырнуть в большую реку. Ни океан, ни море ведают не ведают об этой речке, но море было бы другим, не вбери оно в себя и *Саткулу* [2, с. 109].

Этот важный этнический элемент содержания, очевидный носителю лужицкого языка, к сожалению, ушёл от внимания как немецкого, так и русскоязычного читателя, хотя с полным основанием можно фиксировать вброс сербско-лужицкого национального заряда в немецкий язык Ю. Брежана. Важно принять во внимание, что “*Satkula*” – отнюдь не топоним одного из малых славянских языков, но более релевантное, чем можно было предположить, слово в языке немецкоязычного писателя, желавшего использованием лексики родного языка подчеркнуть историческую значимость лужицких сербов, этого крохотного, исчезающего народа, в решении проблем вселенского масштаба, поднятых в романе. Подобный лексический этноним в тексте произведения может быть оценён в 1 ECU.

Признак участия этнического языка в канве повествования произведения многоязычного автора настолько дифференцирован, что в состоянии манифестировать себя как одномоментный почти неуловимый штрих, способный тем не менее обнаружить, пусть и слабую, национально-культурную пульсацию. В следующем отрывке из того же произведения можно найти этому подтверждение:

Krabat (E 1) setzte sich an den Bach... Als *das Käuzchen (E 1)* jagte und *der Uhu (E 1)* über die Wälder strich, hockte der Wassermann auf dem Stamm einer *hohen Weide (E 1)*... *Krabat (E 1)* verstand, dass er *Smjala (E 1)* verloren hatte [11, с. 35].

Имя собственное “*Krabat*” является именем героя лужицкой легенды, интерпретируемым на немецкий язык как “*munteres, wildes Kind*” [14]. Поскольку в этом отрывке данное слово встречается дважды, то общая сумма их энергетического заряда равна 2 ECU. “*Smjala*” – женское имя, означающее в переводе с лужицкого на немецкий “*Mädchen glücklichen Lachens*”, ввиду этимологических корней является энергетическим носителем 1 ECU. Энергетический заряд каждого из существительных “*der Kauz*”, “*der Uhu*” равен 1 ECU, так как в соответствии со славянской мифологией обозначаемые ими птицы сим-

волизируют приближающуюся утрату или смерть [1, с. 420]. В представлениях древних славянских народов, дерево с нагнувшимися к воде ветвями является символом одиночества и печали [10, с. 68], что позволяет оценить энергию существительного “*die Weide*” также в 1 ECU. Напротив, берёза и в славянской, и в германской мифологии символизирует пробуждение природы: “*das Erwachen der Natur, den Frühlingsanfang, den fruchtbaren Vegetations- und Frühlingsdämon*” [13, с. 18]. Поэтому существительное “*die Birke*”, выступающее как самостоятельное слово или в качестве компонента сложного существительного, например, в предложении “*Die jungen Liebenden, die noch kein Bett für ihre Liebe hatten... suchten umsonst nach dem duften Heidebett... im hellgrünen Birkenzimmer...*” [1, с. 175], является энергоносителем в 0,5 ECU, так как относится к соответствующему лексическому полю названий растений обоих языков. Общий энергообъём этнокомпонентов двух отрывков составляет: $E = 5,5$ ECU.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что одной из задач исследования текста многоязычного автора является установление на основании диссипации (этно)дисперсных единиц объёма совокупной энергетической ценности этнических элементов, способных подтвердить действие постулируемых языку законов лингводинамики.

Лингводинамика призвана к уравниванию речевой деятельности со всеми прочими видами человеческой активности, под которые может быть подведена физическая основа её истолкования. Однако рассмотрение энергии языка в рамках законов лингводинамики рассчитано на исключение в воздействии языка на мышление чисто силового эффекта. Перенос исследования языковых явлений в лингводинамическую плоскость раскрывает силы родного языка в способствовании индивиду руководствоваться в своей творческой деятельности стереотипами этнического языка.

Законы лингводинамики в их отношении к физическим или химическим законам сопоставимы по своей актуальности с фоне-

тическими законами, ставшими предметом дискуссий в XIX в. Здесь скорее следует согласиться с мнением Б. Дельбрюка и Г. Пауля, выступивших против попыток сравнивать фонетические законы с законами природы, изучаемыми физикой, ввиду того, что «язык слагается из действий людей, и, следовательно, фонетические законы относятся не к учению о закономерности явлений природы, а к учению о закономерности человеческих действий, кажущихся произвольными» [5, с. 189].

Как показал краткий анализ отрывка из романа Ю. Брезана, произвольность использования этнических элементов представляется действительно «кажущейся», но вполне способной быть установленной, включая энергетический потенциал, в каждом отдельно взятом произведении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х т. Т. 1. – М.: Совр. писатель, 1995. – 414 с.
2. Брезан Ю. Крабат, или Преображение мира // Избранное. – М.: Радуга, 1987. – 510 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25–60.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и их влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. – М.: Госучпедиздат Минпрос РСФСР, 1960. – С. 68–87.
5. Дельбрюк Б. Введение в изучение индоевропейских языков // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. – М.: Госучпедиздат Минпрос РСФСР, 1960. – С. 183–193.
6. Краткий политехнический словарь / Е.С. Андреев и др.; Ред. Б.С. Брестина и др. – М.: Гос. изд-во техн.-теорет. лит., 1955. – 1136 с.
7. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1968. – Вып. 209. – С. 5–50.
8. Михайлов М.М. Двужычие и взаимовлияние языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 197–204.
9. Михайловская Н.Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1984. – 160 с.
10. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. – Изд. 2-е. – Харьков: Мирный труд, 1914. – 243 с.
11. Brězan J. Krabat oder Die Verwandlung der Welt. – Berlin: Neues Leben, 1976. – 3. Aufl., 1980. – 463 S.
12. Junker K. Zur Kritik an der Humboldt – Adaption der Neuhumboldtianer // Sprache – Bewußtsein – Tätigkeit. Welke K. (Hrsg.). – Berlin: Akademie-Vlg., 1986. – S. 68–93.
13. Mayer E.A. Pflanzennamen in Mitteldeutschland // Für dich. – 1988. – N. 48. – S. 23.
14. Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der Ober- und niedersorbischen Sprache. – Bautzen: Domowina – Vlg., 1983. – Heft 1/17.
15. Weissgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. 4. Aufl. – Düsseldorf, 1971. – 126 S.

УДК 81' 255

Олейник А.Ю.

Московский государственный областной университет

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ И КРИТЕРИИ ЕЁ ОЦЕНКИ

A. Oleynik

Moscow State Regional University

THE VARIATION IN LANGUAGE MEDIATION AND CRITERIA OF ITS ESTIMATION

Аннотация. Настоящее исследование направлено на изучение проблемы вариативности в языковом посредничестве. Основное внимание уделяется анализу двух критериев оценки её глубины. Нижним критерием является языковая форма текста. В качестве верхнего критерия оценки выступает дискурсивная форма. С этой точки зрения выделяются две разновидности «глубины» вариативности в опосредованной межъязыковой коммуникации: отклонение вторичного текста от языковой формы текста исходного (данная глубина определяется с помощью нижнего критерия) и отклонение вторичного текста от дискурсивной формы оригинала (данная глубина определяется при помощи верхнего критерия).

Ключевые слова: языковое посредничество, переводческие трансформации, языковая форма текста, дискурсивная форма текста, перевод, интерпретация, сопоставительный анализ текстов.

Abstract. The present scientific research is concerned with studying the problem of variation in language mediation. The main attention is focused on the analysis of the criteria which help to estimate its depth. The linguistic form of the text is a lower criterion, while the text's discourse form is the upper criterion of estimation. From this point of view, the depth of variation in mediate interlanguage communication is divided into two types: as a divergence of the target text from the source text's linguistic form (this depth is estimated by the lower criterion) and as a divergence of the target text from source text's discourse form (this type of depth is estimated by the upper criterion).

Key words: language mediation, translational transformations, linguistic form of the text, discourse form of the text, translation, interpretation, comparison analysis of texts.

Формальные отклонения в процессе опосредованной межъязыковой коммуникации (перевода, интерпретации) всегда варьируются. В одних случаях при переводе представляется возможным установить смысловое соответствие между разноязычными текстами с помощью эквивалентных языковых средств, изредка прибегая к трансформациям. Такие ситуации распространены преимущественно в специальном переводе, где переводчик обязан устанавливать максимальное тождество между ИТ и ПТ. Что же касается общественно-политического перевода, то здесь достаточно часто возникает необходимость использовать трансформации, затрагивающие как грамматическую, так и семантическую сторону высказывания. Кроме того, при осуществлении данного вида перевода нередко приходится прибегать к перестановкам, добавлениям и опущениям, экспликациям и компрессиям содержания. В отличие от специального и общественно-политического, в художественном переводе представлен более разнообразный спектр переводческих приёмов с точки зрения масштаба и глубины. Здесь наряду с вышеуказанными приёмами используются и «радикальные» преобразования, влекущие изменения не только на языковом уровне высказывания, но и на уровне смыслового содержания.

Глубокие преобразования, как правило, используются для передачи реалий, тропов, фигур речи, фразеологических единиц, архаизмов, речевых стереотипов, речи иностранцев

© Олейник А.Ю., 2013.

(разговаривающих на английском языке), не-правильной или дефектной речи, а также при нейтрализации различий в запасах фоновых знаний представителей этнокультурных общностей [3, с. 155–156; 7, с. 94; 14, с. 10].

На протяжении долгого времени вариативность как явление в опосредованной межъязыковой коммуникации изучается в русле различных направлений отечественной и зарубежной теории перевода. Сторонники субститутивно-трансформационного типа онтологии преимущественно изучают вариативность, осуществляемую на уровне языковой организации текста [10; 17] и (за исключением некоторых учёных [5; 8; 19]) редко обращаются к изменениям смыслового содержания (они считаются недопустимыми при переводе). Представители деятельностного типа онтологии, напротив, обращаются к анализу модификаций на уровне текстового смысла [7; 20] и практически не интересуются изменениями на языковом уровне текста.

Вместе с тем, несмотря на расхождения принципов указанных подходов, вариативность в переводе (и языковом посредничестве в целом) всё же признана одной из актуальных проблем современной лингвистики. Следует отметить, что сторонникам как трансформационного, так и деятельностного направления так или иначе необходима **точка опоры** в исчислении производимых при переводе изменений (трансформаций, модификаций), которые являются **показателем** масштаба и глубины отклонения ПТ от ИТ [13, с. 103]. С одной стороны, производимые (переводчиком, интерпретатором) изменения являются очевидными, а с другой – трудно поддаются исчислению. В самом деле, на каком основании мы можем полагать, что в тексте перевода произошло изменение относительно текста оригинала? Как могут оцениваться масштаб и глубина отступлений ПТ от ИТ? По каким критериям можно доказать оправданность перехода от перевода к интерпретации, даже если на это есть причины?

Безусловно, данные вопросы ещё ждут своего решения, однако, несмотря на это, уже можно определить критерии, по которым

определится масштаб и глубина отступления вторичного текста от оригинала, то есть вариативность в межъязыковой коммуникации.

Итак, под нижним критерием мы понимаем **языковую форму** высказывания (текста). В качестве верхнего критерия мы рассматриваем **дискурсивную форму** текста. С этой точки зрения понятие «глубина изменения» получает двойную трактовку: выделяется глубина с точки зрения отклонения вторичного текста от исходного текста по языковой форме и глубина отклонения вторичного текста по форме дискурсивной.

Первая определяется на основе нижнего критерия – **языковой формы**. Этот процесс распадается на два этапа. Прежде всего, чтобы определить, какие стороны формы высказывания на ПЯ находятся в отношении различия или тождества к сторонам формы высказывания на ИЯ, необходимо провести их предварительный анализ и определить элементную базу. Следующим этапом является **сопоставительный анализ** элементов языковой формы переводного высказывания с элементами языковой формы высказывания исходного. При помощи метода сопоставительного анализа представляется возможным определить, в каком отношении друг к другу находятся соотносительные элементы и, таким образом, установить степень отклонения языковой/ дискурсивной формы высказывания на ПЯ от языковой/ дискурсивной формы высказывания на ИЯ.

«Метод, – указывал в своё время Гегель, – есть сознание формы внутреннего самодвижения его содержания» [6, с. 33], поэтому нельзя не отметить эффективность и ценность этого научного метода для переводоведческой науки. Метод **сопоставительного анализа** признан **специальным научным методом** теории перевода и используется наряду с такими методами, как **моделирование** [11], **дедукция** [2], **эксперимент** [20], **«закрытых слов»** [12]. «... В любом лингвопереводческом исследовании, – пишет В.Н. Комиссаров, – исходным материалом служат тексты оригинала и перевода, а основным методом анализа – **сопоставление** (выделено нами. – А.О.) соотне-

сённых отрезков этих текстов. Теоретические постулаты, с помощью которых исследователь пытается описать и объяснить феномен перевода, должны основываться на результатах подобного сопоставления и подтверждаться при их проверке на новых множествах текстов» [9, с. 8]. А. Попович отмечает: «Методическая проблема теории перевода вытекает из **сопоставительного характера** перевода (*выделено нами.* – А.О.). В самой основе перевода лежат языковые операции, или сопоставление двух языковых систем» [16, с. 24].

Более того, сопоставительный анализ текстов на ПЯ и текстов на ИЯ «даёт возможность представить ненаблюдаемый процесс в виде ряда лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода. Изучение подобных операций, как показывает опыт, оказывает большую помощь в практике перевода, и поэтому оно занимает важное место в подготовке переводчиков» [8, с. 134].

Добавим также, что ещё на этапе становления теории перевода именно сопоставительный метод позволил учёным выявить многочисленные случаи совпадений и различий между разноязычными текстами и тем самым определить два основных приёма, с помощью которых осуществляется перевод: подстановки и межъязыковые (переводческие) трансформации. С другой стороны, сопоставление ИЯ и ПЯ дало возможность устанавливать степень грамматических и лексических расхождений между ними, а это в свою очередь позволило определить степень трудностей, возникающих в процессе перевода. Впрочем, в 50-е–60-е г. XX в. переводоведение в большей степени занималось сопоставительным изучением лингвистических аспектов контактирующих при переводе языков [4; 10; 16; 17; 18]. Изучению природы смысловой структуры речевого произведения, а также экстралингвистических аспектов переводческой деятельности особого внимания в то время не уделялось.

Обратимся к анализу вариативности в языковом посредничестве и попытаемся дать ей оценку с помощью нижнего критерия.

(1) Мы должны ²⁾**подходить** к этому очень ¹⁾**аккуратно** (цит. по: [15, с. 16]).

(1) We must take a very ¹⁾**prudent** ²⁾**approach** (цит. по: [15, с. 16]).

Сопоставительный анализ разноязычных высказываний показывает, что они соответствуют друг другу по смыслу и дискурсивной форме: рема (“**prudent**”) = реме (“**аккуратно**”). На уровне языковой формы между высказываниями наблюдается различие, поскольку при переводе применены трансформации. Первой модификацией является замена наречия ¹⁾(“**аккуратно**”) прилагательным ¹⁾(“**prudent**”). Данная трансформация доминантная, поскольку затрагивает грамматический аспект языкового оформления экспрессивного центра высказывания. В качестве следующей выступает замена глагола ²⁾(“**подходить**”) существительным ²⁾(“**approach**”). Подвергшийся замене элемент перемещается в постпозицию к прилагательному (“**prudent**”), ближе к конечной части высказывания на ПЯ. На основании сопоставительного анализа разноязычных высказываний становится очевидным, что как по глубине, так и по масштабу данные трансформации в целом незначительны, так как осуществляются на языковом уровне и не вторгаются в область смыслового содержания.

Рассмотрим вариативность в языковом посредничестве с точки зрения её оценки по верхнему критерию – дискурсивной форме текста.

Принципиальным здесь также является сопоставительный метод. Сопоставляя дискурсивную форму текста на ПЯ с дискурсивной формой текста оригинала, мы можем определить их тождество или различие. В тех случаях, когда при использовании трансформаций дискурсивная форма ПТ инвариантна дискурсивной форме ИТ, такую трансформацию следует признать неглубокой. Если осуществляемые посредником трансформации вторгаются в область данной формы и приводят к её изменению (т. е. к отклонению от ИТ), такие трансформации могут быть оценены как глубокие. Изменение дискурсивной формы при использовании “глубо-

ких” и масштабных приёмов (разумеется, по определённым причинам) означает, что языковой посредник уже выполняет функцию не переводчика, а **интерпретатора**, так как смысловая обработка текстового содержания (смысловые расширения, сужения, переформулирования) при переводе недопустима. Разумеется, интерпретатору на этапе вероятностного прогнозирования следует видеть перед собой потенциального получателя вторичного текста (конкретного или усреднённого), учитывать его коммуникативную компетенцию.

Проведём анализ примера осуществления отступления вторичного текста от дискурсивной форма текста исходного и попытаемся определить масштаб модификации.

исходный текст: (1) *«Вы напишете всё, что скажу?» – хитро улыбаясь, спросил меня представитель американской фирмы «Мин энд Ассосиадес» Хулио Васкес.* (2) – *Тогда пишите:* «вначале я не надеялся на успешное сотрудничество с советской фирмой. (3) Мы не знали уровня советской техники, уровня сотрудников Энергомашэкспорта» [21, с. 32].

вторичный текст: (1) Julio Vasquez, a representative of Main and Asosiados said: «At first I was doubtful about successful cooperation with a Soviet firm. (2) We did not know about the Soviet technical level and the competence of Energomashexport specialists» [22, с. 33].

Сопоставительный анализ фрагментов разноязычных текстов показывает, что по объёму смыслового содержания вторичный текст явно “уступает” исходному. В первом (англоязычном) высказывании интерпретатор не выразил информацию: *«Вы напишете всё, что скажу?» – хитро улыбаясь, спросил меня представитель американской фирмы... Тогда пишите...»*, что можно понимать как использование приёма **смысловой компрессии**, который характеризуется как опущение/сокращение избыточной информации или той, которая может представляться несущественной для получателя.

В данном контексте компрессия содержания представляется полностью оправданной, поскольку невыраженная информация («Вы

напишете всё, что скажу?» – хитро улыбаясь, спросил меня представитель американской фирмы... Тогда пишите...») вряд ли является «ценной» для носителей английского языка. Поэтому отклонение от дискурсивной формы текста оригинала не следует воспринимать как некую вольность посредника, осуществляющего коммуникативный акт.

Рассмотрим другой пример, где используется целый комплекс разноплановых глубоких трансформаций (модификаций) содержания.

(1) *Moreover, Barak did oppose the 1995 Oslo agreement on interim autonomy for Palestinians: he was no peacenik* (цит. по: [1, с. 132]).

(1) *Барак никогда не был на стороне тех, кто выступал за мир с арабами любой ценой.* (2) *Так, он всегда высказывался против заключённого в Осло соглашения 1995 года о предоставлении палестинцам временной автономии* (цит. по: [1, с. 132]).

В данной ситуации осуществить передачу содержания исходного высказывания также не представляется возможным без использования интерпретации.

Прежде всего, особую трудность при передаче смысла высказывания создаёт элемент «*peacenik*», который выступает в двух значениях: “противник войны” и “участник антивоенной демонстрации”. Понятно, что в данном контексте дословный перевод этого элемента недопустим. Невозможность его прямой передачи мотивирует языкового посредника осуществить интерпретационную операцию – смысловое расширение (экспликацию). В результате операции элемент («*peacenik*») в русскоязычном высказывании приобретает значение ‘*сторонник мира между израильянами и палестинцами, который готов идти на уступки любой ценой*’. Следует отметить, что, помимо смыслового развития, языковой посредник перераспределяет элементы содержания. Во втором высказывании мы также наблюдаем экспликацию: более точное описание того соглашения, против которого выступает Барак.

Таким образом, трансформации (экспликации, добавления, перестановки частей

высказывания) затрагивают область смыслового содержания и могут быть с уверенностью признаны глубокими. Конечно, здесь мы чётко видим выход за пределы перевода в область интерпретации, однако такое действие языкового посредника представляется оправданным.

В заключение подведём итоги нашего исследования.

При оценке вариативности языковой формы вторичного текста, степени её отклонения от языковой формы текста оригинала принципиальное значение имеет взаимосвязь языковой и дискурсивной форм. Языковая форма выступает в качестве нижнего критерия оценки переводческой трансформации и является зависимой переменной. Дискурсивная форма, напротив, выступает в качестве верхнего критерия оценки переводческой трансформации и является независимой переменной. Оценка глубины любого изменения в переводе и/или интерпретации осуществляется методом **сопоставительно-го анализа** способа языкового выражения и дискурсивной формы высказывания на ПЯ с языковым выражением и дискурсивной формой высказывания на ИЯ.

На основании проанализированных примеров представляется возможным утверждать, что понятие «глубина переводческой трансформации» может иметь двойную трактовку. В том случае, когда изменение касается лишь аспекта языковой формы при точном соблюдении параметров дискурсивной формы ИТ, это – результат осуществления в целом неглубоких трансформаций. Если преобразования вторгаются в область дискурсивной формы (в масштабе отдельного высказывания или группы высказываний), это результат трансформаций большой глубины. Осуществление таких трансформаций означает, что языковой посредник уже выходит за рамки перевода и реализует иной вид языкового посредничества – **интерпретацию** [14, с. 24–27]. Такие трансформации обусловлены экстралингвистическими факторами.

Анализ примеров также показал, что языковая форма текста может быть признана

нижней границей опосредованной межъязыковой коммуникации. Данная форма – это необходимая **точка отсчёта** в анализе и оценке вариативности не только перевода, но и интерпретации. Дискурсивная форма, напротив, может рассматриваться как верхняя граница не только перевода, но и интерпретации. В аспекте дискурсивной формы языковой посредник может чётко контролировать глубину и масштаб осуществляемых операций: если при переводе посредник применяет трансформацию, связанную со смысловой переработкой содержания (переформулирования, масштабные добавления, компрессии и пр.) то это означает **выход** за рамки перевода в область интерпретации. С другой стороны, ориентируясь на дискурсивную форму исходного текста при осуществлении интерпретации, языковой посредник (интерпретатор) также может следить за глубиной модификаций и тем самым предотвращать выход за рамки интерпретации в область резюмирования (как известно, пределы приёмов осуществления интерпретационной деятельности также не являются безграничными).

Важно принимать во внимание то обстоятельство, что при отклонении от дискурсивной формы ИТ в масштабе высказывания (при осуществлении перевода) должна оставаться неизменной общая смысловая коммуникативная установка речи в выбираемом масштабе текстового дискурса – СФЕ. Важно также принимать во внимание и влияние стилистической принадлежности ИТ, поскольку трансформации, характерные для перевода художественных текстов, являются совершенно недопустимыми при передаче содержания научных, юридических, технических и других специальных текстов.

Более того, на языкового посредника (при осуществлении интерпретации) также распространяются запреты по применению «глубоких модификаций» в тех случаях, если:

- происходит радикальное изменение коммуникативного задания исходного высказывания и СФЕ;
- осуществляются изменения смыслового содержания без обоснования мотива

(произвольные переформулирования, добавления, неуместные опущения, неуместные комментарии) или авторского способа подачи информации;

– имеют место перестановки целых сверхфразовых структур внутри текста, которые нарушают логику развёртывания мысли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский: учебное пособие. – М.: Р. Валент, 2007. – 320 с.
2. Ванников Ю.В. О едином комплексе переводческих дисциплин// Вопросы теории и практики перевода. – М.: Изд-во УДН им. П. Лумумбы, 1970. – С. 1–14.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
4. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высшая школа, 1965. – 378 с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 544 с.
6. Гегель Г. Наука логики. Соч. Т. 5. – М.: Гос. соц.-эконом. изд., 1937. – 716 с.
7. Иовенко В.А. Основы концепции детерминизма в переводе (на материале испанско-русских и русско-испанских переводов): дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1992. – 310 с.
8. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 278 с.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода на современном этапе// Тетради переводчика. – Выпуск 13. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 3–12.
10. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Почему нужны грамматические трансформации при переводе?// Тетради переводчика. – № 8. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 12–23.
11. Марчук Ю.Н. Методы моделирования перевода. – М.: Наука, 1985. – 200 с.
12. Найда Ю. Наука перевода // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 3–14.
13. Олейник А.Ю. Взаимодействие переводческих трансформаций в динамике текстового дискурса // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 4 – С. 98–104.
14. Олейник А.Ю. Интерпретация текста и методика её осуществления: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 64 с.
15. Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В 2-х тт. Том 1. – 7-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2008. – 304 с.
16. Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высшая школа, 1980. – 199 с.
17. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 215 с.
18. Федоров А.В. О задачах сопоставительного изучения языков // Немецко-русские языковые параллели. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1961. – С. 5–26.
19. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
20. Ширяев А.Ф. Специализированная речевая деятельность (психолингвистическое исследование на материале синхронного перевода): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1979. – 474 с.

Источники:

21. Милюков О. СССР – Аргентина: сотрудничество в энергетике // Спутник (журнал). – 1985. – № 5. май. – 72 с.
22. Milyukov O. The USSR – Argentina: cooperation in electric power production// The Sputnik (magazine). – 1985. – No 5. – May. – 72 p.

УКД 81'342

Постнова Н.В.

Московский городской педагогический университет

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ЯЗЫКА

N. Postnova

Moscow City Pedagogical University

ON THE ISSUE OF GENESIS OF PHONETIC SETTING

Аннотация. Статья посвящена вопросу артикуляционной базы, обсуждаемому в научной литературе уже более столетия, но являющемуся актуальным и в настоящее время, поскольку нечёткость представлений о данном феномене не позволяет их использовать для оптимизации процесса обучения произносительной стороне иностранного языка. В статье анализируются работы отечественных и зарубежных исследователей *артикуляционной базы* и предпринимаются попытки определить её содержание, границы и физиологические основы. В заключение обобщены существующие определения данного понятия и сформулированы краткие выводы.

Ключевые слова: артикуляционная база языка, артикуляционная программа, основной артикуляционный уклад, предвосхищающая артикуляционная установка, теория физиологической активности, синергия.

Abstract. The present article gives an overview of the concept of phonetic setting (articulation basis) of a language. The problem has been discussed for more than a century, but there is still no clear and comprehensive definition of the concept and as the result it can't be used to improve learning and teaching foreign languages. Analysis of Russian and foreign works on the subject is given in the article and the content, physiological basis and unified characteristics of the phonetic setting are presented.

Key words: phonetic setting, synergy, speech apparatus, sound articulation, physiological activity theory.

Для производства звуков речи используется определённый набор укладов и движений органов артикуляции, которые сформировались в процессе развития конкретного языка. Их совокупность называют артикуляционной базой. Артикуляционная база очень устойчива. Речевой аппарат с высокой точностью на уровне автоматизма фиксирует те позиции и положения органов артикуляции, которые необходимы для произнесения отрезков звуковой цепи данного языка. Понятие артикуляционной базы чаще всего фигурирует в работах, посвящённых обучению иностранным языкам, поскольку овладение произносительной стороной речи на изучаемом языке предполагает формирование новых артикуляционных автоматизмов. Перенесение артикуляционной базы одного языка на производство звукокомплексов другого языка создаёт иностранный акцент в речи инофона, говорящего на новом для него языке.

Появление терминологического сочетания «артикуляционная база» связывается с именем Сиверса Э., автора книги «Основания фонетики» [9]. С тех пор мировая лингвистика и методика обучения иностранным языкам накопили определённое количество работ, посвящённых феномену артикуляционной базы. Отечественные учёные тоже проявили определённое внимание к данному явлению. Анализ их работ приводит к выводу, что объём понятия артикуляционной базы и её сущность к настоящему времени определены не в полной мере. Проиллюстрируем это утверждение конкретными примерами.

В «Словаре лингвистических терминов» Ахмановой О.С. суть артикуляционной базы представлена в самом общем виде: «совокупность произносительных тенденций, характеризующая речедвижения в данном языке» [1, с. 9]. Более пространное определение мы видим в учебнике Шор Р.О. и Чемоданова Н.С.: «Описание голосового аппарата и характера

© Постнова Н.В., 2013.

образования отдельных звуков речи показало нам, что всем языкам свойственны общие черты в артикуляциях и в то же время каждый язык обладает своими особенностями в производстве отдельных гласных или согласных, особенностями, которые объясняются привычкой к известным движениям органов речи в каждом данном языке. Эти привычные положения органов, типичные для всех говорящих на данном языке, называются артикуляционной базой этого языка» [17, с. 13]. Матусевич М.И., напротив, ограничивает понятие артикуляционной базы очень узкими рамками, а именно степенью напряжённости органов артикуляции [13]. И этот фактор, судя по целому ряду работ, весьма важен для характеристики артикуляционной базы. Так, в рекомендациях по формированию произносительных навыков русской речи у носителей немецкого языка предписывается прежде всего уменьшить напряжение произносительных органов [4]. В результате исчезнет ряд моментов, создающих «немецкий» акцент: придыхание при произнесении глухих согласных; гортанный взрыв (*Knacklaut – твёрдый приступ*) перед начальными гласными и др.

Подобный совет даётся и носителям русского языка, овладевающим английским произношением. В условиях школы и других учебных заведений нет возможности добиться полной перестройки артикуляционной базы учащихся. Однако можно управлять двумя физиологическими проявлениями, определяющими специфику английской артикуляции. Это фонационное дыхание, которое в английском языке заметно сильнее, чем в русском языке, и более высокая степень напряжённости органов речи при произнесении английских фонем по сравнению с напряжённостью, присущей русскому произношению [12].

Вместе с тем некоторые авторы, указывая на основные черты артикуляционной базы, имеют в виду речевые органы в рабочем состоянии, что соответствует динамическому представлению исследователей об анализируемом явлении (артикуляционная база

– совокупность наиболее характерных для данного языка артикуляционных навыков). Моменты, связанные с подготовкой к произнесению, или положение речевых органов при молчании во внимание не принимаются, а такие параметры, как характер выхода воздушной струи, расходование мускульной энергии при произнесении речевых отрезков, рассматриваются как особенности ритмической базы языка [6].

Стремление углубить знания об артикуляционной базе, понять её генезис побуждает учёных выйти за пределы лингвистики и лингводидактики и обратиться к исследованиям, проясняющим материальную основу артикуляционной базы. Согласно теории физиологической активности любое сложное действие планируется и реализуется в несколько этапов: 1) ориентировка в ситуации, 2) определение двигательной задачи (создание моторной программы), 3) определение путей и средств решения задачи и принятие соответствующей изготки, 4) двигательное решение (реализация моторной программы). Отметим, что изготка, то есть завершение третьего этапа в реализации действия, у разных исследователей называется по-разному. В трудах Бернштейна Н.А. говорится о подготовительной настройке «двигательной периферии... к осуществлению позы или движения» [3, с. 22]. Ухтомский А.А. обозначает изготку как состояние оперативного покоя [16]. В психологических трудах факт скрытой подготовки получил название установки.

Что касается изготки к собственно речевым движениям, то здесь наблюдается заблаговременное возбуждение мышечных комплексов, выполняющих наиболее дифференцированные в процессе артикулирования функции. Этот существенный компонент процесса скрытой подготовки акта громкой речи называют артикуляционной установкой. Она базируется прежде всего на стабильности фонематической системы языка, подсознательных сведений о вероятностной структуре языка, частотности определённых фонем и работе органов, участвующих в образовании соответствующих звуков.

В психологии факт скрытой подготовки получил название установки. Одним из первых, кто обнаружил фактор устойчивой предрасположенности человека к конкретной форме реагирования и ориентировки своих действий в определённом направлении, был Мюллер Г.Э¹. Он назвал данный феномен эффектом моторной установки и отождествлял её только с мышечными действиями. Позже выяснилось, что установка имеет место и в области памяти, мышления и воли человека. В установке представлены такие важные признаки человеческого действия, как направленность и упорядоченность. Оставаясь неосознанной при совершении действия, установка, тем не менее, его регулирует [14].

Взяв на вооружение этот вероятностный фактор и подсчитав разновидности гласных и согласных в потоке немецкой речи, Колосов К.М. вычислил особенности артикуляционной установки немецкого языка [9]: основная часть язычных артикуляций в немецком языке локализуется в более передних участках ротового резонатора, нежели в русском языке; степень лабиализации и её вероятность в немецком языке выше, чем в русском языке; участие нёбной занавески в немецком языке более интенсивное, чем в русском языке.

Полученные автором результаты коррелируют с описанием артикуляционной установки, представленной в немецкой литературе. Суммируя все эти данные, Колосов К.М. делает три вывода: 1) артикуляционная установка не равна состоянию покоя речевых органов; 2) определённая артикуляционная установка присутствует у носителей любого языка; 3) признание артикуляционной установки как реальности ставит вопрос о целесообразности её специального формирования.

Четвёртым этапом речевого действия является решение двигательной задачи, то есть собственно артикуляция. Биомеханический алгоритм артикуляций очень сложен. Чтобы органы речи действовали в жёстких временных параметрах и в соответствии с артику-

ляционной (моторной) программой, речевые движения, имеющие близкие кинематические характеристики и обеспечиваемые одними и теми же мышечными группами, объединяются в целые комплексы – синергии (*synergos* (греч.) – *совместно действующий*). В результате при выполнении артикуляционных движений кора головного мозга контролирует лишь небольшое число независимых синергий (хотя в реальности при этом может быть задействовано очень большое число мышц).

Объединение разных мышечных групп речевого аппарата, умение распределять мышечное напряжение с целью наиболее точного и экономного выполнения артикуляционной программы и называется основным артикуляционным укладом. Обучение новому речевому движению есть выработка простого способа управления им и поиск соответствующих синергий.

Отдельные (частные) речевые уклады относительно автономны и связаны между собой лишь косвенно, они управляются основным артикуляционным укладом и реализуют одну артикуляционную программу, соответствующую определённой коммуникативной задаче.

Артикуляционный уклад речевых органов не является статичным состоянием в строгом смысле этого слова. Это, скорее, пластичное приспособление органов артикуляции к действию внешних и внутренних сил, оптимальная поза речевых органов. Артикуляционный уклад, отчасти и артикуляционная установка, является как бы сквозным действием всех артикуляций и, следовательно, составляет основную часть понятия артикуляционной базы. Он возникает в результате активного отбора речевых движений, необходимых для реализации фонетической системы языка, обеспечивает согласование в работе органов артикуляции, её соответствие конечному результату речевого действия.

Можно констатировать, что в ряде определений артикуляционной базы содержатся указания (не всегда прямые) на её вышеназванные составляющие. Например, Барановская С.А. включает в понятие артикуляци-

¹ В отечественной психологии феномен установки разрабатывал Узнадзе Д.Н.

онной базы статические (положение органов речи) и динамические (тип движений органов речи) компоненты: артикуляционная база – это система речедвигательных навыков определённого языка, стереотипов движений и положений органов речи, способная наиболее экономичным образом реализовать фонетическую систему языка в её нормативных параметрах [2].

Кулешов В.А. и Мишин А.Б. рассматривают артикуляционную базу прежде всего как артикуляционный уклад, то есть «фиксируемое предпочтительное и постоянно поддерживаемое положение артикулирующих органов» [10, с. 23]. Однако учитывая, что артикуляционная база является отражением важнейших артикуляций на сегментном уровне, авторы вводят в состав артикуляционной базы и динамические факторы, обусловленные укладом. Зиндер Л.Р., упоминая артикуляционную базу, имеет в виду совокупность «привычных для данного языка движений и положений произносительных органов» [7]. Раевский М.В. рассматривает артикуляционную базу как совокупность движений и положений произносительных органов, привычных для лиц, для которых данный язык является родным [15]. Голубев А.П. и Смирнова И.Б. говорят об укладах и движениях речевых органов, сложившихся исторически и составляющих артикуляционную базу языка [6].

Какие же именно черты артикуляционной базы языка учитываются при подробном её рассмотрении? Набор их и их количество у разных авторов различен. Например, в работе Голубева А.П. и Смирновой И.Б. их тридцать семь: напряжённость речевых органов, артикуляция губ, положение губ в свободном состоянии, артикуляции языка, положение мягкого нёба, активность голосовых связок, активность увулы, наличие гласных смешанного ряда, дифтонги и дифтонгоиды, долгота и тип слога, качественная редукция, энергичность согласных, нейтрализация оппозиции по глухости-звонкости и др.

Заметим, что к чертам артикуляционной базы вышеупомянутые авторы, а также не-

которые из названных ранее относят иногда фонетические законы, но не артикуляции, их отражающие.

Английский фонетист Суит Г. одним из первых высказал суждение о том, что характеристика артикуляционной базы должна основываться на сравнении двух и более языков. Суит полагал, что никакого другого пути для описания артикуляционной базы не существует [11].

В настоящее время отечественная наука располагает немалым количеством работ, отражающих результаты сопоставительного анализа артикуляционных баз различных языков. Ниже приводим некоторые из данных, полученных Раевским М.В. [15].

Для артикуляционной базы немецкого языка по сравнению с русской артикуляционной базой характерны следующие черты: большая активность губ, то есть их более сильное выпячивание и округление при образовании гласных; наличие в немецкой артикуляционной базе сочетания артикуляции губ с артикуляцией передней части спинки языка при произнесении ряда гласных; чуждое русской артикуляционной базе смыкание голосовой щели при произнесении начальных гласных ещё до начала образования гласного; продвинутость тела языка вперёд при образовании гласных и связанное с ней примыкание кончика языка к нижним зубам, тогда как для русской артикуляционной базы типично примыкание кончика языка к нижним альвеолам; участие маленького язычка (увулы) в образовании ряда согласных, не свойственное нормативной артикуляционной базе русского языка и др.

В работах отечественных учёных отражены и другие подходы к описанию артикуляционной базы. В их числе использование данных общей фонетики и фонологии [5; 7; 8]. Такая стратегия позволила авторам указать на ряд существенных особенностей артикуляционной базы русского языка. Перечислим некоторые из её черт.

1. Все звуки русского языка артикулируются в ротовой полости (полости гортани и глотки в русской артикуляционной базе не

задействованы). При этом активна и носовая полость, так как назальные [м, м', н, н'] в потоке устной русской речи высокочастотны.

2. Активным органом в русском произношении являются голосовые связки, участвующие в образовании гласных, сонорных и звонких согласных.

3. Работа губ сопровождает произнесение только гласных заднего ряда.

4. Наличие большого вокалического пространства (достаточно передняя артикуляция [и] и очень задняя артикуляция [у, о]).

5. Дифтонгиальный характер [у, о] и всех гласных (кроме [и]) в позиции после мягких согласных.

6. В артикуляции согласных звуков преобладает дорсальный уклад.

7. В артикуляции мягких согласных присутствует подъём средней части спинки языка к нёбу.

8. В структуре фонетического слова возможно быстрое переключение с одного типа артикуляции на другой: с передней артикуляции на непереднюю и наоборот (*лгать, к Наташе, к Соне*); с глухой согласной на звонкую согласную и наоборот (*кабан, сезон, закат, подача*); с твёрдой согласной на мягкую согласную и наоборот (*пыль, роцца, часы, шука*); переключение с согласной на согласную, разных по способу образования (*выбрось, заметил, цапля*).

9. Наличие фонационных различий по голосу и отсутствие различий по аспирации и напряжённости согласных.

10. Невыраженность слоговых границ.

Сформулируем краткие выводы по всему вышесказанному.

Артикуляционная база – это установка (преднастройка) и оптимальная рабочая поза речевого аппарата. Она отражает фонетическую систему данного языка, которая находит воплощение в артикуляционной установке и основном артикуляционном укладе. Артикуляционная установка – это подготовительная стадия артикуляционных движений.

Основной артикуляционный уклад – это положение, занятое речевыми органами, которое позволяет распределить мышечное на-

пряжение и направление речевых движений так, чтобы выполнить артикуляционную программу наиболее эффективным и экономным образом. Частные речевые уклады и последующее артикуляционное движение, присущие каждому языку, должны быть систематизированы и подробно описаны.

Роль артикуляционной базы особенно очевидна, когда делается попытка «реализовать иную фонетическую систему в рамках прежней системы регулирования (например, при изучении иностранного языка). В таком случае многие новые элементы будут видоизменены или игнорированы (не приняты) центральным звеном, так как последнее способно осуществлять регулирование лишь в определённом качестве» [9, с. 47]. Поэтому должная методическая разработка путей формирования артикуляционной базы изучаемого иностранного языка позволит более эффективно предупреждать фонетические ошибки в речи учащихся и тем самым оптимизировать учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2004. – 576 с.
2. Барановская С.А. Характерные особенности артикуляционной базы русского языка // Обучение русскому произношению студентов-иностранцев на начальном этапе. – М., 1979. – С. 33–45.
3. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М., 1990. – 494 с.
4. Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучение произношению. – М., 1975. – С. 5–49.
5. Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. – М., 1963. – 306 с.
6. Голубев А.П., Смирнова И.Б. Сравнительная фонетика английского, немецкого и французского языков. – М., 2005. – 245 с.
7. Зиндер Л.Р. Общая фонетика и избранные статьи. – М.; СПб., 2007. – 576 с.
8. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. – М., 2005. – 309 с.
9. Колосов К.М. К вопросу об артикуляционной базе языка // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. – М., 1971. – С. 36–61.

10. Кулешов В.А., Мишин А.Б. Сопоставление артикуляционных баз английского и русского языков и их фонологическая интерференция. – М., 1987. – 116 с.
11. Кусанова Б.Х. К вопросу об интерференции на сегментном уровне в английской речи носителей русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusoil.net/pages/3411/kusanova.doc> (дата обращения: 27.01.2013).
12. Лукницкий И.А. Предупреждение ошибок учащихся в английском произношении. – М., 1966. – 108 с.
13. Матусевич М.И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учёные записки ЛГУ (вопросы фонетики). – 1960. – № 237. – В. 40. – С. 83–102.
14. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М., 2001. – 496 с.
15. Раевский М.В. Фонетика немецкого языка. – М., 1997. – 310 с.
16. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб., 2002. – 448 с.
17. Шор Р.О., Чемоданов Н.С. Введение в языковедение. – М., 2009. – 280 с.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 81.2

Алёшина Е.Ю.

Пензенский государственный университет

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ВЫРАЖЕНИЕМ АГРЕССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. Ф. КЕННЕДИ)

E. Aleshina

Penza State University

STATEMENTS EXPRESSING AGGRESSION IN THE ENGLISH POLITICAL PUBLIC SPEECH OF A CONFLICT SITUATION (AS EXEMPLIFIED BY PRESIDENT J.F. KENNEDY'S SPEECHES)

Аннотация. В статье рассмотрена коммуникативно-целевая специфика публичной политической речи конфликтной ситуации. В процессе анализа речей президента Дж. Ф. Кеннеди автор описывает речеактовые особенности данного типа речи во взаимосвязи с её информационно-коммуникативной структурой. Особое внимание уделено высказываниям с выражением агрессии, характеризующим текст конфликтной ситуации. Автор выделяет несколько видов высказываний с выражением агрессии, иллюстрирует их примерами из речей Дж. Ф. Кеннеди и делает вывод о преобладающих видах высказываний в выступлениях политика.

Ключевые слова: политическая речь, конфликтная ситуация, текст, высказывание, речевой акт, диктема.

Abstract. Communication and goal characteristics of a public political speech in a conflict situation are studied in the article. Analysing President J.F. Kennedy's speeches, the author describes speech act specificity as connected with its information and communication structure. Special attention is given to the statements expressing aggression that characterise a text of a conflict situation. The author highlights several types of statements expressing aggression and illustrates them with examples from J.F. Kennedy's speeches making conclusion about the prevailing types of statements in the politician's speeches.

Key words: political speech, conflict situation, text, statement, speech act, dicteме.

Актуальность статьи связана с возросшим исследовательским интересом к политическому тексту. «Слово как действие» приобретает особое значение в условиях конфликтных ситуаций XX века и современности, когда военные действия переносятся с поля боя в средства массовой информации, литературу, публицистику. "холодная война" определяет реальность второй половины прошлого века как информационный, психологический и коммуникативный конфликт, представляющий интерес для изучения.

К проблемам политической коммуникации зарубежные учёные обратились раньше, чем отечественные. В последние десятилетия в исследованиях наметилось несколько направ-

© Алёшина Е.Ю., 2013.

лений [2]: риторическое (Р. Айви, Р.Д. Андерсон, Р. Карпентер и др.), когнитивное (Дж. Лакофф, М. Джонсон, П. Друлак и др.), дискурсивное (Т. ван Дейк, Н. Фэрклау, Р. Водак и др.). Различные аспекты и проблемы политического дискурса активно разрабатываются отечественными исследователями (В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, Г.Г. Почепцов, В.Е. Чернявская и др.). В настоящее время исследование политического дискурса остаётся перспективной областью лингвистических и междисциплинарных исследований.

Исследование информационно-коммуникативной структуры текста конфликтной ситуации основано на принципах теории диктемого строя, разработанной М.Я. Блохом [1]. Как единица тематизации текста диктема обеспечивает формирование речевой последовательности. Аспекты речи, выражаемые диктемой (номинация, предикация, тематизация, стилизация), определяют значимые характеристики теста публичного выступления.

В теоретическую базу исследования входит теория речевых актов. Речевой акт может рассматриваться как процесс порождения текста, как вид действия. В понимании Дж. Остина (1962) и Дж. Сёрля (1965), речевой акт предполагает участие адресанта и адресата, обладающих речевой компетенцией, знаниями о мире. В состав речевого акта входит контекст, а также обсуждаемый фрагмент действительности (ситуация). Высказывание является одновременно результатом речевого акта и средством достижения цели. По мнению Е.И. Шейгал (2000), политический дискурс обладает инвариантной речеактовой спецификой (набором речевых актов), пересекающейся с речеактовым представлением, обусловленным языковой личностью конкретного политика. Набор инвариантных речевых актов политического дискурса отражает его функциональную семиотическую триаду «интеграция – ориентация – агональность/ агрессия» [3]. Специфически для политического дискурса являются политические перформативы – высказывания, само произнесение которых представляет собой политическое действие (перформативы

доверия/ недоверия, поддержки, выбора, требования, обещания).

Рассмотрев иллокутивные речевые акты сквозь призму семиотической триады политического дискурса «интеграция – ориентация – агональность/ агрессия», Е.И. Шейгал выделяет речевые акты интеграции (здравницы, призывы к единению, констатация единства, поддержки), ориентации (лозунговые асертивы и декларативы, рефлексивы, прогнозы). К речевым актам агональности относятся поведенческие регулятивы (призывы и требования в политической полемике). Кроме того, особо отмечены средства вербальной агрессии (экспрессивные волитивы с семантикой «изгнания», категоричные требования и призывы, вердикты, угрозы) [3].

Изучение речеактовой специфики английского политического публичного выступления конфликтной ситуации позволило нам конкретизировать набор речевых актов в рамках разработанной Е.И. Шейгал семиотической триады и определить виды высказываний с выражением агрессии в анализируемом типе текста.

Материалом для исследования послужили публичные речи американского президента Дж. Ф. Кеннеди, время правления которого (1961–1963) отмечено разгаром "холодной войны". Карибский кризис 1962 г. стал одним из самых серьёзных политических конфликтов XX в., поставив под угрозу национальную безопасность целых континентов. Для анализа были отобраны четыре речи Дж. Ф. Кеннеди (инаугурационная речь 20 января 1961 г.; обращение к американскому народу во время Карибского кризиса 22 октября 1962 г.; речь в Американском университете 10 июня 1963 г.; речь 26 июня 1963 г. «Я – Берлинец!»). Эти выступления можно считать текстами конфликтной ситуации, так как в них затрагивается тема противостояния двух миров – свободного демократического и тоталитарного коммунистического.

В нашем исследовании мы исходим из понимания конфликта как противодействия интересов сторон, находящего выражение в некоторых действиях, направленных сто-

ронами друг против друга. В зависимости от природы конфликта действия могут быть речевыми, общественными, политическими, военными. Конфликт составляет необходимую характеристику любого сообщества, которое консолидируется, противопоставляясь другим. Дихотомия «друг – враг» существует в самой природе человека и является определяющей для политического дискурса. «Разрыв» между двумя сторонами становится очевиднее при изучении текстов, посвящённых идеологическому противостоянию "холодной войны". Конфликтность, присущая политическому дискурсу, ярко проявляется в текстах конкретной конфликтной ситуации. Мы определяем конфликтную ситуацию как совокупность обстоятельств, в которых проявляется противодействие интересов сторон, что находит выражение в направленных ими друг против друга действиях.

Рассмотрим речеактовую специфику английской публичной политической речи конфликтной ситуации на примере выступлений американского президента Дж. Ф. Кеннеди. Этот политик в своих речах неоднократно подчёркивал необходимость мирного урегулирования конфликта. В его речах важное место отводится идее уникальной роли США как оплота мира, гаранта соблюдения демократических принципов и свобод, готового оказать помощь и поддержку всем своим союзникам в урегулировании конфликта. При этом в этих речах часто утверждается, что угроза миру исходит от СССР, который нужно убедить в необходимости мирных инициатив. Данные пропозиции, содержащиеся и в речах других политических деятелей Западной Европы анализируемого временного отрезка, в полной мере прослеживаются в выступлениях Дж. Ф. Кеннеди. В текстах выступлений Дж. Ф. Кеннеди можно найти речевые акты интеграции и ориентации, связанные с призывом объединиться перед лицом угрозы.

Другой тип речевого акта констатации единства утверждает интеграцию свободного мира, символом которого является Берлин. Приём метафоры придаёт этой фактуально-оценочной дикте большую импрессив-

ность: *All free men, wherever they may live, are citizens of Berlin* [6].

В нижеприведённой фактуально-оценочной дикте инаугурационной речи Дж. Ф. Кеннеди речевым актом рефлексии утверждается необходимость пересмотра двусторонних отношений США и СССР. Импрессивность текста создаётся сочетанием лексического повтора и синтаксического параллелизма, метонимией *the deadly atom* и метафорой *the hand of war*. В анализируемой дикте актуализируется несколько рубрик информации (фактуально-оценочная, импрессивная, эмотивная): *But neither can two great and powerful groups of nations take comfort from our present course – both sides overburdened by the cost of modern weapons, both rightly alarmed by the steady spread of the deadly atom, yet both racing to alter that uncertain balance of terror that stays the hand of mankind's final war* [7].

В конфликтной коммуникации особую смысловую нагрузку несут речевые акты агональности. Публичное политическое выступление в условиях конфликтности приобретает черты агонального жанра, «продвигаясь» по шкале семиотической триады от ориентации к вербальной агрессии. Изучение англоязычного текста конфликтной ситуации позволило нам выделить следующие виды высказываний с выражением агрессии, специфичные для рассматриваемого вида текста:

- призыв/ требование;
- обвинение/ вердикт;
- осмеяние (ирония/ сарказм);
- предостережение;
- угроза (скрытая, явная).

В рассмотренных выступлениях президента Дж. Ф. Кеннеди можно обнаружить перечисленные виды высказываний. Наиболее многочисленны призывы и предостережения. Возможно, это объясняется осторожностью молодого политика в решении сложных дипломатических проблем, стремлением поддержать образ Америки как миротворца.

Особой выразительностью отличается отрывок из обращения президента к американскому народу во время Карибского кризиса 22

октября 1962 г. В нём президент Дж. Ф. Кеннеди призывает главу СССР Н.С. Хрущёва изменить курс внешней политики СССР, отозвать войска и убрать оружие с Кубы. Эта диктема содержит эмоциональный и даже агрессивный призыв: *I call upon Chairman Khrushchev to halt and eliminate this clandestine, reckless, and provocative threat to world peace and to stable relations between our two nations. I call upon him further to abandon this course of world domination, and to join in an historic effort to end the perilous arms race and to transform the history of man* [5].

Диктемы такого типа, в которых, наряду с импрессивной и эмотивной информацией, главным образом актуализируется коммуникативно-установочная информация, мы называем установочными. Стилизация диктемы осуществляется за счёт сочетания лексического и синтаксического параллелизма. Эпитеты *clandestine, reckless, provocative, perilous* позволяют оратору создать яркий образ врага в лице Советского Союза.

Угроза как речевой акт и коммуникативная стратегия не характерны для публичных выступлений Дж. Ф. Кеннеди, что можно объяснить стремлением президента соблюсти дипломатические каноны коммуникации. Немногочисленные примеры высказываний с выражением угрозы можно обнаружить в его обращении к американскому народу в разгар Карибского кризиса 22 октября 1962 г., события, которое не могло не вызвать агрессивную вербальную реакцию: *But it is difficult to settle or even discuss these problems in an atmosphere of intimidation. That is why this latest Soviet threat – or any other threat which is made either independently or in response to our actions this week – must and will be met with determination* [5]. В рассматриваемой диктеме речевым актом явной угрозы утверждается возможность и вероятность оказания сопротивления противнику. Фактуальная информация преобладает над оценочной. Повтор ключевого слова *threat*, грамматическая форма будущего времени и долженствование, выраженное модальным глаголом *must*, придают тексту категоричность.

Интенция скрытой угрозы прослеживается в следующем высказывании: *Neither the United*

States of America nor the world community of nations can tolerate deliberate deception and offensive threats on the part of any nation, large or small [5]. Фактуальная информация, актуализируемая в диктеме, сочетается с импрессивной информацией. Президент США утверждает, что мировое сообщество поддержит его страну в противодействии стране, которая действует с помощью обмана и угрозы. Название страны не приводится, но контекст речи и описание конфликтной ситуации ясно дают понять, что имеется в виду прежде всего Советский Союз. Стилизация диктемы с помощью сочетания эпитетов и гиперболы придаёт ей импрессивность.

Осмеяние – распространённая стратегия конфликта. Осмеяние может быть прямым (сарказм) или косвенным (ирония). Речевой акт осмеяния свойственен тексту конфликтной ситуации и, в частности, публичному политическому выступлению. Однако в речах Дж. Ф. Кеннеди высказываний с выражением осмеяния немного, что можно объяснить как личностными характеристиками оратора, так и его дипломатическими усилиями.

Осмеяние при помощи иронии содержится в речи, произнесённой в момент эскалации конфликта – в обращении к американскому народу 22 октября 1962 г.: *Nevertheless, American citizens have become adjusted to living daily on the bull's-eye of Soviet missiles located inside the U.S.S.R. or in submarines* [5]. В этой диктеме оценочного типа импрессивная информация актуализируется при помощи сочетания метафоры и гиперболы, что придаёт тексту особую выразительность.

Высказываний-обвинений / вердиктов не выявлено в текстах выступлений Дж. Ф. Кеннеди. Президент использует широкий спектр аргументативных стратегий (ссылки на авторитетное мнение, контраст, объяснение, пример и др.) и экспрессивных средств для убеждения аудитории в неправоте и опасности противника, избегая категоричных утверждений о его виновности.

Вердикт можно обнаружить только в обращении к американскому народу от 22 октября 1962 г. Фраза «*That statement was false*» прерывает фактуально-оценочную гипер-

диктему, содержащую рассказ Дж. Ф. Кеннеди о своём недавнем диалоге с советским правительством об оружии, ввозимом на Кубу. По утверждению советских властей, оружие не предназначалось для нападения, а лишь в оборонительных целях. Во второй части диктемы продолжается пересказ беседы Дж. Ф. Кеннеди и министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, который убеждал президента, что оружие на Кубе будет использоваться для обучения кубинских националистов. За этим пересказом президент вновь выносит вердикт «*That statement was also false*». Повтор фразы создаёт импрессивность на фоне фактуальной информации, актуализируемой многочисленными цитатами.

Речевые акты-перформативы отражены в текстах речей Дж. Ф. Кеннеди. Они не несут основной смысловой нагрузки и характеризуются отсутствием агрессии. Президент явно предпочитает структуру *Let us*, подчёркивая идею единения со своим народом. Приведём высказывание, в котором президент заявляет о том, что США не намерены первыми возобновлять ядерные испытания в атмосфере. *Second, to make clear our good faith and solemn convictions on this matter, I now declare that the United States does not propose to conduct tests in the atmosphere so long as other states do not do so. We will not – We will not be the first to resume* [4].

Анализ речеактовой специфики текстов речей Дж. Ф. Кеннеди позволил сделать следующие выводы.

Текст англоязычного публичного политического выступления конфликтной ситуации обладает набором речевых актов, которые могут быть рассмотрены при помощи разработанной Е.И. Шейгал семиотической триады «интеграция – ориентация – агональность». Причём третья составляющая – агональность, – компонент, отражающий прагматику противоречия, представлен в тексте конфликтной ситуации большим разнообразием высказываний. Помимо перформативов, мы выделили следующие виды высказываний с выражением агрессии: призыв/ требование; обвинение/ вердикт; осмеяние (ирония/сарказм); предо-

стережение; угроза (скрытая, явная).

Анализ речей Дж. Ф. Кеннеди обнаружил все перечисленные виды высказываний, преобладающими из которых стали высказывания с выражением призыва/ требования и предостережения. Наличие этих высказываний объясняется как традиционными канонами американской политической риторики, так и индивидуальными особенностями оратора – его усилиями соблюдения дипломатического этикета. Речи президента Дж. Ф. Кеннеди характеризуются широким использованием экспрессивных языковых средств. Приёмы метафоры, гиперболы, повтора создают стилизацию диктемы и придают фактуальным диктемам импрессивность, превращая их в диктемы смешанного типа – фактуально-оценочные. Кроме того, в исследуемых текстах выявлено много установочных диктем, в которых актуализируется коммуникативно-установочная информация.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка// Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.

Источники языкового материала:

4. Kennedy J.F. Commencement address at American University (delivered 10 June 1963, Washington D.C.). [Электронный ресурс]: American Rhetoric. – URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkamericanuniversityaddress.html> (дата обращения: 24.02.2013).
5. Kennedy J.F. Cuban Missile Crisis Address to the Nation (delivered 22 October 1962). [Электронный ресурс]: American Rhetoric. – URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkcubanmissilecrisis.html> (дата обращения: 20.04.2013).
6. Kennedy J.F. "Ich bin ein Berliner" Speech (delivered 26 June 1963, West Berlin). [Электронный ресурс]: American Rhetoric. – URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkberliner.html> (дата обращения: 24.02.2013).

7. Kennedy J.F. Inaugural Address (delivered 20 January 1961). [Электронный ресурс]: John F. Kennedy Presidential Library and Museum. – URL: <http://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/BqX-IEM9F4024ntFl7SVAjA.aspx> (дата обращения: 24.02.2013).

УДК 11. 111. 373.

Лызлов А.И.

Смоленский государственный университет

ЛЮБОВНАЯ ТЕМАТИКА В ОБРАЗНЫХ ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

A. Lyzlov

Smolensk State University

THE IMAGE OF LOVE IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS

Аннотация. Статья посвящена семантическому анализу английских паремических единиц, объективирующих образ «любовь». Данный образ многогранен, он позволяет раскрыть различные сферы человеческих взаимоотношений. Паремическая картина мира английского языка, в которой понятие любви играет важную роль, использует различного рода метафорические модели как средства эмоционально-оценочной экспликации образа «любовь». В статье выделены и проиллюстрированы примерами данные модели. Представлены результаты проведённого анализа и сформулирован вывод о многогранности тематики любви и о семантическом разнообразии отражающих её английских паремий.

Ключевые слова: паремия, образ, оценка, признак, картина мира.

Abstract. The article presents the results of semantic analysis of English proverbs objectifying the image "love". The image under discussion is polysemantic, it allows to describe different spheres of human relations. The proverbial mapping of the English language, in which this notion plays an important role, uses various metaphorical models as means of emotional and evaluative explication of the image "love". The types of the models are analysed in the article.

Key words: proverb, image, evaluation, feature, mapping.

Тенденции современного языкознания имеют в своей основе принципы антропоцентризма. Человек – это центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики [5, с. 24; 15, с. 69]. Паремические единицы как нельзя более ярко отражают антропоцентрические тенденции, лежащие в основе теории картины мира. Проблемой исследования картины мира в языке занимались многие исследователи [7; 9; 11; 12; 16; 17]. Большинство учёных рассматривает картину мира как глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, выступающий в качестве регулятора его жизнедеятельности; она проявляется в поведении человека, существует в форме идеальной, как элемент сознания, и выражен материально [17, с. 8].

Принято считать, что идеи В. фон Гумбольдта послужили основой для развития теории языковой картины мира. Его отношение к языку как к «миру, лежащему между миром внешних явлений и внутренним миром человека», как к «не просто внешнему средству общения людей, поддержания общественных связей», но средству, «заложенному в самой природе человека и необходимому для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [7, с. 51]. Картина мира – это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некая интерпретация. Акты миропонимания, по Е.С. Кубряковой, осуществляются отдельными субъектами, как коллективными, так и индивидуальными, и эти субъекты отличаются друг от друга. Различные общности людей, объединённые в различные социальные образования, имеют собственный взгляд на мир, собственный «стиль» преломления мира в сознании членов рассматриваемого социума [9, с. 29]. Любой языковой коллектив объединён не только собственно языковой

средой, но и картиной мира, запечатлённой в общественном тезаурусе. Коллектив создаёт среду, где развивается общественное сознание носителя языка [12, с. 137; 13, с. 8].

Человеческое сознание эклектично и многогранно, оно неизбежно отражается на когнитивной картине мира. Субъективные аспекты восприятия человеком действительности входят в общую картину мира, которая создаётся в сознании говорящих на том или ином языке людей в результате отражения реальной действительности во всей её хаотичности и мозаичности, имеет индивидуализированный характер и выражается различными языковыми и неязыковыми средствами: жестами, мимикой, интонацией и т. д. [11, с. 157]. Избирательный характер мышления, в том числе и метафорического, отмечал ещё А. Сеше: «Среди тысяч смутных ассоциаций, которые создаются благодаря речевой деятельности (эмбрионы интеллекта), человек отдаёт предпочтение тем, которые отвечают наиболее насущным требованиям интеллекта и эмоциональной жизни» [19, с. 144]. О.Г. Почепцов убеждён в том, что представление или отражение мира построено на принципе пиков [16, с. 112]. Иными словами, отражению подвергается не мир в целом, а лишь его релевантные узловы компоненты, которые наиболее полно характеризуют мир.

Тему экспликации картины мира в паремических образованиях освещали многие языковеды [1; 2; 12; 15; 16]. Современными учёными вводится понятие «провербиальная картина мира», под которой понимается картина мира, объективированная в пословицах и отражающая интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение народа к миру [1, с. 25]. Пословицы выступают как средство моделирования определённого фрагмента знаний, структурирующих типовые ситуации в жизни человека. Связь с бытом, с окружающими человека явлениями и процессами является одной из основных черт, определяющих семантику паремических единиц. Человек на протяжении всего своего жизненного пути перенимает, воспроизводит опыт

социума, в котором он живёт. Произведения устного народного творчества являются плодом коллективного труда, они народны как по стилю содержания, так и по форме его передачи. В паремиях можно легко выделить характерные для фольклора сюжеты, образы, темы.

Паремиологическая картина мира является составной частью более обширного образования – наивной или донаучной картины мира. Ю.Д. Апресян полагает, что каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Термин «наивная картина мира» не следует понимать как нечто примитивное или алогичное. Во многих случаях наивные представления о человеке и мире не менее сложны и интересны, чем научные [2, с. 349]. Они отражают опыт десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надёжным проводником в этот мир. Пословица представляет собой образец мышления, описываемый параметрами наивной картины мира. Пословицы вмещают в свои предельно краткие формулы социальный, исторический и житейско-бытовой опыт целого народа как многотысячного коллектива. Знание пословиц позволяет судить об отразившейся в них истории народа, о народном языке и о национальном характере. Л. Леви-Брюль отмечал, что наивные коллективные представления человека в значительной мере отличаются от современных представлений, основанных на достижениях философии, религии и науки. Они не имеют привычных для нас логических черт и свойств. Психическая деятельность первобытного человека является мистической, которая проявляется через веру в силы, неприметные, неощутимые для чувств, но воздействующие почти на все сферы человеческой жизни [10, с. 29]. Паремии переносят нас в те полумифические времена, когда мир был ещё молод и человек жил в непосредственной связи с ним.

При построении паремиологической системы представлений, базирующейся на наивной картине мира, национальное сознание формирует образы, составляющие её. Д. Юм описывает образы как «... восприятия, которые входят в сознание с наибольшей силой и неудержимостью», которые учёный называл «впечатлениями» [21, с. 62]. Образ рождается в сознании как наглядное чувственное представление, «мысленная картинка» [20, с. 7]. Образ представляет собой механизм стихийного, непровольного исследования мира в жизни [3, с. 319].

Любой образ в сознании человека существует не изолированно, а как система, сходные элементы которой могут группироваться в модели образов (парадигмы образов). Чтобы понять образ, нужно понять его когнитивную парадигму [14, с. 14]. При всём внешнем различии образов каждая группа имеет инвариант – смысл, общий для двух её членов. Такой инвариант называется парадигмой образов и состоит из двух смыслов, связанных отношением отождествления: левого элемента (того, что отождествляется с чем-либо) и правого элемента (того, с чем происходит отождествление).

Образ дуалистичен: с одной стороны, он может рассматриваться как нечто неделимое, где каждое качество разлито по всей его протяжённости и проникает в остальные, с другой – как совокупность различных свойств, как система фрагментарных аспектов, в которой просматривается её первоначальная нерасчленённость [18, с. 171]. Образ возникает в процессе восприятия, но в самом восприятии не участвует; образ возникает в ситуации отсутствия; образ не совпадает с оригиналом; образ воплощает в себе единство формы и содержания. Его главное назначение состоит в обобщении накопленного опыта, связанного с индивидуальным объектом или классом объектов. Это итог наглядного обобщения, отбора ситуаций максимального соответствия внешнего облика духовному содержанию [3, с. 320]. В понятии образа обозначилась идея формы, мыслимой отвлечённо от субстанции и поэтому воспроизводимой.

Многие исследователи когнитивной теории метафоры отмечают двуплановость разного метафорического значения, которое присутствует и у паремий. Метафора рождается как столкновение двух различных и часто разнородных семантических пространств. Любое метафорическое высказывание есть результат поиска в сопоставлении этих разных пространств. Более известный и конкретный объект в этой формуле получает название «область источника» (*source domain*). Область источника представляет собой определённое знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Сфера цели (*target domain*) является менее ясным, конкретным и определённым знанием [4; 22].

Метафора – прямой наследник образа. Образ и являет собой «сходство несходного» [14, с. 25], он не допускает категориального сдвига «категориальной ошибки» [3, с. 323]. Метафора возникает только в условиях нарушения категориальных границ. Ресурс метафоры – сдвиг классификации объекта, включение его в тот класс, сформированный относительно одного класса объектов к другому классу или представителю другого класса, как перенос ассоциации из сферы источника в сферу цели.

Предметом рассмотрения данной статьи являются паремические единицы со значением «любовь», план содержания которых можно упорядочить относительно различных метафорических моделей. Данный языковой материал становился предметом рассмотрения многих авторов [6, с. 208; 8, с. 120].

Любовь – родство. Механизм метафоризации с привлечением тематики родства находит свою реализацию в описании любовной тематики: *love is the mother of love* [23] (букв.: «любовь есть «мать любви»).

Любовь – свобода. Любовь свободна, она не признаёт условностей и преград, созданных обществом. Об этом посредством персонификации нам сообщают различные английские паремии. Насилие никогда не было успешным средством для того, кто хочет добиться любви от другого человека: *love cannot*

be forced [25] (букв.: «любви нельзя добиться силой»). Данная единица имеет вариант, в котором используется синоним глагола *to compel – to force*. В паремическом тексте *love laughs at locksmiths* [23] (букв.: «любовь смеётся над кузнецами») даётся негативная оценка попыткам людей, которые хотят разлучить влюблённых и создают разнообразные преграды на их пути.

Для любви нет преград: *love may creep where it may not go* [24] (букв.: «любовь сможет проползти там, где она не сможет пройти»). В описываемой паремии задействованы глаголы *to creep* и *to go* – «ползти» и «идти», которые способствуют персонификации понятия любви. Любовь не признаёт социального неравенства, она уравнивает людей, для неё нет разницы между чувствами богатых и бедных людей. Данная идея раскрывается в паремии *love lives in cottages as well as in courts* [24] (букв.: «любовь живёт как во дворцах, так и в хижинах»). Не существует абсолютной свободы. Если говорить о свободе человека применительно к понятию любви, то паремическая картина мира английского языка указывает на то, что нужно учитывать интересы и потребности любимого человека для того, чтобы отношениям сопутствовал успех. Паремия *love me, love my dog* [23] (букв.: «любишь меня, люби и мою собаку») посредством использования вторичной номинации советует мириться с привычками близких людей, которые, хоть и не доставляют неприятностей, но всё же не одобряются.

Любовь – война. Ещё древнеримский поэт Овидий в метафорическом смысле рассматривал любовь и войну как нечто подобное: *love is a kind of warfare* [24] (букв.: «любовь сродни войне»). Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют метафорическую модель «любовь – война», которая объективируется и в ряде паремических высказываний. Любовь не имеет преград, она всё побеждает: *love conquers all* [24] (букв.: «любовь покоряет всё»). Паремия *there is no law in love and war* [23] (букв.: «для войны и для любви не существует законов») описывает стремление влюблённых завоевать своё счастье во что бы то ни стало.

В любви и на войне ценится смелость. Русская паремия «любовь покровительствует смелым» находит свои соответствия в английской паремиологической традиции в ряде паремических единиц. Паремическое высказывание *none but the brave deserves the fair* [24] (букв.: «только храбрецы завоёвывают сердца красавиц») является почти дословным отображением приведённой выше русской единицы. В паремическом тексте *faint heart never won fair lady* [23] (букв.: «робкому сердцу не завоевать любви прекрасной дамы») применяется приём антонимизации. В нём говорится о том, что слабый духом человек никогда не добьётся успехов в любви.

Любовь – болезнь. Любовные переживания от неразделённой любви имеют негативную окраску. Любовные мучения в наивном сознании ассоциируются зачастую с мучениями физическими. Поэтому оправданно появление метафорической модели «любовь – болезнь», раскрывающей тематику любовных мук [22, с. 80]. В рамках метафорической модели «любовь – болезнь» раскрываются характеристики любви, когда она сопоставляется с различными заболеваниями и симптомами. Нет такого человека, который не испытал любви. Любовью «болеют» так же, как и корью: *love is like the measles, we all have to go through it* [25] (букв.: «любовь как корь, мы все проходим через это»). Любовь поглощает человека целиком, её невозможно скрыть. Об этом повествует паремическая единица *love and cough cannot be hid* [24] (букв.: «любовь и кашель нельзя скрыть»). Любовь без взаимности причиняет человеку сильные страдания, так же, как и серьёзная болезнь. И как в случае с неизлечимой болезнью, от любви нет лекарства. Данную мысль подтверждает паремия *no herb will cure love* [25] (букв.: «нет такой травы, которая лечит от любви»).

Любовь может предстать в образе душевных болезней. Человек должен контролировать свои чувства, иначе страсть поглотит его целиком: *passion will master you if you do not master your passion* [23] (букв.: «страсть овладеет тобой, если ты не овладеешь своей страстью»). Любовь можно сравнить с душевной

болезнью. Человек, испытывающий сильную страсть, сопоставляется с больным, лишившимся рассудка, в паремии *one cannot love and be wise* [24] (букв.: «невозможно любить и быть мудрым»). Взаимоотношение любви и ревности отражается в паремическом образовании *love is never without jealousy* [25] (букв.: «любовь не бывает без ревности»). Любовь и ревность – две стороны одной медали; болезненное чувство ревности есть лишь там, где есть любовь.

Любовь - игра. Паремия *unlucky in love, lucky at play, lucky at cards, unlucky in love* [24] (букв.: «не везёт в любви – повезёт в картах, не везёт в картах – повезёт в любви»), построена на основе метафоры «любовь – карточная игра». Данные антитезы говорят о невозможности обрести счастье и в игре, и в любви. Они используются как амбивалентные понятия: кто счастлив в игре, несчастлив в любви. Если человек терпит фиаско в одном, он должен обрести счастье в другом.

Любовь – память. Положительную оценку в паремической картине мира имеет постоянство. Старая любовь долго помнится, говорит паремия *old love will not be forgotten* [23] (букв.: «старая любовь не забудется»). Паремия *old love does not rust* [23] (букв.: «старая любовь не ржавеет») имеет семантику, сходную с семантикой предыдущего высказывания. В ней метафоризация осуществляется по схеме «любовь – металл». Сердце, в наивных представлениях, – это орган-вместилище не только души, но и любви. Исходя из этих представлений, строится метонимическая паремия *the heart that once truly loves never forgets* [24] (букв.: «сердце, которое истинно любит, любовь никогда не забудет»), в которой говорится о том, что если в сердце живёт истинная любовь, то она не пройдёт никогда.

Любовь – разлука. Любовные взаимоотношения не всегда бывают счастливыми, говорит единица *every couple is not a pair* [24] (букв.: «не всякая пара становится парой семейной»). В данной единице обыгрываются синонимы *couple* и *pair*, усиленные семантической отрицания. Принято считать, однако, что

даже несчастная любовь предпочтительнее ситуации, когда человек не испытывал чувства любви. Об этом повествует паремическое высказывание *it is better to have loved and lost than not to have loved at all* [24] (букв.: «лучше любить и потерять любовь, чем не любить вообще»). Влюблённость зачастую порождает в человеке стремление к опрометчивым поступкам. Паремия *don't try to fly without wings* [25] (букв.: «не пытайся летать без крыльев») призывает людей трезво смотреть на вещи и не предаваться беспочвенным мечтаньям, приводящим к несчастью.

Тематика любви многогранна, она отражает различные аспекты наивной картины мира. Семантика паремий, образную основу которой составляет понятие «любовь», описывается при помощи различных метафорических моделей: «любовь – родство», «любовь – свобода», «любовь – война», «любовь – болезнь», «любовь – игра», «любовь – память», «любовь – разлука», которые используются для создания экспрессивно-эмоционального эффекта посредством механизма образной метафоризации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001. – 239 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные сочинения: в 2-х т. Т. I. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 670 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт // АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1999. – 538 с.
4. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–93.
5. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
6. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189–208.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
8. Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. –

- Смоленск, 2005. – 422 с.
9. Кубрякова Е.С. Картина мира и картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
 10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика Пресс, 1999. – 602 с.
 11. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. (АН СССР). – Новосибирск: Наука, Сибирское отд. АН, 1986. – 227 с.
 12. Никитин М.В. Об отражении картины мира в языке // Сб. ст. *Studia linguistica: Слово, предложение и текст как интегрирующая система.* – СПб.: Тригон, 1999. – С. 6–14.
 13. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
 14. Павлович Н.В. Язык образов (парадигмы образов в русском поэтическом языке). – М.: Азбуковник, 2004. – 528 с.
 15. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // *Филологические науки*, 2002. – № 3. – С. 24–29.
 16. Почепцов О.Г. Языковая ментальность как способ представления мира // *Вопросы языкознания*, 1990. – № 6. – С. 110–123.
 17. Резанова З.И. Метафорические фрагменты русской языковой картины мира: ключевые концепты. В 2-х т. Т. I. [Моногр.]. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 209 (2) с.
 18. Сартр Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / пер. с фр. М. Бекетовой. – СПб.: Наука, 2002. – 319 с.
 19. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики: психология языка / пер. с фр. С.А. Бурляй, Д.В. Сичинова; вступ. ст. В.М. Алпатов. – М.: УРСС, 2003. – 262 с.
 20. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
 21. Юм Д. Исследование о человеческом разумении/ пер. с англ. С.И. Церетели. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – 237 с.
 22. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By.* – London; Chicago: The university of Chicago press, 1980. – 252 p.
- Источники языкового материала:*
23. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., испр. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
 24. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – М.: Рус. яз.–Медиа, 2003. – 467 с.
 25. *Cambridge International Dictionary of Idioms.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 590 p.

УДК 811.111'38

Меркурьева Н.Ю.

Столичный институт иностранных языков (г. Москва)

ОБ ЭМОТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРИСОЕДИНЁННЫХ ВОПРОСОВ

Merkuryeva N.Y.

The Metropolitan institute of foreign languages, Moscow

TAG-QUESTIONS EMOTIVE CONNOTATIONS

Аннотация. В статье рассматривается известное широко распространённое явление разговорной диалогической речи английского языка – сложносочинённые синтаксические конструкции, содержащие императив и присоединённый вопрос. Целью работы является выявление структурных, лексических и интонационных особенностей таких конструкций. Определяются их функции, основная коммуникативная нагрузка – побуждение, а также дополнительные значения – эмотивные. Затрагивается проблема синхронии и диахронии императива с присоединённым вопросом. В заключение отмечается, что при превращении старого императива в разделительный вопрос основная коммуникативная нагрузка в целом сохраняется.

Ключевые слова: синтаксис сложного предложения, вопросительные предложения, присоединённые вопросы, императив с присоединённым вопросом, эмотивные значения присоединённых вопросов, синхрония присоединённых вопросов, диахрония присоединённых вопросов.

Abstract. Imperative followed by tag-question is a well-known, wide-spread phenomenon of English colloquial dialogue speech. Their structural and intonation peculiarities, functions, main communicative meaning and connotations are analyzed in the article. The problem of their synchrony and diachrony is discussed as well. It is stated that the communicative meaning is basically preserved when adding a tag question to the imperative

Key words: questions, tag-questions, compound sentence syntax, tag-questions emotive roles, imperative with tag-operators, tag-questions synchrony, tag-questions diachrony.

Ранние грамматики (Wallis 1653, Harris 1745, Lowth 1794, Lindley Murray 1836, Hart 1910) не упоминали присоединённые вопросы, поскольку вообще не касались явлений устной речи. Разговорная речь не считалась правильной, и авторы-грамматисты не обращались к ней, даже для рассмотрения возможных ошибок в использовании языка. В середине 50-х гг. XX в. происходит поворот к изучению и описанию языка в его живом функционировании в условиях естественного непосредственного общения, то есть к изучению разговорной (диалогической) речи, и в настоящее время изучение синтаксиса диалогической речи выделилось в особый объект научного исследования [2, с. 7-8].

Конструкции с присоединёнными вопросами (разделительные, расчленённые вопросы) как явление диалогической речи неоднократно привлекали внимание исследователей, но не в качестве самостоятельного объекта изучения, а как разновидность вопросительных или побудительных предложений – в ряду других явлений разговорной речи.

Грамматисты начали включать некоторые виды конструкций с присоединёнными вопросами в разделы практических грамматик. Так, авторы отечественных грамматик включали разделительный вопрос с опорным повествовательным предложением в раздел «вопросительные предложения», наряду с общим, специальным, альтернативным. Побудительные

предложения с присоединёнными вопросами предлагались изучающим в разделе, посвящённом повелительному наклонению [7, с. 401]. Логика такого методического преподнесения материала – описать различные коммуникативные типы предложений (вопросительные, побудительные, повествовательные), не выделяя конструкций с присоединёнными вопросами в отдельный раздел.

Зарубежные грамматисты выбрали другой путь. Конструкции с присоединёнными вопросами объединены в раздел “tag-questions” и обычно упоминаются в практических грамматиках отдельным блоком [17; 22; 24]. Этой же традиции следуют и фонетисты [19, с. 126; 26, с. 48–54; 23, с. 123]. Логика такого изложения материала – объединить в одну группу вопросы, относящиеся к явлениям разговорной диалогической речи, обладающие общностью структуры (наличие эллиптического вопросительного предложения или частицы, бессоюзно присоединяемых к повествовательному или повелительному предложению), общностью графического оформления (вопросительный знак в конце предложения и запятая перед присоединённой вопросительной частью). Ряд российских авторов практических грамматик разделяют этот взгляд и следуют той же логике [4, с. 330, 382; 8, с. 302].

Имеющиеся пособия по грамматике обычно дают неполное описание императива с присоединённым вопросом. В этой связи представляло интерес объединить разрозненные сведения из разных источников с целью получить общее представление о результатах наблюдений и изучения таких конструкций, проанализировать их структурные и интонационные особенности, а также рассмотреть их сферу употребления, значение, информативную нагрузку компонентов.

Императив с присоединённым эллиптическим вопросом называют предикативным комплексом, представленным императивом и репрезентантом предложения [6, с. 19] (предикативный комплекс – синтаксическая единица, включающая не менее двух грамматических, интонационно и функционально

относительно равноправных предикативных единиц; репрезентант вопросительного предложения состоит из служебной части сказуемого и прономинального подлежащего [10, с. 49]. В зарубежной литературе встречается другое название репрезентанта – *tag-operator* [17, с. 405]).

Репрезентант в рассматриваемых конструкциях представлен модальным глаголом и личным местоимением. Используемые в современном языке модальные глаголы – *shall, can, could, will, would*.

Наиболее часто присоединённый вопрос оформляет простое односоставное предложение: “*Ask for twenty thousand, will you?*” (Castle, Hailey. “Flight into danger”). Несколько реже присоединённый вопрос встречается в сложносочинённых и сложноподчинённых предложениях: “*Get the chief radar operator up here, will you, and let me talk to him*”; “*Well, keep Junior here off the controls while I serve coffee, won't you?*”

Наиболее типичная позиция *tag-question* – финальная. Известная общая особенность присоединённого вопроса – его подвижность, вклинивание в основную конструкцию [1, с. 27] – проявляется и в конструкциях с императивами: “*Keep it down, will you? to the controller's assistant who was talking on the telephone*” (Castle, Hailey). Можно видеть, что присоединённый вопрос всегда связан с темой предложения, а не с его ремой. Например, в вопросе “*Keep it down, will you?*” местоимение *you* в присоединённой части связано с темой «*you*» (это совершенно понятно, если представить односоставное предложение *Keep it down* как двусоставное – *You keep it down*), а не с ремой *Keep it down*.

Известно, что императив – это одна из старейших грамматических категорий, принадлежащих к старейшим формам разговорной речи. Это наклонение команды, просьбы, предупреждения, запрещения, наставления, замечания, мольбы. Что касается форм выражения подобных желаний, то старый императив всё ещё широко распространён, хотя имеются и другие формы [18, с. 430].

Косвенные выражения побуждений зафиксированы уже в древнеанглийском; ср.:

Wilt tu wit unc abiddan drincan? (VIII век) [25, с. 1679]. В среднеанглийский период общепросительные по форме предложения, начинающиеся с *Will.../ Would.../ Could...* (ср.: **Wolt** Юou, ladi, for loue, on vre lay lerne? (1440 г.), **Wuod** the quite knyзte, “**Wold** thou luffe him aure [=over] alle things?” (1420 г.), **Coud** þu tell me quat it ware? (13.. г.)), использовались для смягчения просьбы или команды, делали её более учливой, или же (при использовании *will*) показывали нетерпение [25, с. 1679, 1722, 1745]. Подобные конструкции с той же целью употребляются и в современном языке. Позднее, примерно в XVIII в., для смягчения прямого императива начинают появляться конструкции, в которых императив комбинируется с присоединённым вопросом. На примере изучения драматических произведений показано, что в драме XVIII-XIX в. tag-question выражается только репрезентантом предложения «*will you?*». В драме XX в. используются также репрезентанты *won't you?* и *would you?* [5, с. 115].

К XX в. косвенное выражение просьбы становится приоритетным, поскольку речевой этикет расценивает прямую просьбу как слишком прямолинейную [5, с. 114]. Такой подход, несомненно, обусловлен доминантными чертами английского коммуникативного поведения – категоричностью, смягчением резкости любого утверждения или отрицания, антиконфликтной ориентацией общения, нелюбовью к спорам, вежливостью, обходительностью, невмешательством в чужие дела, соблюдением *privacy* [14, с. 19–32]. Одна из ключевых фраз правил скромности англичан – «Не будь назойливым» [15, с. 490].

Как известно, основная целевая направленность вопросительного предложения – вызвать ответ, соотносительный с вопросом [13, с. 258]. Однако в устной речи мы имеем дело с высказыванием. Высказывание, в отличие от предложения, имеет не только структурный, но и актуальный смысл, который передаётся одной и той же структурной единицей – предложением – по-разному, в зависимости от условий коммуникации или речевого контекста [16, с. 24–25].

Превращение старого императива в вопрос – общий или разделительный – превращает такое вопросительное высказывание в косвенный речевой акт, то есть случай, «когда один иллокутивный акт (производство конкретного предложения в определённых условиях [12, с. 152]) осуществляется опосредованно, путём осуществления другого», когда «... говорящий передаёт слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает» [11, с. 196–197].

Присоединение эллиптического вопросительного предложения к императиву, как правило, не меняет основную цель побудительного предложения – побуждение слушателя к действию – и по-прежнему выражает просьбу или команду, но придаёт побудительному высказыванию разнообразные оттенки. Так, Р.Б. Лонг отмечает, что присоединённая вопросительная часть в императивах несёт функцию эмоциональности или размышления; ср.: *Bring your friend along, won't you? Let me in, will you? Let's go again, shall we?* [21, с. 109].

Некоторые исследователи рассматривают присоединённую часть как риторический вопрос. Значение высказывания – побуждение к действию, но кроме того, в нём выражены и различные чувства говорящего – гнев, раздражение, негодование. Определению оттенка выражаемой эмоции способствует подбор лексики данных побудительно-восклицательных предложений, а также лексическое значение некоторых слов, употреблённых в авторской речи [9, с. 153].

Дж. О. Кёрм отмечает различие, возникающее при выборе модального глагола: *Can* используют, когда просьба говорится в нетерпеливом тоне; ср.: *Come down quietly, can't you? Will* часто используется, когда высказывание является более восклицанием, чем просьбой; ср.: *Look at that, will you?* [18, с. 433]. Что касается запрещающих команд, то отмечается, что за ними сравнительно редко следует присоединённый вопрос, и в нём может быть использовано только *will*. *Won't* не используется [20, с. 140].

Интонационный рисунок также показывает оттенки значений высказывания. В опреде-

лении этих оттенков наблюдаются некоторые расхождения. Так, например, Дж. К. Уэллс полагает, что поднимающийся тон придаёт высказыванию смягчающий эффект; ср.: `Open the \window,| /would you please? Для объяснения значения он трансформирует это высказывание в общий вопрос: *Would you open the window?* [26, с. 50]. Г.А. Вейхман считает, что если концовка с *will* произносится с повышающейся интонацией, она обычно выражает оттенок нетерпения [3, с. 38].

Дж. К. Уэллс указывает, что падающий тон звучит очень настоятельно: `Answer the \phone,| \will you? Он может быть заменён на высказывание *Will you answer the phone. Obey me immediately* [26, с. 50]. Г.А. Вейхман же полагает, что произнесённое с понижением тона *will you* уменьшает категоричность побуждения или запрета [3, с. 38].

Существует особенность интонационно-го оформления и у запрещающих команд – здесь обязательно падение тона: *Don't make a noise, \ will you?* [17, с. 405].

Интересно, что присоединённый вопрос в современной речи может вообще не иметь ударения: `Come over /here a minute, will you? `Open the \window, would you please? [26, с. 50].

Таким образом, основная коммуникативная нагрузка – побуждение – при превращении старого императива в разделительный вопрос в основном сохраняется. Основная цель высказывания – заставить собеседника что-то сделать или привлечь его внимание – также сохраняется. Присутствие эллиптической вопросительной части придаёт просьбам или командам различные эмоциональные оттенки – нетерпения, раздражения, негодования, настоятельности, смягчения категоричности. Эти дополнительные значения выражаются говорящим и понимаются слушающим на основании выбора модального глагола в присоединённом вопросе и интонирования конструкции.

Все “представители” рассмотренных форм, появившись в разное время (*Ask father!* → ` *Will you ask father?* → *Ask father,* ` *will you?* → *Ask father, will you?*), функционируют в

современном языке параллельно. Серьёзные структурные изменения старого императива – превращение его в общий вопрос, затем перемещение вопросительной части практически без изменения в конец предложения и получение расчленённого вопроса – придали ему дополнительную эмоциональность. При этом модальный глагол всегда являлся ударным словом. Следующий шаг в ходе исторического развития высказывания – потеря ударения модального глагола эллиптической вопросительной части – может быть указанием на то, что присоединённый вопрос теряет большинство сопутствующих эмоциональных оттенков и используется только для придания высказыванию вежливой, обходительной формы, таким образом существенно сужая эмоциональную нагрузку подобного побуждения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердникова Л.П. Подтвердительные вопросы в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 33 с.
2. Бузаров В.В. Некоторые аспекты взаимодействия грамматики говорящего и грамматики слушающего в английской диалогической речи. – Пенза: Изд-во ПГИИЯ, 1988. – 117 с.
3. Вейхман Г.А. Некоторые новые и менее известные явления английского синтаксиса // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 6. – С. 37–43.
4. Грамматика современного английского языка / Емельянова О.В., Зеленщиков А.В., Масленникова А.А. Грамматика современного английского языка. – М.: Академия, 2011. – 720 с.
5. Зотеева Т.С. Диалогическое единство в жанре просьбы и его эволюция в английской драме XVI–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2001. – 190 с.
6. Ильичёва Е.Г. Прагматические и структурные особенности предикативных комплексов в речи персонажей в современной английской драме // Единицы языка и их функционирование. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 1999. – Вып. 5. – С. 19–29.
7. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с ключами и упражнениями. – М.: ЮНВЕСТ ЛИСТ, 2000. – 717 с.

8. Кобрина Н.А. и др. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис / Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. – СПб.: Союз, 2000. – 496 с.
9. Локшина Ф.В. Побудительно-восклицательные предложения в современном английском языке // Английская филология. – Л.: ЛГУ, 1965. – С. 146–161.
10. Прибыток И.И. Структурная таксономия // Единицы языка и их функционирование. – Саратов, 1998. – Вып. 4. – С. 47–50.
11. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 195–222.
12. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 151–169.
13. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 296 с.
14. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.В. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж, 2003. – 185 с.
15. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 512 с.
16. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.
17. A Grammar of Contemporary English/ Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. – London: Longman, 1972. – 1120 p.
18. Curme G.O. A Grammar of the English Language. V. 3. Syntax. – USA: D.C. Heath and Company, 1931. – 616 p.
19. Hancock M. English pronunciation in use. – Cambridge: Cambridge university press, 2003. – 200 p.
20. Huddleston R. English Grammar. An outline. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 212 p.
21. Long R.B. The sentence and its parts. – Chicago: The University of Chicago Press, 1961. – 528 p.
22. Murphy R. English grammar in use. – Cambridge: Cambridge university press, 2002. – 350 p.
23. O'Connor J.D. Better English pronunciation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 150 p.
24. Radford A. Syntactic theory and structure of English. A minimalist approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 558 p.
25. Visser F.Th. An historical syntax of the English Language. – Brill, 2002. – V. 1. – 657 p.
26. Wells J.C. English intonation. – Cambridge: Cambridge university press, 2007. – 276 p.

УДК 811.111–26

Савосин А.Ю.

Московская гуманитарно-техническая академия

СРАВНЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

A. Savosin

Moscow Academy Of Humanities And Technology

SIMILE IN ENGLISH OPINION JOURNALISM

Аннотация. Статья описывает некоторые особенности англоязычных публицистических текстов, связанные с использованием выразительных средств языка. Общее описание текстов делается с позиции диктемой теории, выработанной М.Я. Блохом. Сравнение выделяется как основное выразительное средство. В процессе исследования устанавливается, что выразительные средства имеют эстетическую и убеждающую функцию в зависимости от цели субъекта речевого воздействия. Автор обращает внимание на вкрапления языка художественной литературы и языка ежедневного общения в публицистических текстах.

Ключевые слова: публицистика, диктема, сравнение, метафоризация, стиль, художественный, язык, речь.

Abstract. The article describes certain peculiarities of English opinion journalism texts, related to the use of artistic means of expression. The general description is based on the dicteme theory developed by M.Y. Blokh. Comparison is pointed out as the key expressive means. These means carry both aesthetic and persuasive functions based on the purpose of the speech impact subject. The author draws attention to the relation of the languages of literature and daily communication in opinion journalism texts.

Key words: opinion journalism, dicteme, comparison, metaphorization, style, artistic, language, speech.

Публицистический стиль занимает особое место в системе стилей литературного языка, поскольку во многих случаях он должен перерабатывать тексты, созданные в рамках других стилей. Научная и деловая речь ориентированы на интеллектуальное отражение действительности, художественная речь – на её эмоциональное отражение. Публицистика играет особую роль – она стремится удовлетворить как интеллектуальные, так и эстетические потребности. Шарль Балли справедливо заметил, что «научный язык – это язык идей, а художественная речь – язык чувств» [1, с. 281]. К этому можно добавить, что публицистика – язык и мыслей, и чувств. Важность темы, освещаемой средствами массовой информации, требует основательных размышлений и подходящих средств логического изложения мысли. В то же время выражение авторского отношения к определённым событиям, как правило, подразумевает использование эмоциональных средств языка.

Важной чертой публицистики является использование наиболее типичных для данного момента общественной жизни способов изложения материала, наиболее частотных лексических единиц, характерных для данного времени фразеологизмов и метафорических употреблений слова. Актуальность содержания заставляет автора искать актуальные формы его выражения, общепонятные и в то же время отличающиеся свежестью, новизной. Метафоризация представляет собой использование слов в переносных значениях в целях создания яркого и запоминающегося образа, выражения оценки, эмоционального отношения к предмету речи; она призвана оказать воздействие на адресата речи.

Представители когнитивной лингвистики считают, что метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – «источника» и «цели» [4, с. 44; 5, с. 25]. Области «источника» не эквивалентны «цели». Под «источником» здесь подразумевается более конкретное

знание, под «целью» – менее знакомое. Основной тезис теории когнитивной метафоры сводится к следующему: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки знаний – так называемых *фреймов* (характерных унифицированных конструкций знания или связанных схематизациями опыта) и сценариев (обобщённого опыта взаимодействия человека с окружающим миром). Основной характеристикой **фрейма** является «энциклопедичность», то есть совокупность в его структуре различных знаний о референте, называемом именем *концепта*. Но, в отличие от ассоциаций, эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Некоторые фреймы, безусловно, являются «врождёнными», так как естественно и неизбежно возникают в процессе познания мира каждым человеком. Другие фреймы усваиваются в момент обучения или приобретения опыта.

Однако метафора – не единственная фигура речи, используемая в публицистическом тексте. В англоязычных текстах, публикуемых в разделах «*opinion*» или «*comment*» значительную часть имагинального [3, с. 270] элемента представляют сравнение и аналогия. Эти стилистические приёмы характерны, в том числе, для текстов политических журналистов, обсуждающих характеристики государственных лидеров или функционеров. В сравнении выделяют: сравниваемый предмет (объект сравнения), предмет, с которым происходит сопоставление (средство сравнения), и их общий признак (основание сравнения, сравнительный признак). Сравнение отличается от метафоры тем, что первое содержит упоминание обоих сравниваемых предметов, при этом общий признак приводится далеко не всегда. Для политических и общественных деятелей традиционно важно добиваться положительной репутации в глазах общественности и средств массовой информации и сохранять её. В противном же случае объект описания может столкнуться с весьма неприятным сравнением с некой одиозной фигурой. Приведём пример из статьи

британского телеведущего, комического актёра и обозревателя газеты «Гардиан» Дэвида Митчелла:

Or maybe I'm the one being humourless and it was a joke? He can't really think the Queen is a cause for the international community's concern – a *Kim Jong-il figure*, but fortunate enough to rule over a population with a bizarre and advanced case of mass Stockholm syndrome [10].

Автор говорит, что некоторые противники британской конституционной монархии сравнивают королеву (объект сравнения) с бывшим лидером КНДР Ким Чен Ир (средство сравнения). Однако автор не утверждает, что Великобритания является тоталитарным государством, подобно КНДР. Сходным признаком в данном случае является так называемый стокгольмский синдром, т. е. здесь автор говорит, что, несмотря на критику строя, за сохранение монархии всё равно выступает большая часть населения.

Приведём другой характерный пример. Американский автор Джеймс Килпатрик из «Сиэтл Таймс» пишет об организованном им конкурсе литературных сравнений 1993 г. Описывая соревнования, Килпатрик иронически применяет сравнение к участникам:

To my delight, readers *rose to the challenge like tropical fish at feeding time*. Across the nation a hundred school teachers spurred their charges on [9].

Отклик читателей, по мнению автора, обладал мощностью и массовостью, с которой тропические рыбы ищут питание.

Конкурс заключался в следующем: читателям нужно было придумать сравнения (*similes*) к словам *slender* (здесь: *тонкий, тощий*) и *exciting* (*интересный, захватывающий*). Наиболее примечательными сравнениями на первое слово были: «*as slender as a kayak on a river of scows*» [9] (о молодом человеке: «тощий, как каяк среди барж»); «*like a row of slender saplings on a windy day*» [9] (о школьниках в очереди: «как молодая роща на ветру»).

Почётные места заняли также следующие сравнения: «*as exciting as an island on the horizon*» [9] («захватывающий, как остров на горизонте»); «*as exciting as a race between the*

tortoise and ANOTHER tortoise» [9] (ирон. «захватывающе, как гонка черепахи и ЕЩЁ ОДНОЙ черепахи»).

Победителем конкурса стала читательница, нашедшая нечто «интересное, как яйцо-пашот» («as exciting as a poached egg» [9]). Приведённые выше примеры показывают, насколько широким может быть охват лексики и фантазия авторов. Средства сравнения и сходные признаки могут быть при этом самими неожиданными.

Рассмотрим ряд примеров использования сравнений и аналогий в спортивном обозрении, принадлежащем перу американского писателя, поэта и спортивного обозревателя «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» Г. Райса (1880–1954). За свою жизнь Райс, будучи плодовитым писателем, выпустил шесть сборников стихотворений и восемь книг прозы. Его спортивные обозрения характеризовались элегантным стилем, высокой художественностью и обладали при этом точностью фактов. Одной из самых известных статей американского автора о спорте стала так называемая «сага» «Четыре всадника», опубликованная 18 октября 1924 г. Приведём отрывок из данного произведения в качестве примера использования изучаемого выразительного средства:

Outlined against a blue-gray October sky, the Four Horsemen rode again. In dramatic lore they are known as *Famine, Pestilence, Destruction and Death*. These are only aliases. Their real names are Stuhldreher, Miller, Crowley and Layden. They formed *the crest* of the South Bend *cyclone* before which another fighting Army football team was *swept over the precipice* at the Polo Grounds yesterday afternoon as 55,000 spectators peered down on the *bewildering panorama* spread on the *green plain* below [11].

Основных игроков победившей команды Райс сравнивает с четырьмя всадниками Апокалипсиса, известных как Голод, Чума, Разрушение и Смерть. Далее следует метафора, в которой нападающие представляются как пик циклона, снёсший команду противников с края обрыва. Сама игра названа «потрясающим действием», а площадка стала «зелёной равниной».

The Army had great backs in Wilson and Wood, but the Army had no such quartet, who *seemed to carry the mixed blood of the tiger and the antelope* [11].

Райс отдаёт должное команде противника, у которой, по его словам, были хорошие защитники, но им было далеко до четвёрки нападающих, в которых текла «кровь тигра и антилопы». Причиной такого средства сравнения выступает стремление обозначить скорость и физическую силу. Таким образом, сходный признак не называется прямо, но исходит из контекста: «Rockne's light and tottering line was just about *as tottering as the Rock of Gibraltar*» [11].

Статность тренера команды победителей Кнута Рокне автор описывает через отрицательное сравнение «непрочный, как Гибралтарская скала». В этом случае сходным признаком объекта и средства сравнения выступает величие скалы.

Статья Г. Райса представляет собой один из ярких примеров использования стиля художественной литературы (имагинального элемента) в публицистике. Автор, ставший классиком американской спортивной публицистики, приблизил газетные статьи к художественной литературе.

Как следует из вышеприведённых примеров, сравнение может быть и гротескным. В некоторых случаях, руководствуясь намерением обратить особое внимание на какую-либо проблему, автор преувеличивает серьёзность явления, что может, в частности, выразиться в не самых очевидных сравнениях. Приведём пример намеренного преувеличения влияния определённого события на повседневную деятельность человека. Отрывок взят из статьи британского телеведущего и публициста Джереми Кларксона на интернет-сайте программы «Top Gear»:

Imagine trying to work today without a mobile phone. Unless you are a deep-sea diver, or a miner, it would be impossible. We used to manage, but now it would be *like trying to work without a head. Or lungs* [7].

Статья Кларксона повествует об отрицательной стороне технического прогресса и

недостатках политики производителей. Следуя логике использования прилагательного *vital* (жизненно важный) по отношению к предметам, явно не имеющим такой характеристики, автор сравнивает техническое устройство с жизненно важными органами.

В публицистике встречаются неудачные случаи использования метафор и сравнений. Это может говорить о том, что авторы либо недостаточно ясно представляют себе основные условия, необходимые для того, чтобы их ожидания, связанные с этими выразительными средствами, соответствовали результатам, либо намеренно провоцируют читателей. Приведём примеры обоих случаев. Автор книги «The Secret Pease» и одноимённого блога Джесси Ричардс пишет, что использовать название «Титаник» в качестве метафоры для какого-либо потенциально опасного технического проекта или же сравнивать неудачное достижение с трагически затонувшим судном – неправильно. Ричардс пишет, что «Титаник» часто используется как символ высокомерия. По его мнению, это правильно – с одной стороны, так как, несмотря на уверенность производителей, корабль имел очевидные недостатки, приведшие в итоге к катастрофе. С другой стороны, продолжает рассуждать автор, «Титаник» стал важным уроком для человечества [12]. Из трагических ошибок был извлечён опыт, что в итоге позволило человечеству строить безопасные суда ещё большего размера. Таким образом, Джесси Ричардс обращает внимание читателей на то, что иногда журналисты пренебрегают анализом значения при выборе выразительных средств. В качестве примера второго из вышеописанных случаев приведём цитату уже упомянутого ранее Джереми Кларксона из авторской колонки в газете «Сан»:

«[It is] Chinese women in hats, upside down, in a bit of water. You can see that sort of thing on Morecambe Beach. For free» [8].

Автор пишет о синхронном плавании и сравнивает зрелище с трагедией в заливе Моркам (Великобритания), где в 2004 г. погибли 23 китайских рыбака. Налицо крайне неудачный выбор аналогии. Стоит отметить,

что Кларксон неоднократно подвергался критике за резкие высказывания и оскорбления на телевидении и в прессе.

Анализ использования выразительных средств языка в публицистике показывает, что при использовании метафор и сравнений в публицистическом тексте авторы руководствуются тремя параметрами:

- знание сходства сравниваемых объектов, точность и ясность данного сходства;
- осознание важности сходства для содержания текста, а также используемой в тексте характеристики объекта;
- представление чувств и оценки, вызываемых объектом сопоставления, а также степени необходимости данных оценок.

Принято считать, что сравнение служит основой для создания метафор. В отличие от последних, сравнение не делает речь более лаконичной, а, напротив, распространяет её [5, с. 169]. По своей сути метафора представляет собой скрытую форму сравнения. Именно в этом заключается разница данных фигур речи в плане речевого воздействия. Сравнение ограничивает возможности догадки и объяснения. У метафоры же, в отличие от сравнения и метонимии, есть так называемый ресурс манипуляции.

Действия человека зачастую подчинены определённым схемам и не аргументируются. Поиск причины определённого поведения и принятия решений может быть осуществлён посредством анализа речи. Исследователи отмечают, что метафоры являются не только свойством языка, но и частью человеческого мышления и элементом познания. Выразительные средства заложены в когнитивную систему человека [6, с. 25]. Эти элементы речи имеют свойство изменять видение ситуаций и помогают сформировать взгляд на определённые решения. Сравнение одного субъекта со схожим по определённым признакам другим субъектом применяется не только для обозначения сходства, но и создаёт иной взгляд на события, предметы и личности. Таким образом, использование выразительных средств языка и сравнения, в частности, является обращением автора к

когнитивной системе читателя. Анализ фигур речи позволяет выяснить наиболее вероятную причину выбора того или иного средства и выявить образы, создаваемые для объекта речевого воздействия. Таким образом, стиливое оформление публицистического текста обеспечивается диктемами, выделенными М.Я. Блохом [2, с. 59]. Диктема является непосредственной тематической составляющей текста, его элементарной темовыражающей единицей, формируемой предложениями. Только анализ полного состава диктемы может служить критерием для отнесения высказывания к тому или иному стилю. При анализе стиливое оформления текста важен анализ диктем, которые стилизуются автором с помощью элементов разных функциональных стилей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Наука, 2001. – 398 с.
 2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – № 4. – 2000. – С. 56–68.
 3. Блох М.Я. Литературно-художественная речь и стиливое дифференциация языка // Россия и Запад: проблемы истории и филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Нижневартовск, 1999. – С. 269–272.
 4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 352 с.
 5. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – 2-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 224 с.
 6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ., под ред. А.Н. Баранова. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 254 с.
- Источники:
7. Clarkson Jeremy. JC on broken Britain. [Электронный ресурс]// BBC Top Gear [сайт]. [2010]. – URL: <http://www.topgear.com/uk/jeremy-clarkson/clarkson-broken-2010-08-01> (дата обращения: 01.02.2013).
 8. Damien Gayle. 'Beneath contempt': Jeremy Clarkson slammed for mocking the deaths of 23 Chinese cockle-pickers. [Электронный ресурс]// Mail Online [сайт]. [2012]. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2083806/Jeremy-Clarkson-slammed-mocking-deaths-23-Chinese-cockle-pickers.html> (дата обращения: 05.02.2013).
 9. Kilpatrick James J. It's Exciting To Receive So Many Slender Similes. [Электронный ресурс]// The Seattle Times [сайт]. [1993]. – URL: <http://community.seattletimes.nwsourc.com/archive/?date=19931024&slug=1727837> (дата обращения: 05.02.2013).
 10. Mitchell David. The Queen's Jubilee Should be a time for rejoicing for our spoilsports. [Электронный ресурс]// The Guardian; The Observer [сайт]. [2012]. – URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2012/jun/03/queen-diamond-jubilee-spoilsports-david-mitchell> (дата обращения: 05.02.2013).
 11. Rice Grantland. The Four Horsemen. [Электронный ресурс]// University of Notre dame Archives [сайт]. [2010]. – URL: <http://archives.nd.edu/research/texts/rice.htm> (дата обращения: 13.01.2013).
 12. Richards Jesse. Why the Titanic is a bad metaphor. [Электронный ресурс]// The Secret Peace [сайт]. [2011]. – URL: <http://thesecretpeace.blogspot.ru/2011/11/why-titanic-is-bad-metaphor.html> (дата обращения: 13.01.2013).

УДК 81'1

Скокова Т.Н.

Белгородский государственный университет

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

T. Skokova

Belgorod State University

THE LINGUISTIC COGNITIVE ESSENCE OF THE SYNTAGMATIC RELATIONS

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с синтагматической релятивностью. Основными факторами, определяющими распространение слов по событийному тексту в процессе объективации смысловых узлов концептов являются различные отношения. Синтагматическая релятивность в коммуникативном целом – это фактор возникновения множественности рядоположения, базирующейся на отношении сходства, и множественности проникновения, в основе которой находятся такие отношения, как причинно-следственные, смежности, инклюзивные, градуальные, устанавливающиеся при лексических повторах, перечислении и пр., то есть при особом распределении слов по тексту. В процессе развёртывания языкового пространства благодаря возникновению в нашем сознании другого бесконечного множества – так называемых фактов сознания – структурируются концепты.

Ключевые слова: синтагматическая релятивность, отношения, слои смыслового содержания концепта, смысловые узлы концепта.

Abstract. The present article is devoted to the problems of syntagmatic relations. Different relations are the main factors determining the distribution of the words in the eventive text in the process of the considered concept sense nodes objectivization. Syntagmatic relations in the communicative entity is a factor of the emergence of a multiplicity of penetration based on casual, contiguous, inclusive, gradual relations established in lexical repetition, enumeration etc., that is, in the context of a particular distribution of the words in the text. The concepts are structured in the process of language space expansion due to the emergency in our conscience of other endless multitudes – the so-called facts of conscience.

Key words: syntagmatic relations, layers of concept essence, sense nodes of the *concept, relations*.

Синтагматические и парадигматические отношения образуют систему в сопряжении с парадигматическими связями элементарных смыслов. Понимание парадигмы релятивности можно сравнить с пониманием собственно парадигмы, данной в платонической и неоплатонической философии для описания некоего высшего, трансцендентного образца, предопределяющего определённую структуру. Это ещё не мировоззрение, но некая предмировоззренческая туманность, способная выкристаллизовать из себя неопределённо большую систему мировоззрений [9, с. 505]. В нашей концепции в процессах горизонтального смыслообразования, когда, по мнению Д. Юма, «ум переходит... от одной идеи к другой» [10, с. 68], **синтагматической релятивности** отводится важная роль. Синтагматическая релятивность понимается как **система** объективных и мыслительных **отношений** в репрезентируемой ситуации, которые становятся базисом сочетаемости и совместимости соответствующих концептов в структуре представляющего денотативную ситуацию фрейма, а также составляющих элементов концепта, благодаря которым знание организуется в некие картины мира.

Синтагматическая релятивность рассматривается на примере концепта КРАСОТА, представляющего собой с точки зрения классической философии феномен, в котором фокусируются онтологические, гносеологические, а также этические смысловые узлы [7]. Концепт явля-

ется мыслительной структурой, внутренняя форма которого открыта к изменениям. «Виртуальная (потенциальная, желаемая) реальность становится актуальной лишь тогда, когда возникает наглядно-чувственный образ, проецирующий, в свою очередь, образ словесный» [2, с. 141]. Значение релятивности можно сравнить с особым значением, которое К.Н. Леонтьев в земном мире придавал красоте, сравнивая её с чёткой формой, не дающей материи “разбегаться”. Это, с одной стороны, «внутренняя идея», а с другой – её объективация через сеть отношений (между объектом → субъектом → эмоциональным состоянием → действием), овладение которыми представляет собой процесс познания. Заданный Платоном семантический вектор осмысления красоты явился направлением познания её как духовного, трансцендентного феномена, а феномен прекрасного представляет собой нормативность, правильность. Материалом исследования послужил роман Ф. Достоевского «Идиот».

Основными факторами, определяющими распространение слов по событийному тексту в процессе объективации смысловых узлов рассматриваемого концепта, являются различные отношения. Первое из них – это **отношение сходства**.

Отношение сходства признака ‘красивый’ проявляется, например, в ситуации, в которой он сближается с такими определениями, как ‘счастливый’, ‘симпатичный’, ‘милый’, ‘хороший’, ‘хорош собой’, ‘добрейший’; ср.: “У вас, Аделаида Ивановна, **счастливое лицо**, из всех трёх лиц **самое симпатичное**. Кроме того, что **вы очень хороши собой**, на вас смотришь и говоришь: “У ней **лицо, как у доброй сестры**”. Вы подходите просто и весело, но и сердце умеете скоро узнать. Вот так мне кажется про ваше лицо. У вас, Александра Ивановна, **лицо тоже прекрасное и очень милое**, но, может быть, у вас **есть какая-нибудь тайная грусть; душа у вас, без сомнения, добрейшая**, но вы невеселы. У вас **какой-то особенный оттенок в лице, похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене...**”
Отношение сходства в достаточно опреде-

лённых признаках обладает свойствами симметричности. Так, последнее предложение в приведённой ситуации содержит отношение симметричности: ‘особенный’ ↔ **красивый** ↔ ‘похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене’.

Отношение симметричности – это отношение типа равенства, подобия, одновременности и пр.; ср.: “... Я перевёл французский характер в русские буквы, что очень трудно, а вышло удачно. Вот и ещё **прекрасный и оригинальный шрифт**, вот эта фраза: “Усердие всё превозмогает”. Это шрифт русский, писарский или, если хотите, военно-писарский. Так пишется казённая бумага к важному лицу, тоже круглый шрифт, **славный, чёрный шрифт**, черно написано, но с **замечательным вкусом**. Каллиграф не допустил бы этих росчерков, или, лучше сказать, этих попыток расчеркнуться, вот этих недоконченных полухвостиков, – замечаете, – а в целом, посмотрите, оно составляет ведь характер, и, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла, прелесть! Это недавно меня один образчик такой поразил, случайно нашёл, да ещё где? в Швейцарии!: Ну, вот это **простой, обыкновенный и чистейший английский шрифт**: дальше уж **изящество** не может идти, тут всё **прелесть, бисер, жемчуг**; это **закончено**; но вот и вариация, и опять французская, я её у одного французского путешественного коми заимствовал: тот же английский шрифт, но чёрная линия капельку почернее и потолще, чем в английском, а – **пропорция света** и нарушена; и заметьте тоже: овал изменён, капельку круглее, и вдобавок позволен росчерк, а росчерк – это **наиопаснейшая вещь!** Росчерк требует **необыкновенного вкуса**; но если только он удался, если только найдена **пропорция**, то такой шрифт ни с чем не сравним, так даже, что можно влюбиться в него.”
В этом примере ядерный смысловой элемент концепта КРАСОТА ‘красивый’ становится именем данного двухместного отношения, что объективируется следующим образом:

– ‘прекрасный’ ↔ красивый ↔ ‘оригинальный’, ‘необыкновенного вкуса’ (‘сделанный с замечательным вкусом’);

– ‘хороший’, ‘славный’, ‘прелестный’ ↔ красивый ↔ ‘пропорциональный’, ‘изящный’ (‘пропорция света’, ‘изящество, бисер, жемчуг’), ‘законченный’, ‘чистейший’;

– ‘простой’ ↔ красивый ↔ ‘обыкновенный’.

Приведём ещё два примера: 1) «**Этакая сила!** – вскричала вдруг Аделаида, жадно всматриваясь в портрет из-за плеча сестры. – Где? Какая **сила**? – резко спросила Лизавета Прокофьевна. – **Такая красота – сила**, – горячо сказала Аделаида, – с **этакую красотой можно мир перевернуть!**»; «*Das ist eine gewaltige Macht!*» rief auf einmal Adelaida, die über die Schulter ihrer Schwester hinweg das Bild mit größtem Interesse ansah. «Wieso? Inwiefern eine Macht?» fragte Lisaweta Prokofjewna in scharfem Ton. «Eine solche **Schönheit ist eine Macht**», erwiderte Adelaida enthusiastisch. «Mit einer solchen **Schönheit kann man die Welt umdrehen!**»; 2) «**Варвара Ардалионовна была девица лет двадцати трёх, среднего роста, довольно худощавая, с лицом не то чтобы очень красивым, но заключавшим в себе тайну нравиться без красоты и до страсти привлекать к себе.**» В основе синтагматики слова лежат **рефлексивные отношения**. В нашем примере это подтверждается тем, что при восприятии красоты первостепенную роль играет рефлексия о предмете. С одной стороны, это сила, детерминирующая различное поведение личности, а с другой – рефлексия, выражающаяся в идее всеобщего согласия о прекрасном. Ср.: ‘сила, с которой можно мир перевернуть’ ↔ красота ↔ ‘тайна нравиться без красоты и до страсти привлекать к себе’. Рефлексивные отношения как интериоризованные связи „Я“ с другими субъектами основаны также на способности воспринимать «чужое». Рассмотрим пример: «**Беспорноую красавицей в семействе, как уже сказано было, была младшая, Аглая. Но даже сам Тоцкий, человек чрезвычайного эгоизма, понял, что не тут ему надо искать и что Аглая не ему предназначена. Может быть, несколько**

слепая любовь и слишком горячая дружба сестёр и преувеличивали дело, но судьба Аглаи предназначалась между ними, самым искренним образом, быть не просто судьбой, а возможным идеалом земного рая. Будущий муж Аглаи должен был быть обладателем всех совершенств...» В данном случае при порождении смысловых узлов концепта КРАСОТА выражается отражение представлений субъекта о других людях в ситуации взаимодействия: ‘обладатель всех совершенств’ ↔ красота ↔ ‘возможный идеал земного рая’. Эти отношения – необходимый элемент познавательной активности субъекта (см. об отношении СВОЁ – ЧУЖОЕ в экзистенциализме Ж.-П. Сартра с его положением «быть увиденным другим»; у М. Хайдеггера, писавшего о со-бытийности как совместном мире, в котором «бытие-в» есть «со-бытие» с другими; у Г.Г. Гадамера с его моделью коммуникативных отношений «Я-Ты»; в респонзивной феноменологии Б. Вальденфельса, который пишет: «Старое изречение “Человек есть живое существо, обладающее речью или разумом” следует изменить так: “Человек есть живое существо, которое отвечает”» [3, с. 134]).

Синтагматическая дистрибуция слов осуществляется также на базе **транзитивного отношения**. В примере: «**Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!**» – отношение транзитивности может быть схематично представлено следующим образом:

– ‘ослепляющая красота’ ↔ красота ↔ ‘невыносимая красота’;

– ‘невыносимая красота’ ↔ красота ↔ ‘странная красота’;

– ‘ослепляющая красота’ ↔ красота ↔ ‘странная красота’.

Итак, синтагматическая релятивность – это своего рода сигнально-кодовая система, анализ которой позволяет сделать вывод, что речь структурируется благодаря поэтапному предъявлению общей перспективы содержания, благодаря речевым действиям, направленным на поступательное полное отражение содержания во всех его составляющих эле-

ментах, в их связях и отношениях в виде минимальных речевых компонентов – синтагм.

Рассмотрим другие примеры.

«... Это не всегда в нашем веке случается. Там, в стихах этих, не сказано, в чём, собственно, состоял идеал **“рыцаря бедного”**, но видно, что это был какой-то **светлый образ, “образ чистой красоты”**, и влюблённый рыцарь вместо шарфа даже чётки себе повязал на шею. Правда, есть ещё там какой-то тёмный, недоговоренный девиз, буквы А.Н. Б., которые он начертил на щите своём.

– А.Н. Д., – поправил Коля.

– А я говорю А.Н. Б., и так хочу говорить, – с досадой перебила Аглая, – как бы то ни было, а ясное дело, что этому **“бедному рыцарю”** уже всё равно стало: кто бы ни была и что бы ни сделала его дама. Довольно того, что он её выбрал и поверил её **“чистой красоте”**, а затем уже преклонился перед нею навеки; в том-то и заслуга, что если б она потом хоть воровкой была, то он всё-таки должен был ей верить и за её **чистую красоту** копыя ломать. Поэту хотелось, кажется, совокупить в один чрезвычайный образ всё огромное понятие средневековой рыцарской платонической любви какого-нибудь **чистого** и высокого **рыцаря**; разумеется, всё это идеал. В **“рыцаре же бедном”** это **чувство** дошло уже до последней степени, до аскетизма; надо признаться, что способность к такому **чувству** много обозначает и что такие **чувства** оставляют по себе черту глубокую и весьма, с одной стороны, похвальную, не говоря уже о Дон-Кихоте. **“Рыцарь бедный”** – тот же Дон-Кихот, но только серьёзный, а не комический. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю **“рыцаря бедного”**, а главное, уважаю его подвиги».

Анализ показывает, что функционирование языковых механизмов обеспечивает сходство, на базе которого, в частности, возникают **повторы**. **Отношение сходства** при повторении можно представить как выражение исключительного подобия или полной равноценности. Основанием сходства (см. пример) есть то, что красота – это гармоничное слияние внешнего образа и тех сложных

душевных состояний, которые включают конкретные ощущения и общие чувствования. Здесь возможно провести аналогию между чистым образом Пресвятой Богородицы, которая, живя на земле, была девою не только плотью, но и духом, её телесный вид был выражением души, олицетворением чистоты и чистой красоты (Акафист Покрову Пресвятой Богородицы). С когнитивной точки зрения можно сказать, что благодаря повторам демонстрируется также универсальность особенного, того, что нельзя заменить чем-то другим. Например, универсальность повторов ‘бедный рыцарь’ в выражении красоты души человека, сродни детской, наивно воспринимающей действительность. Но не только. Здесь очевидно сходство с красотой помыслов членов орденов, изначально военно-монашеских организаций, вступая в которые рыцари приносили три монашеских обета: целомудрия, бедности и послушания. По замыслу пап римских ордены должны были всецело посвятить себя делу защиты христианства. Особое значение орденские уставы придавали обету бедности.

Если две части повторяющегося целого включают в себя один и тот же компонент, то они также находятся в отношении сходства. Например, ‘красота чувства’ включает ‘красоту средневековой рыцарской платонической любви как идеала’ и ‘красоту чувства, всегда оставляющего по себе черту глубокую и весьма похвальную’, то есть отношение сходства неразрывно связано с **инклюзивным отношением**, которое также является основанием для функционирования синтагматической релятивности. Синтагматический переход от одного представления к другому часто приводит однако к сущностному различию между ними: ‘чистая красота’ как идеал, ‘чистая красота’, в которую поверили. Здесь также можно указать на возникновение при повторах **отношения противопоставления постоянства (даже закона) непостоянству, неустойчивости, изменчивости**: ‘рыцарь бедный’ как серьёзный рыцарь, чьи подвиги всегда были достойны уважения, и ‘рыцарь бедный’ как комический персонаж.

Благодаря повторению «извлекается» нечто новое. С. Кьеркегор уточняет: «... Не извлекать из повторения нечто новое, не выманивать у него нечто новое. Только созерцание, только созерцающий извне дух “выманивает”. Напротив, речь идёт о том, чтобы действовать, превратить повторение как таковое в новизну...» [6]. Так, повтор лексемы «чистый» («чистая красота», «чистый рыцарь») продуцирует такие составляющие концепта КРАСОТА, как ‘целомудренность’, ‘невинность’, ‘непричастность к греху’, ‘духовность’, ‘благородство’, ‘возвышенность’. Правда, это достигается также благодаря употреблению рядом с прилагательным «чистый» прилагательных «высокий» (= благородный, возвышенного образа мыслей).

Как известно, процесс порождения смысла носит детерминативный характер: то, что возникает в речи, обусловлено предыдущим содержанием. При повторах опыт субъекта проживается ещё раз, а часто и обобщается:

«В тот же день вы видите эту женщину; вы околдованы её красотой, фантастической, демонической красотой (я ведь согласен, что она красавица).

– Экая красавица! – кричали в толпе.

– Не она первая, не она и последняя!

– Венцом всё прикрывается, дураки!

– Нет, вы найдите-ка такую раскрасавицу, ура! – кричали ближайшие.

– Княгиня! За такую княгиню я бы душу продал! – закричал какой-то канцелярист. – “Ценою жизни ночь мою!..”.

Настасья Филипповна вышла действительно бледная как платок; но большие чёрные глаза её сверкали на толпу как раскалённые угли; этого-то взгляда толпа и не вынесла; негодование обратилось в восторженные крики.»

Здесь обнаруживается развёртывание причинно-следственного отношения: красота вызывает возбуждение толпы, которая, восхищаясь красавицей, обобщая, ассоциирует её с величием княгини. Причинно-следственной концептуальной зависимости, по словам В.Б. Гольдберг, соответствуют семантические связи прогрессивная и регрессивная

импликация [4, с. 66]. **Отношение импликации и выводимости** – это наиболее распространённый тип отношений при распределении слов в коммуникативном целом (в терминах Д. Юма – при «ассоциативном связывании мысли, пропозициональных когнитивных сущностей» [10, с. 68]. Объект познания имплицитно подразумевает другой объект познания, если второй с необходимостью вытекает из первого. Вот как выглядит распространение составляющих рассматриваемого концепта в тексте произведения Ф. Достоевского, касающихся той зоны, которая связывается с красотой женщины: ‘красавица’ → ‘необыкновенной красоты женщина’ → ‘идеал’ → ‘совершенство’ → ‘алмаз’. Возможно также моделирование такого ряда, например, благодаря отношению наложения общей положительной оценки и эстетической положительной оценки, то есть переход от именованного в качестве предиката предметной характеристики какого-либо явления к высказыванию эстетического чувства, к категории возвышенного при осознании эстетического чувства по поводу какого-либо объекта (‘красивый’, ‘изукрашенный’ → ‘имеющий обольщающий вид’, ‘являющийся предметом любования’, ‘понравившийся’) в следующем примере: *«Дача Лебедева была небольшая, но удобная и даже красивая. Часть её, назначавшаяся внаём, была особенно изукрашена. На террасе, довольно поместительной, при входе с улицы в комнаты было наставлено несколько померанцевых, лимонных и жасминовых деревьев в больших зелёных деревянных кадках, что и составляло, по расчёту Лебедева, самый обольщающий вид. Несколько из этих деревьев он приобрёл вместе с дачей и до того прельстился эффектом, который они производили на террасе, что решил, благодаря случаю, прикупить для комплекта таких же деревьев в кадках на аукционе. Когда все деревья были наконец свезены на дачу и расставлены, Лебедев несколько раз в тот день сбегал по ступенькам террасы на улицу и с улицы любовался на своё владение, каждый раз мысленно надбавляя сумму, которую предполагал запросить с будущего своего дачного жильца.*

Расслабленному, тоскующему и разбитому телом князю **дача очень понравилась.**» В данном контексте синтагматическое распределение слов по тексту осуществляется и с помощью перечисления, основанием которого также является отношение сходства. Если перечисляемые единицы расположены по степени нарастания (в других случаях – ослабления) какого-либо признака, перечисление приобретает форму градации. **Градуальные отношения**, как и инклюзивные, о которых уже говорилось выше, основаны на общности (сходстве) интегральных составляющих концепта, но осуществляются они в пределах парадигматики.

Логическим коррелятом концепта является смысл, а смысловой повтор с помощью варьирования лексических средств путём употребления однородных по содержанию или форме единиц (ср. также: «амплификация» (лат. *amplificatio* – расширение)) ведёт к «приращению смысла»:

«На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в чёрном шёлковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому тёмно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза тёмные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна... Ганя и генерал с изумлением посмотрели на князя...»

– Как, Настасья Филипповна! Разве вы уж знаете и Настасью Филипповну? – спросил генерал.

– Да; всего только сутки в России, а уж **такую раскрасавицу** знаю.»

Или, «побывав в креативном горниле дискурсивного мышления» [1, с. 125], снова возвращается к концепту с суженным значением: «Для чего мне ваша **природа**, ваш павловский парк, ваши **восходы и закаты** солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня съёл за лишнего? Что мне во всей этой **красоте**». Рождение смысла начинается с концепта, «в свёрнутом виде

содержащего качественно-оценочную сущность обозначаемого предмета» [1, с. 125]. Кристаллизация же смысла осуществляется при расширении значения.

Синтагматическая релятивность является фактором распределения слов в коммуникативных актах. При этом также наблюдается процесс моделирования понятийных характеристик концепта. Рассмотрим ещё одну денотативную ситуацию: «И, однако же, он всё-таки дошёл наконец до чрезвычайно парадоксального вывода: «Что же в том, что это болезнь? – решил он наконец. – Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени **гармонией, красотой**, даёт неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с **самым высшим синтезом жизни?**». Эти туманные выражения казались ему самому очень понятными, хотя ещё слишком слабыми. В том же, что это действительно **«красота и молитва»**, что это действительно **„высший синтез жизни“**, в этом он сомневаться не мог, да и сомнений не мог допустить.» Такой повтор, как «высший синтез жизни», смысл которого воспринимается как ‘феномен прекрасного’, имеющий, по Платону, статус нормативности, состоит из трёх частей – гармонии, красоты, молитвы. Каждая из них, представляя аспекты одной целостности, всё же имеет только некоторое сходство со свойствами других частей. Таковыми являются: ‘свойство объекта, определяющее его способность нравиться’; ‘что-либо, что доставляет эстетическое удовольствие’; ‘то, что принимает вид поклонения, восхваления’; ‘согласованность’; ‘сообразность’; ‘симметрия’; ‘единство’; ‘соразмерность’. При этом в структурировании концепта КРАСОТА они находятся между собой в **отношении смежности**. Здесь уместно вспомнить понятие красоты в философских воззрениях, где она рассматривается как абстрактно воспринимаемая правильность: от “гармонии как души мира” у Джозеффо Царлино, “божественной

пропорции” у Луки Пачоли, “правила природы” у Андрео Палладио до “войны против зрения” и ориентации на выражение подлинной сущности объектов – “не как мы их видим, а как мы их знаем” (экспрессионизм), и т. п. [8]. Отношения, возникающие между повторяющимися синтагмами, также являются средством порождения смысла, что, как нам представляется, в обобщённом виде образно сформулировано в определении повторов, приведённом в работе «Различие и повторение» Ж. Делёза: «Одно – это “обнажённое” повторение, другое – повторение облачённое, формирующееся одеваясь, прикрываясь маской, меняя одежды» [5].

В заключение исследования сформулируем выводы.

1. Синтагматические отношения отражают процесс формирования мысли, особенности осознания человеком внеязыковой действительности. Этот процесс выглядит следующим образом: между словами и словосочетаниями, которые составляют синтагмы, понимаемые как речевые единицы с конкретным ситуативным значением, формируются отношения, «энергетическая» эффективность которых определяет порождение когнитивных составляющих концептуального целого. Иными словами, синтагматическая релятивность может быть представлена как сигнально-кодовая система, которая не только сообщает об определённом смысле, но и предполагает линейные комбинации смыслов.

2. Повтор, перечисление, ряд однородных определений и пр. как синтагматические аспекты лексической структуры событийного текста, рассматриваемые в рамках синтагматической релятивности, реализуют две

задачи. Они не только отражают характер линейных отношений между слоями смыслового содержания концепта, но и являются средством формирования его смысловой глубины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 342 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 285 с.
3. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Минск: Пропилеи, 1999. – 176 с.
4. Гольдберг В.Б. Сочетание системного и функционального подходов при построении типологии семантических связей // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород, 1998. – С. 64–67.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
6. Кьеркегор С. Библиографический указатель. 1813–1855. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kirkegor.php (дата обращения: 10.03.2013).
7. Леонтьева А.Л. Так что же есть на свете красота? (Концепт красоты сквозь призму металексики) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 545–562.
8. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bookz.ru/authors/gricanov-aa/gricanov03/1-gricanov03.html> (дата обращения: 10.03.2013).
9. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995. – 240 с.
10. Хомич Е.В. Парадигма // Новейший философский словарь/ редкол.: А.А. Грицанов (науч. ред.), В.Л. Абушенко, М.А. Можейко и др. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 504–505.

УДК 811.133.1

Сосунова Г.А.

Российская таможенная академия (Московская область, г. Люберцы)

**СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
В ТЕКСТАХ ТАМОЖЕННОЙ ТЕМАТИКИ**

G. Sosunova

Russian Customs Academy (Moscow Region, Lyubertsy)

**SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF THE PAST PARTICIPLE IN PROFESSIONAL CUSTOMS TEXTS**

Аннотация. В статье анализируется функционирование причастий прошедшего времени в профессиональной таможенной литературе на французском языке, приводится их классификация. Выявлено, что семантика анализируемых причастий отражает виды таможенной деятельности, таможенно-юридические вопросы, организационные действия в таможенной сфере. Отмечена частота употребления отдельных причастий, выявлены проблемы перевода причастий на русский язык. Приводятся результаты анализа семантики существительных, определяемых причастиями.

Ключевые слова: причастия прошедшего времени, семантика, частотность употребления, существительные, определяющие причастия, проблемы перевода.

Abstract. The paper analyzes the past participle functioning in professional customs literature in French, and gives their classification. It was shown that the semantics of analyzed participles represents the Customs, customs activities and legal issues, organizational activities in the field of customs. The frequency of usage of individual participles is identified, and the problems of translation of participles into Russian are considered. The article presents the results of semantic analysis of nouns defined by participles.

Key words: past participle, semantics, participle usage, nouns, defining participles, problems of translation.

Вопросы развития и функционирования французских причастий прошедшего времени (*participe passé*) представляют интерес для многих отечественных и зарубежных лингвистов, среди которых такие исследователи, как Васильева Н.М., Гак В.Г., Игнатьева М.Г., Илия Л.И., Каменева Т.Е., Колесников В.В., Пицкова Л.П. [2; 4; 5; 6; 7], а также Боннар Ж. [9], Лоран Р. [10] и ряд других авторов. В частности, результаты исследования *participe passé* на разных этапах формирования французского языка отражены в работе Ж. Боннара. Учёный анализирует функционирование причастия прошедшего времени в старофранцузском языке, в XI-XIII в. [9]. Исследование Р. Лорана отражает вопросы развития причастия прошедшего времени в латыни до периода образования романских языков [10].

Ахманова О.С. в «Словаре лингвистических терминов» трактует причастие как «родовое глагольное слово, склоняемое глагольное имя», выделяя в особенности такие его признаки, как «именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие (состояние, процесс), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени» [1, с. 363]. В современном французском языке причастие прошедшего времени *participe passé* максимально реализует на синтаксическом уровне свою содержательную валентность: у причастия прошедшего времени она соответствует глаголу в пассивном залоговом значении. В самостоятельном употреблении *participe passé* выступает как отглагольное прилагательное. В русском языке *participe passé* переходных глаголов соответствует причастию страдательного залога насто-

ящего и прошедшего времени. *Participe passé* употребляется в предложении чаще всего в роли определения и стоит после определяемого существительного, согласуясь с ним в роде и числе: *les déclarations remplies* – *заполненные декларации*, *les textes traduits* – *переведённые тексты* [8, p. 126].

В процессе исследования одиннадцати печатных изданий профессиональной таможенной литературы на французском языке – журнала «*OMD Actualités*» [11] была отмечена частотность самостоятельного употребления *participe passé*. Так, предложение из 159 печатных знаков содержит три причастия прошедшего времени (*normalisée, avancées, effectuées*): *La mise en œuvre de procédures normalisées est venue renforcer les remarquables avancées effectuées ces dernières années dans la professionnalisation douanière* [11, № 64, p. 20].

Интерес для исследования представляет семантика выявленных причастий, которые классифицируются следующим образом:

– страдательные причастия прошедшего времени, отражающие виды деятельности в таможенной сфере – *ввезённый, изъятый, скоординированный*; ср.: *la vague de marchandises contrefaites introduites en Afrique du Sud* (*волна поддельных товаров, ввезённых в Южную Африку*) [11, № 63, p. 15]; *des produits contrefaisants saisis* (*изъятые поддельные товары*) [11, № 54, p. 12]; *la gestion coordonnée des frontières* (*скоординированное управление границами*) [11, № 59, p. 27];

– страдательные причастия настоящего времени, отражающие виды деятельности в таможенной сфере – *ввозимый, развёрнутый*; ср.: *la fumigation des produits importés* (*фумигация ввозимой продукции*) [11, № 60, p. 26]; *les efforts déployés par la douane pour lutter contre les délits environnementaux* (*усилия, развёрнутые таможней в борьбе с экологическими преступлениями*) [11, № 58, с. 9];

– страдательные причастия прошедшего времени, отражающие таможенно-юридические вопросы – *подписанный, пересмотренный*; ср.: *sur la base de protocoles d'accord signés* (*на основе подписанных меморандумов о взаимопонимании*) [11, № 58, p. 11]; *la Convention*

de Kyoto révisée (*пересмотренная Киотская конвенция*) [11, № 62, p. 47];

– страдательные причастия настоящего времени, отражающие таможенно-юридические вопросы – *рассматриваемый*; ср.: *l'étendue des sujets abordés par le Comité* (*круг вопросов, рассматриваемых Комитетом*) [11, № 58, p. 24];

– страдательные причастия прошедшего времени, отражающие организационные действия в таможенной сфере – *проведённый, организованный, осуществлённый, принятый*; ср.: *une étude réalisée récemment par l'Université de Stanford* (*обучение, проведённое недавно Стэнфордским университетом*) [11, № 60, p. 26]; *une étude sur le marché informel réalisée en 2004* (*исследование, проведённое в 2004 году по вопросам неорганизованного рынка*) [11, № 61, p. 28]; *l'événement organisé à l'occasion du 30-ème anniversaire de l'Accord* (*мероприятие, организованное по случаю 30-й годовщины Соглашения*) [11, № 62, p. 57]; *le processus de réforme mené à l'échelon national* (*Процесс реформ, осуществлённых на национальном уровне*) [11, № 58, p. 18]; *actions menées par le gouvernement mexicain* (*меры, принятые правительством Мексики*) [11, № 62, p. 33];

– страдательные причастия настоящего времени, отражающие применение, использование таможенных средств – *применяемый, используемый*; ср.: *conteneur utilisé pour le transport* (*контейнер, применяемый для перевозки*) [11, № 68, с. 4]; *le modus operandi utilisé* (*используемый метод работ*) [11, № 54, p. 12];

– страдательные причастия прошедшего времени, отражающие участие в таможенной деятельности – *задействованный, вовлечённый*; ср.: *tous les acteurs impliqués* (*все задействованные лица*) [11, № 62, p. 37]; – *les personnes impliquées dans le travail* (*лица, вовлечённые в работу*) [11, № 59, p. 17];

– действительные причастия настоящего времени, отражающие соответствие, предназначение таможенных средств, соглашений, решений – *соответствующий, предназначенный*; ср.: *des solutions adaptées aux exigences réglementaires de chaque pays* (*решения, соответствующие нормативным требованиям каждой стра-*

ны) [11, № 60, p. 26]; *des conteneurs maritimes à l'exportation destinés aux Etats-Unis* (морские контейнеры, предназначенные для экспорта в Соединённые Штаты) [11, № 58, p. 40];

– действительные причастия настоящего времени, отражающие важность каких-либо явлений, документов, представляющих базу, основу в таможенной сфере – базирующийся, основанный на...; ср.: *techniques de contrôle douanier modernes basées sur l'analyse des risques* (современные методы таможенного контроля, основанные на анализе рисков) [11, № 66, p. 34]; *Un séminaire de formation des cadres basé sur le Recueil de l'OMD* (Семинар-тренинг для руководителей на основе (= базирующийся на сборника ВТО)) [11, № 58, p. 19];

– страдательные причастия прошедшего времени, отражающие создание, развитие, разработку организаций, программ, документов таможенного направления – созданный, запущенный, разработанный; ср.: *Créée en 1952 sous le nom de Conseil de coopération douanière, l'OMD* (Созданная в 1952 году под названием Совет таможенного сотрудничества ВТО) [11, № 68, p. 14]; *cette plateforme, lancée à Bled, Slovénie* (платформа, запущенная в городе Блед, в Словении) [11, № 64, p. 31]; *Le programme d'assistance développé par l'Union* (разработанная Союзом программа помощи) [11, № 59, p. 23];

В ходе исследования была выявлена частота употребления таких причастий, как:

– страдательное причастие прошедшего времени связанный/ lié à; ср.: *les travaux liés aux modalités des Opérateurs économiques agréés* (работы, связанные с условиями Уполномоченного экономического оператора) [11, № 58, p. 40]; *des questions douanières liées aux DPI* (таможенные вопросы, связанные с правами на интеллектуальную собственность) [11, № 58, p. 41]; *des questions liées au commerce* (вопросы, связанные с торговлей) [11, № 58, p. 40]; *des connaissances techniques et capacités liées aux actions de réforme et de modernisation de leur administration* (технические знания и навыки, связанные с действиями реформирования и модернизации своей администрации) [11, № 59, p. 31];

– страдательное причастие прошедшего времени осуществлённый/ réalisé; ср.: *15 saisies significatives réalisées durant cette opération* (15 значительных изъятий, осуществлённых в ходе операции) [11, № 58, p. 44]; *Au-delà des saisies réalisées* (кроме осуществлённых изъятий) [11, № 58, p. 45];

– действительное причастие настоящего времени предназначенный/ destinée à; ср.: *l'assistance technique destinée à la PACE* (техническая помощь, предназначенная для ПАСЕ) [11, № 58, p. 43]; *une opération nommée «COCAIR» destinée à renforcer les contrôles en matière de lutte contre le trafic des stupéfiants* (операция под названием (= названная) «СОСАИР», предназначенная для усиления контроля за борьбой с незаконным оборотом наркотиков).

Анализ профессиональной таможенной литературы позволил также выявить частотность употребления причастия *menacé*, которое представляет проблему для перевода на русский язык: буквально страдательное причастие настоящего времени переводится как угрожаемый, однако согласно стилистике русского языка словосочетание *les espèces menacées* звучит как исчезающие (действительное причастие настоящего времени) *виды* [11, № 58, p. 11], а выражение *espèces animales et végétales menacées* переводится как находящиеся (действительное причастие настоящего времени) под угрозой исчезновения *виды растений и животных* [11, № 58, p. 12]. Приведём ещё пример: *les chiens, dans un exercice de simulation, ont détecté des espèces menacées dissimulées dans des cartons et des valises* (Во время учебных упражнений собаки обнаружили спрятанные (страдательное причастие прошедшего времени) в коробках и чемоданах виды животных, находящихся под угрозой исчезновения) [11, № 58, p. 47].

Исследование причастий прошедшего времени профессиональных таможенных текстов позволило выявить и другие проблемы перевода на русский язык. Так, причастие *délégué* переводится на русский язык как представитель, прикомандированный, делегат, уполномоченный, член комиссии, тогда как выражение *le Ministre délégué de l'Economie*

et des Finances переводится согласно нормам русского языка как Заместитель министра экономики и финансов [11, № 58, р. 45]. Причастие *concerné* переводится буквально на русский язык как заинтересованный, имеющий отношение к..., затрагиваемый, словосочетание *des pays concernés* в русском языке звучит как заинтересованные страны [11, № 58, р. 14].

Исследование также показало, что существительные, определяемые причастиями, отражают:

– оперативные действия, процессы в таможенной сфере: *une opération, les actions, le processus, les procédures, le régime fiscal*;

– виды осуществляемой таможенной деятельности: *la gestion, les travaux, des saisies, les techniques de contrôle la fumigation*;

– названия таможенных организаций: *l'OMD*;

– факты таможенного сотрудничества, поддержки: *le programme d'assistance, l'assistance technique*;

– аспекты профессионализма таможенных служащих: *des connaissances techniques, des capacités*;

– осуществление профессионального обучения: *une étude, le cours, un séminaire de formation, la Conférence*;

– возникающие вопросы, проблемы, их решение: *des difficultés, des irrégularités, le crime, des solutions, des questions*;

– виды транспортных средств, используемых в таможенной деятельности: *des conteneurs maritimes*;

– виды транспортируемых товаров: *les marchandises, des produits contrefaisants, les maillots, les biens culturels, l'échantillon*.

Отметим, что порядок слов в вышеназванных примерах является традиционным согласно грамматическим определениям – причастие употребляется после определяемого существительного. Тем не менее в процессе исследования были выявлены случаи употребления причастий в начале предложения, что объясняется, прежде всего, желанием автора акцентировать внимание на содержащейся в причастии информации. Так, в предложении

Créée en 1952 sous le nom de Conseil de coopération douanière, l'OMD a pour mission principale d'assurer l'harmonisation et l'uniformisation des régimes douaniers автор подчёркивает длительность периода существования организации – ВТО (с 1952 года – более шестидесяти лет); семантика причастия *créée* подчёркивает самый важный этап в развитии ВТО, а именно – её создание. Таким образом, автор, отмечая ключевую роль причастия, ставит его в начало предложения, для того чтобы читатель проявил интерес к последовавшей далее информации, увидел основные цели и задачи данной организации – обеспечение гармонизации и стандартизации таможенных процедур [11, № 68, р. 14].

Имеются и другие примеры самостоятельного употребления *participe passé* в начале предложения, в частности: *Composé de sept modules, ce cours traitera des aspects légaux de la Convention CITES (Состоящий из семи модулей, этот курс будет освещать правовые аспекты CITES)* [11, № 52, с. 9]; *Organisée conjointement par l'OMD, le Réseau universitaire international d'études des questions douanières, le Groupe consultatif PICARD et le Shanghai Customs College, la Conférence a été axée principalement des points suivant...* (Организованная совместно ВТО, Международной научной сетью по изучению таможенного дела, консультативной группой PICARD и Шанхайским таможенным колледжем конференция уделяла основное внимание следующим пунктам...) [11, № 57, р. 50]. Отметим, что в приведённых примерах переводом на русский язык является семантическая калька: *créée* – созданная (причастие страдательного залога прошедшего времени), *composé* – состоящий (причастие страдательного залога настоящего времени), *organisée* – организованная (причастие страдательного залога прошедшего времени). Были выявлены примеры употребления *participe passé* в начале предложения с проблемами перевода на русский язык. Так, причастие *diplômé* в переводе на русский язык имеет несколько значений: получивший диплом, удостоенный диплома, дипломированный, выпускник, окончивший [3, р. 340], однако со-

гласно нормам русского языка для правильного перевода французского причастия прошедшего времени *diplômé* на русский язык следует выбрать существительное *выпускник*. Таким образом, фраза *Diplômé de l'Université du Ghana, M. Emmanuel Nmashie Doku intègre en 1975 l'Administration des douanes* переводится как *Выпускник Университета Ганы, г-н Эммануэль Нмаши Доку начинает работать в 1975 г. в Таможенном управлении* [11, № 52, с. 6].

Как было отмечено выше, в русском языке *participe passé* переходных глаголов соответствует причастию страдательного залога настоящего и прошедшего времени. В процессе исследования профессионально таможенной литературы на французском языке было выявлено, что в среднем одна страница журнала «*OMD Actualités*» (4 681 печатный знак) [11, № 64, р. 14] содержит 10 причастий, среди которых 7 соответствуют в русском языке причастию страдательного залога прошедшего времени (в буквальном переводе): *des échanges réalisés* (*осуществлённые обмены*), *le rapport intitulé* (*озаглавленный отчёт*), *l'infrastructure liée* (*связанная инфраструктура*), *les temps prévus* (*предусмотренное время*), *cette étude créée...* (*это обучение, созданное...*), *le revenu élevé* (*увеличенный налог*), *les projets destinés...* (*проекты, предназначенные...*), а также 3 причастия, соответствующие в русском языке причастию страдательного залога настоящего времени (в буквальном переводе): *les professionnels basés...* (*специалисты, базирующиеся...*), *les partenaires commerciaux basés...* (*торговые партнёры, базирующиеся...*), *des économies classées* (*классифицированные экономики*). В этой связи представленные примеры позволяют сделать вывод о наибольшей частоте употребления причастий, которые в русском языке соответствуют причастию страдательного залога прошедшего времени.

Таким образом, исследование семантико-морфологических особенностей причастия прошедшего времени *participe présent* позволило сделать следующие выводы.

1. В ходе анализа текстов таможенной тематики была выявлена частотность употре-

бления причастий настоящего времени, что послужило основанием для дальнейшего лингвистического исследования.

2. В процессе исследования было выявлено, что семантика причастий отражает виды деятельности в таможенной сфере, таможенно-юридические вопросы, организационные действия в таможенной деятельности, использование таможенных средств, участие в таможенной деятельности, соответствие, предназначение таможенных средств, соглашения, решений, важность каких-либо явлений, документов, представляющих базу, основу в таможенной сфере, создание, развитие, разработку организаций, программ, документов таможенного направления.

3. Исследование показало, что перевод большинства причастий на русский язык представляет собой семантическую кальку, в том числе наиболее часто встречающихся причастий, таких, как *lié à, réalisé, destinée à*. Однако в ходе исследования были также выявлены причастия, перевод которых на русский язык представляет. Так, часто употребляемое причастие *menacé* на русский язык в литературном переводе звучит как *находящаяся под угрозой исчезновения*. Причастие *délégué* в выражении *le Ministre délégué* переводится согласно нормам русского языка как *Заместитель министра*. Причастие *concerné* в выражении *des pays concernés* переводится на русский язык как *заинтересованные страны*.

4. Исследование позволило раскрыть семантику существительных, определяемых причастиями: оперативные действия, процессы в таможенной сфере, виды осуществляемой таможенной деятельности, названия таможенных организаций, факты таможенного сотрудничества, поддержки, аспекты профессионализма таможенных служащих, осуществление профессионального обучения, возникающие вопросы, проблемы, их решение, виды транспортных средств, используемых в таможенной деятельности, виды транспортируемых товаров.

5. Было отмечено в ходе исследования, что большинство предложений, содержащих са-

мостоятельное употребление *participe passé*, обладают традиционным порядком слов порядок слов: причастие употребляется после определяемого существительного. Выявленные, тем не менее, случаи употребления причастий в начале предложения объясняются желанием автора акцентировать внимание на содержащейся в причастии информации – важные действия, факты, этапы развития.

6. В ходе исследования было установлено, что *participe passé* соответствует в русском языке причастию страдательного залога как настоящего, так и прошедшего времени, причём прошедшее время доминирует над настоящим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Васильева Н.М. Французский язык. Теоретическая грамматика. Ускоренный курс / Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова. – М.: Высшая школа, 1991. – 299 с.
3. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь [Текст] / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – 7-ое изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 1195 с.
4. Игнатъева М.Г. Реализация категориальных значений предельности / неопределённости и переходности / непереходности в причастиях прошедшего времени // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989. – С. 28–32.
5. Илия Л.И. Грамматика французского языка. – М.: Высшая школа, 1964. – 304 с.
6. Каменева Т.Е. Функциональный анализ французских причастий: статика и динамика в истории языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – СПб., 2004. – 190 с.
7. Колесников В.В. Причастие и причастный оборот в семантической структуре предложения в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1982. – 20 с.
8. Сосунова Г.А. Учебник французского языка для таможенников. В 2 ч. Ч. 1 / Г.А. Сосунова. – М.: РИО РТА, 2011. – 302 с.
9. Bonnard J. L'étude du participe passé en vieux français. – Lausanne, 1877. – 79 p.
10. Laurent R. Past Participles from Latin to Romance // Linguistics. V. 133. University of California Presse. – Berkeley, Los Angeles, London. – 1999. – 574 p.
11. OMD Actualités / Éditeur Organisation mondiale des douanes Bruxelles [Texte]. – 2007 (№ 52, № 54); 2008 (№ 56, № 57); 2009 (№ 58, № 59, № 60); 2010 (№ 61, № 62); 2011 (№ 64); 2012 (№ 68).

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'276.16(438)

Барина И.П.

Российская академия наук (г. Москва)

АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ ПРИ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

I. Barinova

Russian Academy of Sciences, Moscow

ABBREVIATION AS A WAY TO IMPLEMENT THE PRINCIPLE OF CIVILITY IN INTERNET COMMUNICATION (IN THE POLISH LANGUAGE)

Аннотация. Предметом статьи является аббревиация как способ реализации принципа вежливости при коммуникации в Интернете. Автор предпринимает попытку описать различные типы неткронимов, используемых польскими интернет-пользователями для соблюдения правил этикета и принципа экономии, характерного для общения в сети. Особое внимание уделяется влиянию аббревиации на процесс словообразования в польском языке в рамках сетевого общения. Явление аббревиации наиболее полно отвечает установкам современности, в связи с чем эта тема ещё долго не потеряет своей актуальности.

Ключевые слова: Интернет, этикет, коммуникация, польский язык, аббревиация, акроним, неткроним.

Abstract. The subject of the article is abbreviation as a way to implement the principle of civility in Internet communication. The author is attempting to describe various types of netcronyms often employed by Polish Internet users to observe etiquette and the principle of saving time typical of Internet communication. Special attention is paid to the influence of abbreviation on the process of derivation in the Polish language of Internet communication. The phenomenon of abbreviation meets the requirements of modern times. In this respect this topic will not lose its relevance for a long time.

Key words: Internet, etiquette, communication, Polish, abbreviation, acronym, netcronym.

С развитием компьютерных технологий и увеличением роли современных средств общения особую популярность приобрела медиакоммуникация. Интернет превратился в особую коммуникативную среду, превосходящую по широте своих возможностей все ранее существовавшие средства общения. Это повлекло за собой образование новой языковой сферы. Появились новые формы общения, стереотипы речевого поведения и особые правила речевого этикета в глобальной сети Интернет. Исследование проблемы изменения языка и его адаптации к условиям общения в Интернете привлекает внимание как российских, так и зарубежных лингвистов.

Это обусловлено тем, что, с одной стороны, Интернет заставляет язык стремительно развиваться, а с другой – на фоне формирования виртуальной сферы общения происходит упроще-

© Барина И.П., 2013.

ние и обеднение языка, о чём свидетельствует широкое использование разговорной лексики. Соответственно, это вызывает особое опасение специалистов. В частности, влиянием Интернета на изменения в польском языке занимались такие авторы, как Ян Гженя, Малгожата Марцьяник, Галина и Тадеуш Згулкове.

Залогом успеха любого общения, как контактного, так и медиакоммуникации, является соблюдение принципа вежливости, играющего решающую роль в отборе средств для корректного установления и поддержания речевого контакта. Понятие вежливости неразрывно связано с этикетом, под которым лингвистика понимает микросистему национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписываемых обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в желательной тональности соответственно правилам речевого поведения [3, с. 2]. Коммуникативный принцип вежливости в процессе общения в Интернете реализуется с учётом соблюдения норм электронного речевого этикета, получившего название «**нетикет**» или «сет-этикет». Существует множество сайтов, где перечислены правила общения в Интернете. Среди польских сайтов следует выделить сайт www.etykieta.pl, который был создан в образовательных целях, чтобы собрать и опубликовать для всеобщего пользования все известные правила нетикета, которые ограничиваются не только нормами речевого этикета, но и общими принципами вежливости.

Одной из особенностей языка Интернета является тенденция к сжатию текста для экономии времени его набора, а также времени ожидания ответа собеседника. В этом отношении все жанры интернет-переписки представляют особый интерес для изучения, так как участники коммуникации должны стремиться одновременно реализовать два важных принципа – экономии и вежливости.

Существуют различные принципы классификации способов общения в Интернете. Мы предлагаем выделить три вида коммуникации в зависимости от количества участников, вовлечённых в коммуникативный процесс:

– диалог (электронная почта, ICQ, Gadu-Gadu¹);

– полилог (форумы, чаты, блоги);

– однонаправленную коммуникацию (объявления, реклама, отзывы и т. п.).

Не менее важно и то, в каком режиме происходит общение. Так, при общении посредством электронной почты собеседники имеют достаточно времени для формулировки и печати сообщения, тогда как общение на форуме, в ICQ или Gadu-Gadu происходит в режиме реального времени (on-line), что вынуждает участников коммуникации прибегать к различным способам экономии времени. Причинами интенсивного развития разного типа сокращений в наше время можно считать быстрый темп жизни, всё возрастающую потребность в массовой номинации новых явлений путём появления сложных многословных названий, что приводит к непомерному возрастанию объёма информации, к поискам средств её адекватного и экономного выражения и, в конечном счёте, к антиномии кода и текста. Частичным разрешением этой антиномии и является развитие аббревиации. Значимость процесса аббревиации подчёркивается его широким развитием во всех языках и имеет общие причины и сходные закономерности. В настоящее время аббревиатуры выступают во всех культурных языках мира [4, с. 3].

В данной статье мы предлагаем рассмотреть влияние такого явления, как аббревиация, на процесс словообразования в польском языке в рамках сетевого общения. Аббревиация является одной из важнейших форм реализации способов поддержания целостности сообщения и принципа вежливости при ведении диалога. В настоящее время существует множество определений понятия «**аббревиация**». В. Даль определяет аббревиацию и аббревиатуры как «сокращение, укорочение и пропуски в письме; означение слов начальными буквами, связью, условными знаками; письмо

¹ **Gadu-Gadu** (польск. *болтовня*) — проприетарный протокол и программа-клиент для мгновенного обмена сообщениями в одноимённой сети для **Microsoft Windows**. Разработана в Польше.

под титлами» [1, с. 2]. Словарь польского языка Я. Карловича, А. Крыньского, В. Неджъвецкого даёт следующее определение: «аббревиатура – сокращение слова в письме» [2, с. 3]. Современные словари русского и польского языков определяют аббревиацию в принципе одинаково, причём это определение существенно отличается от цитированных толкований. Отличие заключается в том, что во всех современных определениях аббревиации подчёркивается лексико-семантическая природа сокращений, признание в них лексической единицы. Многие исследователи рассматривают процесс аббревиации как средство словообразования. Так, например, С. Шадько в своей работе пишет: «Аббревиация – это особый тип словообразования, получивший широкое распространение главным образом в XX столетии, а аббревиатура как цельнооформленная лексическая единица – это имя существительное, образованное из начальных элементов компонентов сложного слова (ТЗ – топливозаправщик, ТЭЦ – теплоэлектроцентраль) или из начальных элементов слов, входящих в словосочетания (КПД – коэффициент полезного действия, МИД – Министерство иностранных дел)» [4]. В современных русском и польском языках аббревиация стала одним из основных способов деривации, а аббревиатуры прочно вошли в словарный состав этих языков.

Аббревиацию можно считать самым подходящим методом соблюдения принципа экономии при общении в Интернете, который не мешает осуществлению основной функции языка – коммуникативной, так как смысл рационального использования возможностей процесса коммуникации в Интернете заключается в передаче максимального количества информации в единицу времени, то есть в повышении коммуникативной роли языка. Это в свою очередь повышает эффективность общения.

В нашем случае, когда объектом изучения является именно язык Интернета, примером аббревиации служат так называемые **неткрони́мы** (netkronim). Как видно, даже сам термин представляет собой слияние термина **акроним** (от греч. *ἀκρός* – «высший, край-

ний») и *ὄνομα* – «имя» — **аббревиатура**, образованная из начальных букв, частей слов и английского слова «net» (от англ. «сеть»). Словарь польского языка под редакцией В. Дорошевского даёт следующее определение понятия «акроним»: «Акроним – это слово, образованное искусственно путём сложения начальных букв или слогов ряда других слов» [5, с. 59]. Универсальный словарь польского языка идентифицирует понятия «акроним» и «сокращение»: «Акроним – от гр. *akros* “крайний”+*onim*, лингвистический термин, “сокращение”» [6, с. 37].

Мы предлагаем довольно простую классификацию польских неткронимов по принципу способов их образования. Это связано прежде всего с тем, что, несмотря на свою популярность, большинство неткронимов было заимствовано польскими интернет-пользователями из английского языка, и лишь треть найденных нами примеров образованы от польских слов и выражений¹. К первой группе мы отнесём неткрони́мы, образованные путём усечения какой-либо части слова. Подобных неткронимов немного, однако встречаются они достаточно часто. Многие из них были заимствованы из разговорной речи, что является характерной особенностью языка Интернета (ср.: CZE – *Cześć!* (*Привет!*); PZDR – *PoZDRowienia* (приветствие), DOZO – *Do zobaczenia* (*До встречи*); NARA – *na razie* (*пока что*)).

Ко второй группе неткронимов мы предлагаем отнести те, что представляют собой комбинации из букв, цифр и других символов:

- Z/W – *Zaraz wracam* (*Скоро вернусь*);
- 3City – служит для обозначения трёх польских городов (Гданьск, Сопот, Гдыня); полное польское название – *Trójmiasto*;
- K/N>K – *Kawa przez nos na klawiaturę* (означает, что человека что-то сильно рассмешило; наиболее близкий по смыслу перевод данного выражения в русскоязычном Интернете будет выглядеть так: «ржунимагу» или «пацталом»).

¹ Примеры неткронимов были найдены на форумах интернет-ресурсов www.onet.pl и www.wp.pl.

К третьей группе мы предлагаем отнести неткронимы, образованные путём сложения первых букв единиц в словосочетании. Таких неткронимов большинство; ср.:

- APO – *A przy okazji* (При случае);
- ATSD – *A tak swoją drogą* (Иди своей дорогой);
- BP, PPNMSP – *Bardzo przepraszam, po prostu nie mogłem się powstrzymać* (Очень извиняюсь, просто никак не мог удержаться);
- СКР – *Czy ktoś pamięta?* (Кто-нибудь помнит?);
- DCW – *Dla Ciebie wszystko* (Ради тебя всё, что угодно);
- DGCC – *De gustibus coś tam, coś tam...* (О вкусах не спорят);
- KMWTW – *Kto ma wiedzieć ten wie* (Кому положено, тот и знает);
- MSPANC – *Mogłem się powstrzymać ale nie chciałem* (Я мог сдержаться, но не хотел);
- MTW – *Mnie To Wali* (Мне это подходит);
- NMSP – *Nie Mogłem/am Się Powstrzymać* (Не мог(ла) удержаться);
- NMZC – *Nie Ma Za Co* (Не за что);
- NBN – *Nie bo nie* (Нет, потому что нет);
- NMP – *Nie tam pytań* (У меня нет вопросов);
- NTG – *Nie ta grupa* (Это не та группа);
- OCB – *O Co Biega?* (О чём идёт речь?);
- OIW – *O ile wiem* (Насколько я знаю);
- PZDR – *PoZDRowienia* (Приветствую);
- TGS – *To go spytaj* (У него спроси);
- TTST – *Tak to sobie tłumacz* (Понимай это так);
- PNMSP – *Przepraszam nie mogłem się powstrzymać* (Извиняюсь, просто не смог удержаться);
- PPNMSP – *Po prostu nie mogłem się powstrzymać* (Просто не смог удержаться);
- PPNMZS – *Po prostu nie mogę ze śmiechu* (Просто не могу удержаться от смеха).

В русскоязычном Интернете последние

три примера переводились бы так: “гыгыыы...” или “бугагага”.

В данном случае мы наблюдаем реализацию принципа экономии на лексико-семантическом уровне. Такое намеренное упрощение лексики носит название **акронимии**. Несмотря на то, что это явление не редкость и в разговорной речи, следует помнить о том, что при интернет-коммуникации собеседники не слышат, а видят неткронимы, соответственно, воспринимают их иначе, чем при устной коммуникации. Неткронимы часто используются в таких речевых ситуациях, как обращение (BiŚwK – *Bracia i Siostry w Klawiaturze*), приветствие (CZE – *Cześć!* – Привет!; WVN – *Witam Wszystkich Niewitanych* – Привет всем, с кем не поздоровался), вступление в беседу (COTP – *Chcesz o tym porozmawiać?* – Хочешь об этом поговорить?), прощание (DOZO – *Do zobaczenia* – До встречи; Parcie (paraśki) – Пока-пока; *Do widzenia* – До свидания), признание в любви и ответ на него (kC – *Kocham cie* – Я люблю тебя; JCTK – *Ja ciebie tez kocham* – Я тоже тебя люблю), для выражения мнения (MBS – *Moim bardzo skromnym zdaniem*; MNTZBS – *Moim nie tak znowu bardzo skromnym zdaniem* – По моему скромному мнению; ZTCP – *Z tego co pamiętam* – Насколько я помню; ZTCW – *Z tego co wiem* – Насколько я знаю). Большинство же неткронимов служат исключительно для поддержания разговора.

На основе анализа языкового материала, представленного в польских чатах и форумах, в статье предложена классификация наиболее распространённых неткронимов, а также показано, что чаще лексическому сокращению подвергаются выражения, выступающие в речи в роли вводных слов со значением отражения порядка мыслей и их связи. Подобные неткронимы, как это уже было сказано выше, служат для поддержания целостности интернет-дискурса. Под влиянием экстралингвистических и внутриязыковых факторов аббревиация стала одним из самых распространённых способов создания номинативных единиц в различных языках, и польский язык – не исключение. Интерес к специфике создания аббревиатур в разных

языках и к их использованию в Интернете объясняется тем, что это явление наиболее полно отвечает установкам современности. Таким образом, данная тема ещё долго не теряет своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1: А-З. / В.И. Даль. – 7-е изд. – М.: Русский язык, 1978–1980. – 699 с.
2. Словарь польского языка. В 8 т./ Карлович Я., Крыньский А., Недзьвецкий В. (под ред.). – Варшава: Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900–1927.
3. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1982. – 126 с.
4. Шадыко С. Аббревиатуры в русском языке в сопоставлении с польским: дис. ... докт. филол. наук. – Варшава, 2000. – 365 с.
5. Słownik języka polskiego: W 11 t./ Red. W. Doroszewski. – Warszawa: PWN, 1958–1969. – Т. I.
6. Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. – Т. 1./ Red. E. Sobol, S. Dubisz. – Warszawa: PWN, 2006.

УДК 811.11–112:81–114.4

Гусева Н.А.

Московский государственный областной университет

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ
АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО
ПОЛЯ “ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА”
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

N. GUSEVA

Moscow State Regional University

**COMPARATIVE CONCEPTUAL AND QUANTITATIVE ANALYSIS
OF PHRASEOLOGICAL LOCUTIONS RELATING TO THE PHRASEOLOGICAL
FIELD OF HUMAN WORKING ACTIVITIES (BASED ON THE MATERIAL
OF THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Аннотация. В статье исследуются особенности концептуальной сферы “Трудовая деятельность человека” и её вербальное выражение фразеологическими средствами английского, немецкого и русского языков. В основе исследования лежит авторская модель системы макро- и микрополей. Проведённый анализ, а также показатели коэффициента корреляции свидетельствует о практически полном соответствии распределения фразеологизмов и, следовательно, об идентичности исследуемых языковых картин мира. Выявленные в отдельных языках особенности распределения фразеологизмов по микрополям отражают национально-специфические особенности рассматриваемых лингвокультур.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, лексико-фразеологическое поле, языковая картина мира, лингвокультура, модель макро- и микрополей, коэффициент корреляции.

Abstract. This article presents the specifics of the conceptual field Human Working Activities and its verbal expression through phraseological means of the English, German and Russian languages. The study is based on the author's macro-and micro field model. The analysis performed, as well as correlation coefficient indices indicate that there is a practically full correspondence of the classification of phraseological locutions and, thus, identity of linguistic world images under study. Specifics of the classification of phraseological locutions into micro fields identified in some languages reflect nation-specific particular qualities of linguistic cultures under consideration.

Key words: concept, concept sphere, lexical and phraseological field, linguistic world image, linguistic culture, macro-and micro field model, correlation coefficient.

Познавательную деятельность человека принято рассматривать как деятельность, развивающую умение ориентироваться в мире и связанную с необходимостью отождествлять и различать объекты [4, с. 13]. Для обеспечения проведения операций такого рода возникают концепты как составные части всей концептосферы человека. При этом язык является одним из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания.

Особенно актуальными в современной лингвистике становятся исследования концептуальной сферы человека и её вербального выражения с использованием лингвокультурологического метода, ориентированного на «максимальную экспликацию процессов, которые происходят в сознании носителя языка» [3, с. 58]. Лингвокультурологическое направление определяется как «область научных поисков, которые ориентированы на выявление характера связей и отношений между языком, этническим менталитетом и культурой» [5, с. 27–28].

© Гусева Н.А., 2013.

При сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются их сходства и расхождения. Наиболее важные для каждого языка идеи повторяются в значении многих языковых единиц и являются ключевыми для понимания той или иной картины мира.

Основной целью статьи является проведение сравнительного концептуально-количественного анализа лингвистических параметров фразеологических единиц (далее – ФЕ) лексико-фразеологического поля (далее – ЛФП) «Трудовая деятельность человека», вербально выражающих одноимённый концепт. Выбор именно этого концепта для изучения не случаен. Согласно классификации концеп-

тов В.И. Карасика, которые вербализованы в языке, исследуемый концепт относится к классу «социальные концепты», подклассу «концепты занятий», типу «базовые концепты», которые автор определяет как концепты, составляющие фундамент языка и всей картины мира [2]. Таким образом, в центре внимания находится одна из важнейших социальных функций человека – трудовая деятельность.

Исследование проводится на материале английского, немецкого и русского языков в рамках разработанной системы макро- и микрополей (далее МАП и МИП), которая в общем виде выглядит следующим образом (табл. 1) [1, с. 58–59].

Таблица 1

Структурная модель макро- и микрополей концепта «Трудовая деятельность человека»

Название МАП	МИП	Название микрополя
МАП 1 Характеристика субъекта трудовой деятельности	1/1	Состояние умственных способностей к трудовой деятельности
	1/2	Положительные личностные качества трудящегося
	1/3	Отрицательные личностные качества трудящегося
	1/4	Социальный статус работника
МАП 2 Стадии протекания трудовой деятельности	2/1	Состояние субъекта и объекта к моменту начала деятельности
	2/2	Подготовительный этап деятельности
	2/3	Начало процесса деятельности
	2/4	Протекание деятельности
	2/5	Завершение процесса деятельности
МАП 3 Характеристика процесса трудовой деятельности	3/1	Лёгкость, качественность, высокая интенсивность выполнения дела
	3/2	Трудность, отсутствие качества, низкая интенсивность выполнения дела по объективным и субъективным причинам
	3/3	Умственное и физическое состояние субъекта действия во время и после трудовой деятельности
	3/4	Эмоционально-личностные отношения между людьми в процессе трудовой деятельности
МАП 4 Характеристика объекта трудовой деятельности	4/1	Лёгкое, интересное, любимое дело
	4/2	Трудное, рискованное, неинтересное дело
	4/3	Прибыльное, выгодное дело
	4/4	Неприбыльное, невыгодное дело
МАП 5 Результат трудовой деятельности	5/1	Положительный результат деятельности
	5/2	Отрицательный результат деятельности
	5/3	Моральная оценка деятельности
	5/4	Материальная оценка деятельности

Для иллюстрации языковых распределений приведём несколько примеров ФЕ, вербально отражающих выявленные макрополя (МАП):

– МАП 1 – *an eagle eye; not to lift a finger; weder Gicks noch Gacks wissen; auf der faulen Haut liegen; мастер большой руки; белые воротнички;*

– МАП 2 – *to prepare the ground; to pack up one's marbles and go home; einen Plan fassen; die letzte Hand an etw. legen; держать совет; на авось;*

– МАП 3 – *to progress in leaps and hound; to work one's heart out; es geht alles nach der Schnur; etw. tun bis der Kopf raucht; из кожи вон лезть; взялся за гуж – не говори, что не дюж;*

– МАП 4 – *to be easy as ABC; to be a devil of a job; die Sache hat ihre Mucken; die Sache hat Eile; больной вопрос; игра не стоит свеч;*

– МАП 5 – *sweep the board; be made of money; in Verlust geraten; Pferdearbeit und Spatzenfutter; попасть в жилу; заткнуть за пояс.*

Предполагается, что данный вид анализа позволит выявить как степень соответствия концептуальных и вербальных составляющих системы, так и специфическую логику, свойственную носителям англо-американской, немецкой и русской лингвокультуры. Общее количество проанализированного практического материала составило 3390 ФЕ.

В рамках предлагаемой статьи на основе выявленной модели ограничимся проведением концептуально-количественного анализа распределения ФЕ по МАП и МИП в каждом из рассматриваемых языков с установлением коэффициента корреляции для каждой пары языков. Программа *Microsoft Excel 2007* позволяет провести корреляционный анализ сопоставляемых рядов данных с помощью инструмента «Анализ данных – Корреляция».

Функция *Корреляция* вычисляет коэффициент корреляции между двумя рядами данных, полученных по результатам первичной обработки массива ФЕ рассматриваемых языков. Коэффициент корреляции характеризует степень, в которой два измерения «изменяются вместе». Любое значение коэффициента корреляции должно находиться в диапазоне от -1 до +1 включительно.

Табл. 2 иллюстрирует основные итоги концептуально-количественного анализа модели по МАП, т. е. распределение ФЕ по МАП.

Характеризуя концептуально-количественные особенности распределения ФЕ по МАП, отметим, что для представителей англо-американской лингвокультуры, по сравнению с немецкой и русской, особенно важными являются процессы описания стадий протекания трудовой деятельности (403 ФЕ), например: *set/start the ball rolling; carry the ball; put your best foot forward; close the book on sth* и

Таблица 2

Распределение ФЕ по макрополям (МАП)

МАП	ФЕ англ. яз.	ФЕ нем. яз.	ФЕ русск. яз.
1. Характеристика субъекта трудовой деятельности	202	185	270
2. Стадии протекания трудовой деятельности	403	357	269
3. Характеристика процесса трудовой деятельности	269	314	335
4. Характеристика объекта трудовой деятельности	77	37	69
5. Результат трудовой деятельности	195	218	190
Итого:	1146	1111	1133

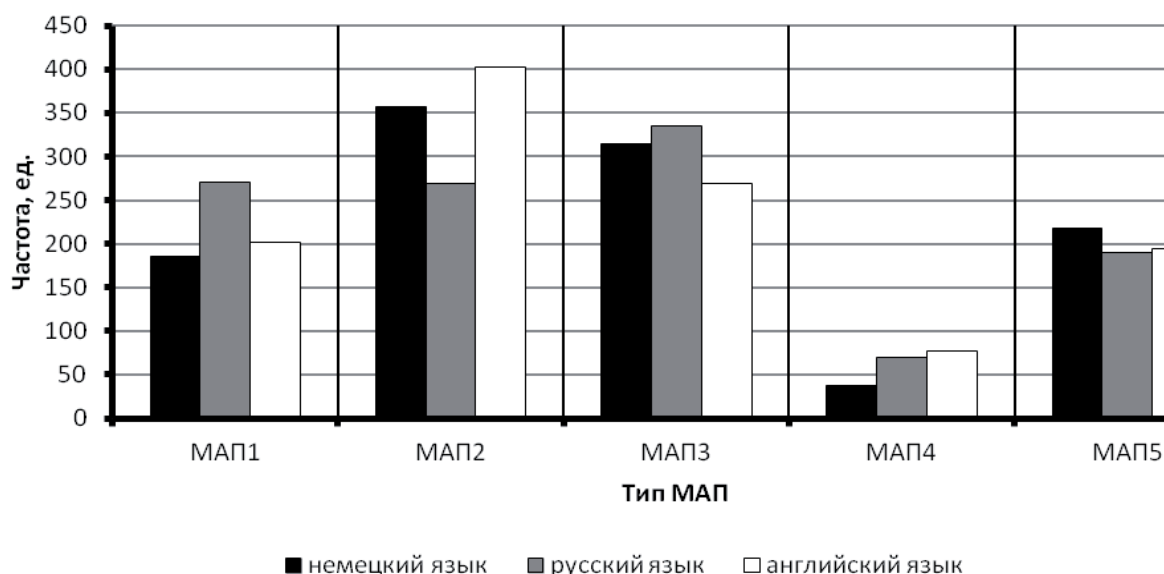

Рис. 1. Частотность макрополей концепта “Трудовая деятельность”

т. д. Для немцев важнее всего результат трудовой деятельности (218 ФЕ), например: *sich von seiner guten/besten Seite zeigen; die Kurve kriegen; in den Eimer gucken* и т. д. Русские особенно точны при характеристике субъекта (270 ФЕ) и объекта трудовой деятельности (69 ФЕ), например: *пень берёзовый; ни богу свечка, ни чёрту кочерга; играть первую/вторую скрипку* и т. д.

Более наглядно распределение ФЕ по МАП иллюстрирует гистограмма (рис. 1).

Более подробная количественная характеристика распределения ФЕ по микрополям отражена в табл. 3.

Детальный анализ распределения ФЕ по МИП, приведённого в табл. 3 и на рис. 2, дал следующие результаты. Так, в МАП 1 «Характеристика субъекта трудовой деятельности» во все трёх языках наблюдается преобладание ФЕ МИП 1/2 и МИП 1/3, которые характеризуют положительные и отрицательные качества трудящегося. При характеристике отношения представителей англо-американской лингвокультуры к состоянию умственных способностей к трудовой деятельности (МИП 1/1) обнаружено небольшое количество примеров (14 ФЕ), а для ФЕ, характеризующих положительные личностные качества трудящегося (мастерство, опыт, умение,

энергичность, прилежание и т. п. – МИП 1/2), наблюдается большое количество примеров (91 ФЕ), например: *an eager beaver; a high-flyer*.

В немецком и особенно в русском языках отмечается преобладание ФЕ (75 ФЕ и 124 ФЕ соответственно), характеризующих отрицательные личностные качества трудящегося (МИП 1/3), например: *fauler Strick; sich auf die faule Bank legen; чужими руками жар загребать; нечист на руку*.

В МАП 2 “Стадии протекания трудовой деятельности” во всех языках самым продуктивным становится МИП 2/4, характеризующее особенности протекания деятельности (‘работать не/по специальности’, ‘изменения в процессе деятельности’ и т. п.). Распределение ФЕ по языкам: 129 ФЕ англ. яз., 110 ФЕ нем. яз. и 102 ФЕ русск. яз.; например: *have sth in your sights; auf der falschen Fährte sein; устoria с географией*.

Менее всего представлено МИП 2/2, характеризующее подготовительный этап деятельности (планирование, договор, договорённость и т. п.), причём важность этого процесса распределяется так: английский язык (45 ФЕ), немецкий язык (38 ФЕ), русский язык (26 ФЕ), например: *take sth into account; den Grundstein legen; взвесить все за и против*.

Таблица 3

Распределение ФЕ по микрополям (МИП)

МИП	ФЕ англ. яз.	ФЕ нем. яз.	ФЕ русск. яз.
1/1 Состояние умственных способностей к трудовой деятельности	14	29	44
1/2 Положительные личностные качества трудящегося	91	64	69
1/3 Отрицательные личностные качества трудящегося	53	75	124
1/4 Социальный статус работника	44	17	33
2/1 Состояние субъекта и объекта к моменту начала деятельности	77	58	62
2/2 Подготовительный этап	45	38	26
2/3 Начало процесса деятельности	75	79	43
2/4 Протекание деятельности	129	110	102
2/5 Завершение процесса деятельности	77	72	36
3/1 Лёгкость выполнения дела, высокая скорость выполнения работы	66	55	47
3/2 Трудность выполнения дела по объективным и субъективным причинам	50	74	126
3/3 Умственное и физическое состояние субъекта действия во время и после трудовой деятельности	56	32	43
3/4 Эмоциональные отношения между людьми в процессе трудовой деятельности	97	153	119
4/1 Лёгкое дело	11	5	14
4/2 Трудное дело	31	9	39
4/3 Прибыльное, выгодное дело	17	12	7
4/4 Неприбыльное, невыгодное дело	18	11	9
5/1 Положительный результат деятельности	58	72	52
5/2 Отрицательный результат деятельности	77	101	84
5/3 Моральная оценка работника и его трудовой деятельности	29	31	27
5/4 Материальная оценка трудовой деятельности	31	14	27
Всего	1146	1111	1133

Распределение ФЕ по МИП для трёх языков имеет следующий вид (рис. 2).

Рис. 2. Частотность микрополей концепта “Трудовая деятельность” в немецком, русском и английском языках

В МАП 3 «Характеристика процесса трудовой деятельности» внимания заслуживает МИП 3/2 “Трудность выполнения дела по объективным и субъективным причинам”. Так, в русском языке отмечается “выброс” ФЕ, выражающих трудность выполнения дела (126 ФЕ), почти в два раза меньше ФЕ в немецком языке (74 ФЕ), ещё меньше ФЕ представлено в английском языке (50 ФЕ), например: *чёрт ногу сломит; легче верблюду пройти сквозь игольное ушко; die Karre/der Karren läuft schief; the sharp end*. Самым многочисленным становится МИП 3/4 “Эмоциональные отношения между людьми в процессе трудовой деятельности (благодарность, эмоциональная поддержка, советы, рекомендации, изречения народной мудрости и т. п.)”. Наиболее представлено это МИП средствами немецкого языка (153 ФЕ), на втором месте ФЕ русского языка (74 ФЕ), на третьем – ФЕ английского языка (97 ФЕ), например: *j-m seinen Dank abstatten; Fleiß bricht Eis; Москва не сразу строилась; business is business*.

МАП 4 «Характеристика объекта трудовой деятельности» наполнено ФЕ, выражающими понятия «лёгкое дело», «прибыльное, выгодное дело» и «неприбыльное, невыгодное дело» и т. п. Максимум примеров связан с понятием “трудное дело” (МИП 4/2), которое шире всего представлено средствами русского (39 ФЕ) и английского языков (31 ФЕ), например: *дело табак/труба; tie oneself up in a knot*. В немецком языке таких ФЕ почти в три раза меньше (9 ФЕ), например: *etw. hat seine Eier*.

В МАП 5 «Результат трудовой деятельности» обращают на себя внимание ФЕ во всех трёх языках, отражающие положительный или отрицательный результат деятельности – МИП 5/1 и 5/2 – с преобладанием отрицательного результата деятельности, что особенно ярко выражено в немецкой лингвокультуре (101 ФЕ против 84 ФЕ русского языка и 77 ФЕ английского языка), например: *pleite gehen/machen; пойти прахом; go to the wall*. Следует отметить, что в немецкой лингвокультуре более актуальной становится моральная оценка деятельности (МИП 5/3) – 31 ФЕ, чем материальная оценка трудовой деятельности (МИП 5/4) – 14 ФЕ, например: *Ehre, wem Ehre gebührt! mit etwas Ehre einlegen*.

Коэффициент корреляции для пар анализируемых языков представлен в табл. 4.

Как видно из таблицы, наименьший коэффициент корреляции представляет пара “английский – русский языки”, пара “немецкий – русский языки” имеет более высокий коэффициент, наивысший показатель коэффициента корреляции представляет пара “немецкий – английский языки”, для которой коэффициент корреляции близок к +1.

Результаты проведённого концептуально-количественного анализа позволяют констатировать высокую степень идентичности распределения языкового материала в ЛФП исследуемых языков, а следовательно, и идентичность языковых картин мира английского, немецкого и русского языков, а также наличие специфической логики, свойственной носителям англо-американской, немецкой и русской лингвокультур.

Таблица 4

Зависимость коэффициента корреляции по макрополям (МАП)

Пары языков	Коэффициент корреляции
Английский – русский	0,73
Немецкий – русский	0,85
Немецкий – английский	0,95

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гусева Н.А. Лингвокогнитивное моделирование концепта “Трудовая деятельность”: на материале английского и немецкого языков. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing (Германия), 2012. – 104 с.
2. Карасик В.И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт// Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр./ под ред. проф. Е.С. Кудряковой. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 184–203.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
4. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
5. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184 с.

УДК 81'33

Ерошин А.П.

Московский государственный областной университет

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ КАЛАМБУР КАК ОБЪЕКТ
МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА «ТЕОРИЯ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА»)**

A. Eroshin

Moscow State Regional University

**ENGLISH PUN AS AN OBJECT OF INTERLINGUAL TRANSLATION
(BASED ON TV SERIES "THE BIG BANG THEORY")**

Аннотация. Использование каламбуров в речи украшает её, привлекает внимание слушателя, делает общение ярким и запоминающимся. Каламбуры используются повсюду: в литературе, в заголовках газет, в рекламе, в названиях сюжетов новостей, в сериалах, фильмах и т. д. Каламбур представляет собой очень интересную субстанцию: в нём содержится информация о стране, отражаются элементы быта и художественной культуры. При переводе каламбуров возникает масса проблем, поскольку перед переводчиком стоит весьма непростая задача: ему необходимо сделать так, чтобы смешная англоязычная шутка, основанная на игре слов, стала понятна и русскоязычному реципиенту. В данном исследовании анализируется английский каламбур в тесной связи с его контекстуальными характеристиками, а также возможности его перевода на русский язык на примере известного американского сериала "The Big Bang Theory".

Ключевые слова: каламбур, игра слов, перевод, компенсация, сериал.

Abstract. Use of puns in our speech enriches it, draws attention to the speaker, makes the process of communication bright and memorable. Puns are used almost everywhere, in literature, in newspaper titles, ads, titles of TV news, TV series, films etc. Pun is a very interesting phenomenon, as it contains information about the country and it reflects some elements of everyday life and art culture. When it comes to the translation of a pun, there are often lots of problems for a translator, as s/he has an objective hard to achieve: to make a funny English joke based on wordplay understandable and funny as well for a Russian recipient. The article analyzes the English pun in close connection with its contextual characteristics, and also possibilities of its translation into Russian on the example of well-known American TV series "The Big Bang Theory".

Key words: pun, wordplay, translation, compensation, TV series.

Данная статья посвящена анализу англоязычных каламбуров и возможностей их перевода. Перевод шуток вообще не является простым делом, учитывая специфику, к примеру, американского или английского юмора: зачастую люди из других стран находят смешными вещи, над которыми русскому человеку и в голову бы не пришло посмеяться. Однако это вполне нормально, поскольку данные расхождения могут быть объяснены культурными различиями, различиями в воспитании, системе образования, да и в целом разными менталитетами. Перевод игры слов – ещё более сложная задача. Переводчику необходимо выполнить такой перевод, чтобы смешная англоязычная шутка, основанная на игре слов, была понятна и русскоязычному реципиенту. Более того, сделать это надо красиво, а не просто объяснить зрителю тот или иной каламбур.

В нашей статье рассматриваются способы передачи английского каламбура на русский язык с учётом национально-культурной специфики, а также описывается характер трудностей перевода, с которыми может столкнуться переводчик. Все примеры англоязычного каламбура были взяты из оригинальной версии сериала "The Big Bang Theory" («Теория Большого взрыва»). Перевод был выполнен командой переводчиков проекта «Кураж Бам-

бей» [2], курсивом представлен наш вариант перевода.

Часто, когда мы имеем дело с переводом художественного текста, план выражения оказывается важнее плана содержания, поэтому переводчику приходится менять содержание в угоду форме. Перевод каламбура без потери содержания и изменений формы – задача не из лёгких, поэтому её успешная реализация требует не просто наличия эквивалентных отношений между обыгрываемыми словами ИЯ и соотносительными единицами ПЯ, а также и полной эквивалентности с охватом двух значений. Но и при её наличии стопроцентная передача каламбура не всегда возможна в силу различных стилистических, этимологических и культурных особенностей.

Вот почему при переводе данного приёма обычно не обходится без потерь, ведь буквальный перевод в данном случае – скорее исключение. Перед переводчиками, сталкивающимися с переводом каламбура, постоянно стоит дилемма: «Передать содержание, отказавшись от игры слов, или же сохранить каламбур за счёт замены образа, отклонения от точного значения, затушёвки идейного замысла, или же вообще сосредоточиться только на игре, абстрагировавшись от содержания?» [1, с. 291]. Поэтому жертвование содержанием – не такой уж и редкий способ передачи каламбура.

Вообще, замена образа довольно часто применяется при переводе каламбуров. Переводчик делает попытку подогнать под каламбур новый образ, и тогда ему на помощь приходит контекст. И лишь во вторую очередь принимаются во внимание «каламбурные возможности» ПЯ по сравнению с ИЯ и лексические данные самих единиц. Таким образом, контекст – это кладёзь возможностей для перевода каламбура.

Очень часто, сравнивая оригиналы текста и их переводы, мы сталкиваемся, на первый взгляд, с примерами потери смыслового и стилистического порядка, что проявляется либо в “недопереводе” какого-либо отрывка, либо в чрезмерной тяжеловесности при пере-

воде. И мы, конечно же, воспринимаем это как ошибку, допущенную переводчиком, однако на самом деле имеем дело с примерами использования переводчиком такого приёма, как компенсация. Компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, а следовательно, утрачиваемые при переводе, передаются в тексте перевода элементами другого порядка, причём не обязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале [3, с. 56]. Данный приём широко используется переводчиками при передаче игры слов с одного языка на другой. С.А. Циркунова характеризует каждый вид компенсации типологическим и топографическим параметрами, т. е. компенсация может быть прямой (когда определённый стилистический приём на языке оригинала передаётся тем же стилистическим приёмом на языке перевода: например, каламбур передаётся каламбуром) и аналогом (стилистический приём на языке оригинала передаётся иным стилистическим приёмом на языке перевода), а также параллельной (компенсация в той же части текста), смежной (компенсация на некотором расстоянии от утраченного стилистического приёма оригинала), смещённой (компенсация на значительном расстоянии) и обобщённой (текст перевода содержит приёмы, адаптирующие его для читателей языка перевода) [4, с. 33–34].

Ниже представлены примеры вариантов перевода каламбуров, встречающихся в сериале «Теория Большого взрыва», сделанные переводчиками проекта «Кураж Бамбей» [2], а также наши собственные варианты.

1. – Grab your napkin, homey. You just got served!

Доставай платок, братишка, я утру тебе нос! (Перевод наш. – А.Е.)

Данному высказыванию предшествует следующая ситуация: два героя соревновались в одной танцевальной игре, суть которой заключалась в том, чтобы набрать как можно большее количество очков. Один из героев победил, после чего сказал вышеупо-

мянутую фразу. Как мы видим, здесь не идёт речь о сервировке стола, что говорит о наличии каламбура построенного на многозначности слова “serve”. В американском варианте английского языка одно из значений данного слова – ‘победить’ (русс. жарг. – ‘сделать’), оно и используется здесь. Но кроме этого, слово «serve» имеет ещё множество других значений: ‘служить’, ‘обслуживать’, ‘работать’, ‘помогать’ и др. Для передачи комичности ситуации и смысла данного выражения переводчикам пришлось отойти от темы сервировки стола и создать свой эквивалент. Они решили построить русскую игру слов на примере морской тематики, вместо «салфетки» или «платка» взяв слово «флаг», а именно белый, который использовался для признания поражения в битве. Итак, в результате вышло следующее: *Выбрасывайте Ваш белый флаг, сударь. Ваш корабль пошёл ко дну* [2].

2. See a Penny – pick her up – and all the day you’ll have good luck.

Увидел Пенни – закадри – и будешь счастлив до зари. (Перевод наш. – А.Е.)

В данном высказывании игра слов строится на многозначности слова “penny” и выражения “pick up”. “Penny” – это не только английская монета, пенс, но также и весьма распространённое имя: в данном сериале именно так зовут главную героиню. Выражение “pick up” имеет множество переводов: ‘выбрать’, ‘поднять’, ‘заехать’, “подцепить” и др. В данном контексте используются два значения: ‘поднять’ и “подцепить”. Второе, в свою очередь, в русском языке имеет значения ‘найти себе девушку’. Именно на этой двусмысленности и строится каламбур в данном случае. В оригинале данная поговорка звучит как: *See a penny, pick it up, and all the day you’ll have good luck (See a penny, leave it be, and bad luck will come to thee).*

В данном контексте перевод этой английской поговорки будет немного отличаться от оригинального: *Увидел Пенни – подцепи – в награду счастье получи* [2].

Итак, мы видим, что для передачи исходного выражения на русский язык понадобилось взять просто отличное от использо-

ванного в оригинальном переводе значение выражения “pick up” – “подцепить”. В данном случае речь идёт о переводе-кальке.

Рассмотрим следующий пример.

3. – Penny, you’re on fire!

– Yeah, so Sheldon is.

– Пенни, ну ты даёшь!

– Да. Даю Шелдону понять, как надо играть. (Перевод наш. – А.Е.)

Для понимания данной игры слов нам опять необходим контекст: главные герои сидят на диване и играют в компьютерную игру, суть которой заключается в победе в командной игре. В игре используется много различного оружия для победы над противником. Пенни, ранее никогда не игравшая в эту игру, бросает гранату под ноги Шелдону, и последний подрывается на ней, после чего она говорит вышеупомянутую фразу.

Игра слов здесь строится на противопоставлении прямого и переносного значений выражения “to be on fire”. В переносном смысле данное выражение можно перевести как «быть в ударе», что, собственно, и имеется в виду, когда Леонард (ещё один главный герой) говорит это Пенни. В прямом же смысле “to be on fire” значит «быть охваченным огнём, подорваться на чём-либо», что и имеется в виду в ответной реплике.

Для адекватной передачи английского каламбура в данной ситуации можно использовать русский эквивалент «быть в ударе»: – Пенни, да ты в ударе! – О да, как и Шелдон [2]. В данном случае применялся полный эквивалент на ПЯ единице ИЯ, что позволило полностью передать смысл и выполнить главную стилистическую цель каламбура – сохранить комичность ситуации.

4. – No, no more toys or action figures or props or replicas or costumes or robots or Darth Vader voice changers, I’m getting rid of all of it.

– You can’t do that, look what you’ve created here, it’s like nerdvana.

– Нет, всё, хватит с меня уже этих игрушек, фигурок, костюмов супергероев, роботов, этих штук, меняющих твой голос на голос Дарта Вейдера, я избавлюсь от всего этого раз и навсегда.

– Ты что, нет, ты только посмотри, что ты здесь создал – просто ботанический сад какой-то. (Перевод наш. – А.Е.)

В представленной ситуации присутствует оригинальная игра слов, построенная на основе словослияния и образования неологизма “nerdvana”. Данный неологизм тесно связан с контекстом: все главные герои – «ботаники», которые собирают различные коллекции журналов, комиксов, игрушек и многого другого. В один момент Леонард решает всё это продать, что и заставляет Говарда произнести данную фразу.

В этом случае контекст не играет никакой роли в переводе игры слов. Автор создал здесь неологизм, перевести который можно, воспользовавшись тем же методом:

– *Всё, никаких больше игрушек, фигурок героев, реквизита или моделек, костюмов, роботов или трансформаторов голоса Дарта Вейдера, всё, хватит, я избавляюсь от всего этого.*

– *Но ты не можешь, посмотри, во что ты превратил это место, это же настоящее ботаникопристанище [2].*

Обеспечить адекватную передачу исходной единицы здесь также можно с помощью описательного перевода:

– *Всё, никаких больше игрушек, фигурок героев, реквизита или моделек, костюмов, роботов или трансформаторов голоса Дарта Вейдера, всё, хватит, я избавляюсь от всего этого.*

– Но ты не можешь, посмотри, во что ты превратил это место, это же просто рай для ботаников.

И первый, и второй способы выполняют функцию передачи смысла. Данный пример показывает, что один и тот же каламбур может быть переведён по-разному – всё дело в плане выражения.

5. – Hi, guys.

– Oh, hey.

– I need some guinea pigs.

– Okay. There's a lab animal supply company in Reseda you could try. But if your research is going to have human applications may I suggest white mice instead? Their brain chemistry is far closer to ours.

– I swear to God, Sheldon, one day I'm going to get the hang of talking to you.

– His mom's been saying that for years. What's up?

– Well, I finally convinced the restaurant to give me a bar tending shift so I need to practice making drinks.

– Привет, ребята.

– О, привет.

– Мне нужно несколько подопытных кроликов.

– Смотри: ты можешь обратиться в тот питомник лабораторных животных в Реседе. Но если твои эксперименты будут иметь отношение к людям, я бы порекомендовал тебе взять белых мышей, их мозг по структуре своей больше похож на наш.

– Господи, Шелдон, когда же я привыкну наконец к твоей манере разговаривать?

– Его мама говорит об этом годами. Так что ты собралась делать?

– Я, наконец, уговорила ресторан дать мне работу в баре, чтобы я могла потренироваться в составлении напитков. (Перевод наш. – А.Е.)

Игра слов здесь целиком и полностью зависит от контекста, так как поначалу непонятно, о чём идёт речь. Для передачи двузначного слова на русский язык переводчик заменяет его эквивалентом «подопытный кролик», а остальное переводит калькой:

– *Привет, ребята.*

– Привет.

– Мне нужно несколько подопытных кроликов.

– Отлично, есть одна компания по доставке лабораторных животных, в которую ты можешь обратиться, в Реседе. Но если твоё исследование будет проводиться для людей, я порекомендовал бы белых мышей, так как химический состав их мозга гораздо ближе к нашему.

– Клянусь Богом, Шелдон, однажды я прекращу с тобой разговаривать.

– Его мама твердит об этом уже много лет. Ну, так в чём дело?

– *В общем, я убедила начальство сделать меня барменом в вечернюю смену и мне нужно*

Таблица 1

**Соотношение способов перевода англоязычного каламбура сериала
“The Big Bang Theory” («Теория Большого взрыва»)**

Способ перевода	Количество	Встречается в ... % случаев
Калькирование	2	40%
Компенсация	3	60%
Описательный перевод	1	20%
Полный эквивалент	1	20%
Создание неологизма	1	20%
Создание нового эквивалента	1	20%

попрактиковаться в приготовлении напитков [2].

Подводя итог, мы приведём таблицу, отражающую соотношение различных способов передачи каламбура в нашем материале.

В результате проведённого исследования было подтверждено, что универсальных способов перевода каламбура не существует; каждый отдельный случай уникален и является чем-то новым, ранее невиданным для переводчика. Однако, принимая во внимание языковые, стилистические и культурные различия между языками, мы приходим к выводу, что способ компенсации является одним из наиболее эффективных способов передачи игры слов. Это наиболее творческий способ, поскольку на деле переводчику приходится самому создавать новый каламбур (что делает его работу несколько похожей на работу переводчика поэзии), но в другом месте

и на других основаниях. Перевод каламбура целиком и полностью зависит от навыков, фантазии и индивидуальных особенностей переводчика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 351 с.
2. Теория Большого взрыва (The big bang theory): сериал // Кураж Бамбей. [Электронный ресурс]. – URL: <http://xn--80aacbuczbw9aba.xn--p1ai/serial-teoriya-bolshogo-vzryva-6-sezon.html> (дата обращения: 29.01.2013).
3. Циркунова С.А. Использование приёма компенсации при переводе игры слов // Перевод: традиции и современные технологии (сборник статей) / Под ред. И.И. Убина. – М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2002. – С. 32–41.
4. Яковлева М.А. К вопросу о классификации различных видов компенсации / М.А. Яковлева // Вопросы филологических наук. – 2008. – № 4 (33). – С. 46–51.

УДК 811.111:001.4

Жарова А.В.

Московский государственный областной университет

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ
ТЕРМИНОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

A. Zharova

Moscow State Regional University

**COMPARATIVE ANALYSIS OF TRADITIONAL AND NEW TERMS
OF THE BANKING SECTOR (ON THE BASIS OF THE ENGLISH
AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Аннотация. Статья посвящена изучению содержательной стороны английской и русской терминосистемы банковской сферы. Критерии частотности и новизны позволяют наглядно выявить неизменные (базовые) и современные банковские термины. Сопоставительный анализ значений отмеченных терминов указывает на общие черты и степень различий в понимании представленных процессов в английской и русской банковских системах. В заключение сформулирован следующий вывод: в большинстве случаев различия в лексикографических вариантах объясняются различиями в принципах работы банковских процессов.

Ключевые слова: терминологический взрыв, банковская терминосистема, критерии отбора, базовые термины, современные термины.

Abstract. The article deals with the study of the content of English and Russian banking terminologies. The quantitative and novelty criteria enable us to identify a number of basic (traditional) and modern banking terms in accordance with their constancy and frequency of usage. The comparative analysis of the interpretation of the terms chosen reveals the common features and degree of discrepancy in the understanding of English and Russian banking systems. In most cases the difference between the lexicographic variants can be explained by the difference in the principles of the banking sector.

Key words: terminological boom, banking terminology, selection criteria, basic terms, current terms.

Изучение словарного состава языка приобретает особое значение в процессе развития историко-политических событий и в условиях финансово-экономических перемен. Экстралингвистические факторы влияют на формирование языка в целом и его словарный состав в частности. В каждый исторический момент язык представляет собой продукт ряда эпох, в котором давно сложившиеся элементы сосуществуют с новыми, только что возникшими элементами. Эти изменения затрагивают все сферы жизни, в том числе и *банковскую деятельность*. Развитие банковской системы влечёт за собой изменения в банковской терминосистеме.

Как известно, формирование отраслевой терминосистемы – долгий и сложный процесс, состоящий из нескольких этапов. На современном этапе банковская терминосистема интенсивно пополняется и модифицируется. Такое интенсивное пополнение многие учёные оценивают как «терминологический взрыв» [1].

В статье анализируются термины банковской сферы английского и русского языков, которые, с одной стороны, являются традиционными, а значит, широко распространёнными, с другой – представляющие результат влияния социально-экономического развития общества.

Лексические единицы отбирались по критериям актуальности, информативности, новизны и частотности. Критерий частотности наиболее целесообразен при отборе традиционных

терминов, так как свидетельствует о регулярном использовании термина в речи и публицистических материалах.

Источниками материала послужили электронные версии деловых журналов *RBKdaily*, *The Guardian*, *The New York Times*, информационный портал *Banki.ru* и т. д. Всего проанализировано 300 терминов банковской сферы.

Одним из центральных и популярных понятий является *liquidity* (ликвидность). Термин предстаёт как средство вербализации концепта “легкорезализуемости”. Под этим понятием подразумевается «подвижность, мобильность активов предприятий, предполагающая возможность бесперебойной оплаты в срок краткосрочных денежных обязательств, способность превращения активов предприятия, ценностей в наличные деньги» [2]. Финансовый словарь “Investor Words” определяет понятие *ликвидность* следующим образом: «the ability of an asset to be converted into cash quickly and without any price discount» [9]. Несмотря на то, что «Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь» приводит более подробное определение, указывая на возможность бесперебойной оплаты в срок краткосрочных денежных обязательств, лексема *ликвидность* (*liquidity*) имеет одинаковый план выражения в английской и русской банковских системах; ср.:

1) «Как полагают в Центробанке, некоторый дефицит **ликвидности** в первом квартале будет связан с недостаточными поступлениями в банковскую систему средств бюджетных структур» [3];

2) «Both in 2007–08 and, more recently, in the euro crisis, they (central banks) warded off a financial collapse by pumping banks full of emergency **liquidity**» [4].

В банковской терминосистеме существует такое понятие, как *factoring* (факторинг), образованное от лексемы *factor* – «агент», «посредник» [2]. Фактор – специализированный финансовый институт, который выступает в роли финансового агента, предоставляющего определённые услуги. Если вы владеете или управляете постоянно развивающимся биз-

несом, но при этом всё равно испытываете нехватку денежных средств, расплачиваясь за услуги поставщиков, или удерживаете зарплату из-за ожидания возврата денежных средств вашими клиентами, или банки считают сферу вашего бизнеса слишком рискованной для выдачи кредита, то услуга факторинг может оказаться самым лучшим и надёжным способом получения оборотного капитала. Несмотря на структурные различия в организации факторинговых операций в России и за рубежом, термин *factoring* (факторинг) в европейской и русской банковских системах употребляется в одинаковом значении. В российской банковской системе факторинг рассматривается как «разновидность краткосрочного финансирования, при котором факторинговая компания или банк приобретает у клиента его требования на должника с определённой скидкой и сама взыскивает долг как принципал» [3]. Финансовый электронный словарь “Finance glossary” определяет *factoring* следующим образом: «... The sale of a company’s debts to a factor at a discount. Special companies exist (factors) which will pay the company a high proportion of the amount it is owed, in return for the right to collect the debts from the debtors» [7]. Отсутствие различий в содержании объясняется тем, что в условиях развития рынка факторинговые операции широко распространены в международной практике на протяжении нескольких десятилетий, и расхождение в понимании ключевых понятий и отсутствие цивилизованных факторинговых технологий может привести к значительным потерям; ср.:

1) «Мы находимся в преддверии выхода на рынок **факторинга**, поскольку считаем его весьма перспективным», — говорит директор клиентского управления банка «КИТ Финанс» Павел Орлов» [11];

2) «The city has been ordered by the state to stop making Medicaid payments to **factoring** companies, 54 of which have been, cashing claims of \$24million a year for 1,014 physicians and other professionals who want quick pay for their services» [14].

Многие понятия в банковской терминосистеме появляются при помощи переноса

са значения. В связи с этим нам интересен пример с термином *collateral* (обеспечение). В общеупотребительном языке он обозначает «сопутствующий», «вспомогательный», например: *collateral matters* (частности) или *collateral senses of a word* (второстепенные значения слова). Финансовое значение 'обеспечение' английский термин *collateral* приобрёл в 1832 г., заимствовав его из американского термина *collateral security* ('юридическое право на обеспечение') [10]. Таким образом, произошло сужение семантического объёма понятия. В банковской сфере английского и русского языков термин обозначает 'гарантию', 'поручительство', то есть «обеспечение: ценные бумаги, активы и другая собственность, предлагаемые в качестве обеспечения (гарантии возврата) кредита» [2]. «An asset pledged by a borrower as a guarantee to a lender until a loan or bond is repaid. If the borrower defaults, the lender has a right to sell the collateral asset» [6]. Например:

1) «К середине февраля больше половины займов банков в ЦБ пришлось на кредиты под залог нерыночных активов и **поручительства**» [11];

2) «As a rule, microcredit loans are not backed by **collateral**, leaving no means of financial recovery for the lender if they are not repaid» [14].

Интересна и необычна природа лексической единицы *ombudsman* (омбудсмен) или *banking ombudsman* (банковский омбудсмен). В 1959 г. этот термин был заимствован английским языком из шведского: *ombudsman* (<шв. *commission man* – «комиссионный человек»; <шв. *Justitieombudsmannen* – «организация, которая ведёт и расследует жалобы о злоупотреблении властью по отношению к частным лицам» [10]). В современном понимании термин *омбудсмен* обозначает «независимый орган урегулирования споров между организациями и их клиентами» [2]. Поскольку споры и разногласия могут происходить не только между банками и их клиентами, то это понятие широко используют в сфере страхования, на рынке ценных бумаг, в жилищно-строительном обществе и инвестиционной деятельности. Словарь "Finance glossary"

приводит следующее определение термина *ombudsman*: «... An independent official who investigates the complaints of individuals against companies or public authorities. Ombudsmen do not have any formal power to reverse decisions but they have substantial moral authority over companies or national or local government agencies» [6]. Несмотря на то, что «Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь» при толковании термина не упоминает об отсутствии официального полномочия у омбудсмана аннулировать решения по поступаемым жалобам, при этом обладающим высоким моральным авторитетом среди коммерческих компаний или государственных структур, в европейской и русской банковских системах термин имеет одинаковое значение. Сегодня русское понятие «омбудсмен» расширило сферу функционирования. В проанализированных электронных изданиях понятие «омбудсмен» встречается в значении 'Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации' и 'Уполномоченный по правам ребёнка при Президенте Российской Федерации'; ср.: «Суд Финляндии принял решение о возвращении россиянке Светлане Карелиной детей, которые были изолированы от матери и находились в Финляндии. Об этом сообщил **детский омбудсмен** Павел Астахов в своём микроблоге в Twitter» [11].

Глобализация, риски финансового рынка, высокий уровень волатильности стимулировали появление *структурированных финансовых инструментов*. Так, современная линейка инвестиционных банковских продуктов включает такие услуги, как *structured products* (структурированные продукты). Калькированный термин *структурированные продукты* представляет «инвестиционные решения, специально разработанные для удовлетворения нужд клиентов на основе комбинаций разных инструментов» [2]. "Finance glossary" определяет *structured products* как «investments created to meet specific needs that cannot be met by off-the-shelf products. Often these are hybrids of several investment vehicles involving a capital guarantee, which limits

the potential losses but also limits the potential gains» [6]. Оба определения подчёркивают разнородный состав структурированных продуктов, что открывает широкие возможности для комбинации разных банковских инструментов, таких, как облигации или деривативы. Английский вариант определения более детализирован, и структурированные продукты включают гарантию сохранения (вложенного/ основного) капитала (*capital guarantee*). Такая гарантия указывает на размеры возможной прибыли и убытков. Представляя новую культуру инвестирования в России, этот термин сегодня часто используется без представления его значения в средствах массовой коммуникации при анализе банковской деятельности. Это даёт основание предполагать, что термин может быть использован в текстах, рассчитанных на неспециалистов. *Structured products* (структурированные продукты) впервые появились на Wall Street в 1990-х гг., в России – до кризиса 1998 г., при этом были доступны только ограниченному кругу инвесторов – в основном, клиентам западных банков; ср.:

1) «Далеко не всех в России, впрочем, устраивает доходность, которую предоставляют западные **структурированные продукты**» [8];

2) «Consumers are again being warned about investing in **structured products**, with claims that high and hidden fees along with high-risk returns means many could lose money» [13].

При широком использовании в общепотребительном языке лексемы *toxic* (*ядовитый, токсичный*), многие переводчики испытывают затруднения при переводе таких финансовых терминов, как *toxic asset* или *toxic waste*. При этом прилагательное *toxic* переводится буквально, то есть *токсичный актив*, «*токсичные отходы*», и характеризует что-то крайне непривлекательное, опасное, с высоким риском невозврата; ср.: «токсичные отходы» – «ценные бумаги, которые крайне не привлекательны для инвесторов в связи с определёнными рисками» [2]. *Toxic waste* – «securities that are unattractive due to certain underlying provisions or risks making them

generally illiquid with poor pricing schemes and transparency» [9]. В английском варианте составители информационной справки предлагают более развёрнутое объяснение, упоминая о рисках базовых резервов (необходимых для покрытия сомнительных долгов), которые могут привести к неликвидности ценных бумаг, их недостаточной открытости и необоснованному ценообразованию. Метаединица *toxic* заимствована из терминофонда общепотребительного языка [9]. Представленные понятия репрезентуют собой яркие примеры метафоры в банковской терминосфере; ср.:

1) «Бурного роста кредитования в следующем году ждать не стоит — слишком велика величина **«токсичных отходов»** в портфелях банков, которые повисли мёртвым грузом на балансе» [3];

2) «On 10 February 2009, he (Timothy Geithner, America's treasury secretary) outlined proposals to stabilise banks by having the federal government and the private sector buy some of the more **toxic**, hard-to-sell **waste** that were dragging those institutions down financially» [4].

За последнее десятилетие благодаря развитию мобильных технологий произошло увеличение доли банковских услуг и в мобильном банкинге. Впервые мобильный банкинг появился на Филиппинах в 2001 г., когда два оператора – *Globe* и *Smart* – представили совместный план по погашению платежей в пределах этой страны. Несмотря на то, что в России, как и в других странах, технология проведения банковских операций с помощью мобильных устройств только начинает развиваться, это перспективное направление достигло определённого успеха. За последние пять лет в России мобильные платежи показали 100% темп роста. Согласно прогнозам, объём таких платежей во всём мире в 2014 г. может превысить 1 трлн долларов, в том числе 350 млрд долларов в Европе [11]. Для банков и для самих потребителей такое дистанционное управление банковскими операциями привлекательно в силу удобства, быстроты, доступности. Более того, банки, не тратя деньги на открытие и содержание офисов, охватывают огромный слой населения,

в том числе молодёжь (поколение «большого пальца»), которая привыкла общаться при помощи Интернета и мобильного телефона, и для которой банковская система может показаться трудной и запутанной. За рубежом большую лепту в развитие и надёжность мобильного банкинга вкладывают такие крупные организации, как *Bank of America*, в России – *ВТБ 24*, *City Bank* и др.

Отметим, что мобильный банкинг в целом характеризуется большим количеством терминов-кодов, что продиктовано спецификой области мобильных технологий. Например, вы можете послать сообщение с текстом запроса *BAL (all the available balances for your eligible accounts according to their designated nickname)*, *ACCTS (Account Create/Cost Transfer System)*, *DUE (Retrieve the payment due date, statement balance, and minimum payment due for your PNC credit card accounts)* или *DUE CRD1 (the payment due date, statement balance, and minimum payment due for a specific nicknamed credit card account*, где «CRD1» является определённым именем счёта кредитной карты) [5]. В связи с тем, что длина запроса может достигать более ста букв, банки позаботились об удобстве отправки таких текстовых сообщений, сократив их до нескольких заглавных букв.

Аббревиатура *IMPS* может оказаться непонятной для человека, не использующего мобильный банкинг. *IMPS – Interbank Mobile Payment Service* (Межбанковская Мобильная Система Платежа) – позволяет клиенту использовать мобильный телефон для проверки банковского счёта и безопасно производить крупные межбанковские денежные переводы. Эта услуга широко применяется в *State Bank Of India* [12].

В терминологии банковского дела широко используется аббревиация как способ номинации новых или уже существующих понятий. Увеличение объёма информации, тенденция языковой компрессии, способность к образованию цельнооформленной основы и многие другие факторы оказывают влияние на появление аббревиатур в языке. Так, *BERI index* (*Business Environment Risk Information*

Index) – информационный индекс делового риска («*БЕРИ*»-индекс), *IRR (Internal Rate of Return)* – внутренняя норма доходности, *CRS (Creditor Reporting System)* – система отчётности кредитора, *TLF (Transferable Loan Facilities)* – переводной кредит и т. д.

Таким образом, исследование показало, что преобразование и образование новых сфер банковского дела приносит изменения в терминосистему, что свидетельствует о социальной детерминированности специальной лексики. Сопоставительный анализ значений исследуемых единиц позволяет сделать вывод о том, что существуют незначительные расхождения в толковании терминов в английских и русских словарях, которые можно объяснить различиями между российской банковской системой и европейской.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Новодранова В.Ф. Терминологический взрыв в 90-ые годы XX в.// Научно-техническая терминология. Научно-технический реферативный сборник. – 2000. – № 1. – С. 4–9.
2. Фёдоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь: в 2-х т. – СПб.: Лимбус Пресс, 2011. – 1744 с.

Источники языкового материала:

3. Banki.ru. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.banki.ru> (дата обращения: 06.10.2012).
4. BBCOnline. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.bbc.co.uk> (дата обращения: 15.11.2012).
5. CCNMoney. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://money.cnn.com> (дата обращения: 18.11.2012).
6. Finance glossary. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.finance-glossary.com> (дата обращения: 15.03.2013).
7. Finrisk. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.finrisk.ru> (дата обращения: 15.11.2012).
8. Forbes. Tuesday 3 July 2007 [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 15.03.2013).
9. Investor Words. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.investorwords.com> (дата обращения: 16.03.2013).
10. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 16.11.2012).

11. RBK daily. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.rbcdaily.ru> (дата обращения: 15.11.2012).
12. State Bank of India [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.sbi.co.in> (дата обращения: 08.11.2012).
13. The Guardian. Saturday 20 August 2011 [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 11.10.2012).
14. The New York Times. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.nytimes.com> (дата обращения: 16.11.2012).

УДК 81

Серегина А.И.

Московский государственный областной университет

ВЫБОР КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕКСТОВ

Seregina A.I.

Moscow State Regional University

KEY WORD SELECTION AS A CONDITION FOR ADEQUATE TRANSLATION OF MARKETING TEXTS

Аннотация. В статье раскрывается специфический аспект перевода маркетинговых материалов как текстов с высокой эмоциональной нагрузкой и высокой направленностью на реципиента. Предлагается рассмотрение алгоритма работы с ключевыми словами при переводе маркетинговых материалов, в основу которого положен предварительный анализ прилагательных, выступающих в функции эпитетов. Исследование проводится на примере рекламного материала одного из продуктов компании *Apple Macintosh*, размещённого на сайте компании в Интернете. Для анализа взяты рекламные тексты на английском и русском языках. В заключение сформулированы выводы о ключевой роли прилагательных в передаче эмотивной нагрузки рекламного текста.

Ключевые слова: адекватность и эквивалентность перевода, маркетинговые материалы, эмотивная нагрузка, коннотация, прилагательные-эпитеты.

Abstract. The article is devoted to a specific aspect of the translation of marketing materials as emotionally loaded and recipient focused texts. The algorithm of work with the key words, based on the preliminary analysis of adjectives acting as epithets, in the translation of marketing materials is proposed. The promotional material of an *Apple Macintosh* product taken from the company's Internet site has been studied. Texts in English and Russian were chosen for the analysis. Certain conclusions about the key role of adjectives in conveying the emotional impact have been made.

Key words: adequacy and equivalence of translation, marketing materials, emotional load, connotation, adjectives-epithets.

Как известно, существует несколько основных подходов к пониманию сущности переводческой эквивалентности. В современной теории перевода укрепилась «практика оценки адекватности и эквивалентности на основе семантико-стилистического тождества текстов перевода и оригинала» [6, с. 3] – см. работы В.Г. Гака, И.Р. Гальперина, Л.Л. Нелюбина, А.В. Фёдорова. Тождество структуры и формы оригинального и переводного текстов также признаётся немаловажным показателем качества перевода. Г.А. Николенко и И.А. Гулакова считают, что наиболее эффективно выполнить перевод рекламного сообщения возможно, прибегнув к концепции динамической эквивалентности [4].

«Понятие динамической эквивалентности введено в лингвистику американским учёным Юджином Найдой, который предложил устанавливать полноценность перевода не путём сравнения исходного текста с текстом перевода, а путём сопоставления реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке. Таким образом, сила воздействия, экспрессия, способность вызвать строго определённую ответную реакцию у реципиента будут признаками правильной передачи рекламного слогана на языке перевода» [5, с. 3].

В процессе любой переводческой деятельности адекватность, под которой подразумевается исчерпывающая передача содержания исходного текста на переводящий язык равноценными средствами, оценивается преимущественно исходя из тексто-прагматического соответствия перевода и подлинника с учётом выбора языковых средств и стратегий.

© Серегина А.И., 2013.

В рамках настоящей статьи предлагается рассмотрение алгоритма работы с ключевыми словами при переводе маркетинговых материалов в рамках межкультурной коммуникации. «Маркетинговые материалы объединяют любую полиграфическую и иную продукцию, которая рассказывает о рекламируемом объекте, позволяет донести до потребителя информацию о более хорошей услуге, высоком качестве товара, выгодной ценовой политике и т. д., что и является целью стратегии продаж. Также для этого могут использоваться статьи и отчёты в журналах, которые дают краткое описание некоторых характеристик и особенностей рекламируемого товара или услуги компании» [10]. Анализ проведён на основе материалов интернет-рекламы продукта компании Apple Macintosh iPad Mini (материалы взяты с сайта www.apple.com). Общий объём проанализированного материала составил 216 предложений (108 на исходном английском языке и 108 на переводящем русском языке).

«Для подготовки маркетинговых материалов многие компании нанимают грамотных маркетологов и копирайтеров, которые создают красивые тексты на языке оригинала. В то же время, когда производитель выходит на новые рынки в разных странах мира, зачастую считается, что рекламные материалы достаточно только перевести, опираясь на исходный текст. При таком подходе качественный разрыв между исходным текстом и переводом может быть очень большим, что приведёт к непониманию текста и снизит эффект рекламы. Так, при создании маркетингового описания копирайтер учитывает эффективность текста, его воздействие на эмоции и потребности потенциальных потребителей, обеспечивает употребляемость ключевых слов (в том числе, в целях поисковой оптимизации). Эти факторы напрямую зависят от ситуации на рынке, культурной среды, потребностей клиентов» [2].

Маркетинговые материалы как объект для перевода имеют ряд следующих отличительных особенностей:

1. Маркетинговые материалы (реклама, инструкции, рецепты, технологические кар-

ты) рассчитаны на то, чтобы вызвать нужную реакцию у довольно широкого круга людей. Соответственно, тексты продумываются так, чтобы избежать двусмысленностей, спорных моментов и сложностей понимания. При переводе необходимо сохранять такую же прозрачность смысла и очевидность контекста.

2. Некоторые маркетинговые материалы (техническая документация, к примеру) содержат термины. Термины – это однозначные слова, их значение утверждено во всём мире, и найти нужное соответствие в другом языке не составит никакого труда. Но, с другой стороны, увлечение терминологией может повлечь за собой проблему восприятия информации реципиентом, и, соответственно, снизить его реакцию. К тому же в маркетинговых материалах нет возможности разместить пояснения к переводу, так что при переводе терминологии необходимо подбирать максимально точные значения специальных слов с тем, чтобы не усложнять ещё больше восприятие информации.

3. Рекламный текст как вид маркетингового документа, как правило, представляет собой либо короткий слоган, либо побудительное высказывание, либо чёткое описание продукции. Здесь нет места сложным грамматическим конструкциям и оборотам речи. При переводе необходимо соблюдать такую же простоту конструкций, что иногда может представлять очевидную сложность из-за различий грамматического и синтаксического строя двух языков.

4. Многие маркетинговые материалы содержат побудительные высказывания, которые напрямую должны «работать» на привлечение внимания. При переводе необходимо сохранять этот эффект, учитывая при этом, что представители разных социальных слоёв и разных культурных традиций по-разному воспринимают ту или иную информацию и способы её подачи (к примеру, в русском языке возможно разграничение обращения на «Вы» или на «ты» в рекламных слоганах с учётом возраста целевой аудитории; в английском языке такого разграничения нет).

При переводе маркетинговых материалов,

необходимо учитывать их главную особенность – повышенную направленность на реципиента, ориентацию на потенциального клиента, задачу получить нужную положительную реакцию. Ведь маркетинговые материалы включают в себя любые виды рекламы, адресованной массовому клиенту и имеющей характер убеждения. «Обычный перевод, с применением общих стратегий, каким бы грамотным он ни был, не сможет полностью соответствовать исходным маркетинговым задачам, если не уделять им особого внимания. При подготовке маркетинговых материалов на иностранном языке особенно важно донести идею исходного текста и сохранить цель маркетинговой коммуникации» [2] (привлечь клиента, порадовать, запугать, заставить задуматься, просто сообщить нужную информацию, дать объяснение, удивить и т. д.). Поэтому на переводчика рекламных текстов должна возлагаться задача «не только грамотной передачи исходного текста с лингвистической точки зрения, но и адаптации этого текста к культурным и социальным особенностям целевого рынка» [2].

Эти особенности вынуждают переводчика маркетинговых текстов максимально скрупулёзно подходить к выбору стратегии перевода. Стратегия перевода – это программа действий, обеспечивающая адекватность [7, с. 65]. Стратегия «включает в себя решение о том, какие аспекты оригинала должны быть <...> отражены в переводе» [3, с. 74–75].

«Это могут быть и простые соответствия или же использование переводческой трансформации: модуляция, конкретизация, антонимического перевода и других приёмов. Транслитерация названий с другого языка нередко приводит к возникновению неблагозвучных, неудобных сочетаний; механический перевод слоганов и рекламной информации с одного языка на другой неизвестно чему вредит больше – языку или рекламода-телю. Поэтому, чтобы избежать конфузов, рекомендуется перед выходом на новый рынок заказывать услугу, которая носит название «лингвистическая экспертиза» [6, с. 2].

В переводе маркетинговой документации

важнее, чем в переводе любого другого вида материалов, не просто передать слова, а перенести в текст на другом языке смысл исходного текста так, чтобы представитель другой культуры почувствовал верность указанных понятий именно для своего мировоззрения, чтобы он мог представить относительно своих взглядов на вещи то, что представляет читатель-носитель исходного языка. Таким образом, перевод в некоторой степени превращается в воссоздание на переводящем языке семантических полей, заложенных в значениях слов текста исходного языка.

«К примеру, для того, чтобы придать рекламному слогану оригинальность, сделать его запоминающимся, используют такие стилистические средства, как метафора (Let Your Fingers Do The Walking), метонимия (Have a Kit-Kat), повтор (New thinking, new possibilities), зевгма (Have a coke and smile) и др. Фонетический и ритмический повтор повышают импрессивность рекламного слогана (Motion and emotion). Большинство слоганов – простые предложения, представленные словосочетанием или даже одним словом (The Freshmaker).

Если предложение сложное, то оно зачастую содержит разделяющие знаки препинания и даже запятые, которые крайне редко употребляются в английском, что говорит об эмоциональной нагрузке. Важно знать, что перевод рекламного слогана будет эквивалентным тогда, когда переведённый текст будет способен вызвать такую же реакцию у реципиента, как и исходный» [1, с. 1].

Ни в каком другом виде перевода интенция и посыл текстовой информации не играют такой важной роли, как в переводе рекламных материалов, тем более что тексты рекламных материалов зачастую очень короткие, то есть на минимальное количество слов приходится максимальная информационная нагрузка.

Среди особенностей рекламных текстов можно выделить широкое употребление описательных прилагательных. Их использование как раз и направлено на получение необходимой реакции у потребителя. Такие слова

сообщают основные характеристики продукта, и, кроме того, некоторые из них, становясь эпитетами, выполняют эмотивную функцию. Именно такие прилагательные и словосочетания «наречие + прилагательное» являются ключевыми словами в тексте, так как дают не предметное описание, а позволяют потенциальному покупателю составить нужное мнение о продукте.

Рассмотрим рекламный текст продукта *IPad Mini* на английском и русском языках и проанализируем его лексический состав. Рекламный текст, выложенный на сайте, описывает достоинства продукта и его преимущества по сравнению с полноразмерной версией. Оригинальный текст на английском языке содержит в себе 108 предложений, считая односложные номинативные и неполные. В результате переводческого анализа в тексте найдено 57 прилагательных. Учитывая основную роль

рекламного текста – привлечение внимания потенциального покупателя – можно предположить, что некоторое количество прилагательных обретают функцию эпитетов и несут в себе эмотивный оттенок, присущий и тексту в целом ввиду его отнесённости к маркетинговой стратегии, разработанной компанией для повышения продаж.

Составив список таких ключевых прилагательных перед началом собственно перевода, переводчик сможет представить себе, каким должен быть перевод в плане передачи эмотивного значения. Нет сомнения, что переводу таких прилагательных необходимо уделить особое внимание.

Так, в ходе анализа перевода ста восьми английских предложений рекламного текста на русский язык были выявлены следующие эквиваленты прилагательных-эпитетов.

Таблица 1

Прилагательные и их эквиваленты в рассматриваемом тексте

Исходный текст	Переводящий текст
Fast – 8	Быстрый – 7 Скоростной – 1
Beautiful – 6	Великолепный – 3 Красивый – 2 Удивительный – 1
Advanced – 5	Передовой – 2 Усовершенствованный – 1 Совершенный – 1 Уникальный – 1
Small – 5	Малый – 1 Маленький – 2 Небольшой – 1 Меньший – 1 Миниатюрный – 1
Light – 4 (1 раз с unbelievably)	Легкий – 4
Powerful – 3 + power-efficient – 1	Мощный – 3 + экономичный – 1
Thin – 3	Тонкий – 3
Ultrafast – 3	Сверхбыстрый – 2 Сверхскоростной – 1
Wireless – 3	Беспроводной – 3
Built-in – 3	Встроенный – 3
Great – 3	Слово опущено в ходе переводческой трансформации – 1 раз Замечательно – 1 Отличного качества – 1

Окончание табл. 1 стр. 98

Окончание табл. 1

Incredible – 2	Невероятный – 2
Perfectly sized – 2	Идеального размера – 1 Идеально подходящий – 1
Automatic – 2	Автоматический – 2
Amazing – 2	Слово опущено в ходе переводческой трансформации – 1 раз Невероятный – 1
Ultraslim – 1	Сверхтонкий – 1
Brilliant – 1	Опущено – 1 раз
Mighty – 1	Мощный – 1

Хотя вышеперечисленные прилагательные однозначные и во многих предложениях для их перевода может потребоваться одно и то же слово переводящего языка, всё же необходимо проанализировать каждый конкретный случай и уже подбирать эпитет на переводящем языке в каждом отдельном предложении.

К примеру, два предложения идут в оригинальном тексте подряд: Ultrafast wireless. Fast connections [9]. В русском переводе предложения представлены следующим образом: Сверхбыстрая беспроводная связь. Скоростные подключения [8]. Мы видим, что если в английском языке повторяющееся прилагательное воспринимается как норма, то в русском употреблённое два раза подряд слово «быстрый» звучало бы менее удачно и менее эмоционально, к тому же в русском варианте словосочетания звучат привычно для носителя языка, что говорит о должном внимании к достижению адекватности перевода.

Кроме того, перевод слова beautiful нецелесообразно ограничивать вариантом красивый. Так, предложения 1) A beautiful display, powerful A5 chip, FaceTime HD camera, iSight camera with 1080p HD video recording, ultrafast wireless, and over 300,000 apps ready to download from the App Store; 2) Beautiful 7.9-inch display; 3) ...the iSight camera on iPad mini lets you capture all these unpredictable, beautiful, spectacular moments [9] в русском языке обретут форму: 1) Великолепный дисплей, мощный процессор A5, HD-камера FaceTime, камера iSight с возможностью записи HD-видео с разрешением 1080p, сверхбыстрая беспроводная связь и более 300 000 приложений в App Store; 2) Прекрасный 7,9-дюймовый дисплей; 3) Камера iSight на iPad mini позволяет запечатлеть все эти невероятные, непредсказуемые и удивительные моменты [8].

Таким образом, можно сделать два вывода. Во-первых, при переводе рекламного текста как вида маркетинговой документации ключевыми словами чаще всего будут являться не глаголы или существительные, а слова, описывающие основные отличительные признаки продукта, то есть прилагательные (или словосочетания модели «наречие + прилагательное»). Именно от наличия и правильного использования этих слов, которыми чаще всего будут являться прилагательные, зависит эмоциональность текста. Во-вторых, каждое такое прилагательное должно рассматриваться как объект перевода в каждом конкретном предложении. Ведь разнообразие синонимов делает текст привлекательнее в плане чтения и восприятия. А в случае с рекламным текстом использование разных вариантов перевода одного и того же слова позволяет сделать ещё больший акцент на особенности рекламируемого продукта.

Итак, при переводе маркетинговых документов на продукцию представляется целесообразным начать работу с анализа текста на наличие эпитетов, создающих общую эмоциональную и коннотативную картину. Такой анализ может включать в себя составление списка ключевых слов, которыми в данном тексте будут признаны слова с дескриптивной функцией, и вариантов их перевода, с помощью которых возможно разнообразить рекламное сообщение и тем самым увеличить эмоциональную нагрузку всего текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зайцев М.Д. Некоторые особенности перевода телевизионных рекламных слоганов // Молодёжь и наука: Сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвящённой 50-летию первого полёта человека в космос. [Электронный ресурс]. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. – URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section22.html> (дата обращения: 20.02.2013).
2. Латышева Н.В. Сложности маркетингового перевода. [Электронный ресурс]// [multi-lingva.ru](http://www.multi-lingva.ru) [сайт]. – URL: http://www.multi-lingva.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13:2010-09-25-08-04-39&catid=9:2010-09-25-06-38-50&Itemid=13 (дата обращения: 20.02.2013).
3. Мешалкина Е.Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе на материале англоязычной художественной литературы XVIII-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 205 с.
4. Николенко Г.А., Гулакова И.А. Лингвистические характеристики рекламных текстов и способы их перевода. – М.: Высшая школа, 2004. – 158 с.
5. Порческу Г.В. Лингвистические особенности рекламных слоганов и способы их перевода [Электронный ресурс]// [LingvoMaster: \[сайт\]](http://www.lingvomaster.ru). – [Б.м.], 2006–2007. – URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/227.pdf> (дата обращения: 25.02.2013).
6. Романова Л.Г. Адекватность и эквивалентность как переводческие категории: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 23 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 2009. – 215 с.
8. Apple Macintosh iPad Mini [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apple.com/ru/ipad-mini/overview/> (дата обращения: 15.02.2013).
9. Apple Macintosh iPad Mini [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apple.com/uk/> (дата обращения: 15.02.2013).
10. Whim.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.firmennyi-stil.ru/page/marketingovyematerialy> (дата обращения: 25.02.2013).

УДК 8:81–26 347.78.034

Шашок О.А.

Московский государственный областной университет

СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

O. Shashok

Moscow State Regional University

COMPARE GERMAN AND RUSSIAN PROVERBS AT ELEMENTS OF EXPRESSION

Аннотация. В статье сопоставляются прагматически равноценные немецкие и русские пословицы с целью выявления в них дополнительных (помимо эквивалентного смысла) структурно-семантических средств, усиливающих воздействие на реципиента. Предпринимается попытка определить национально-культурную специфику тех и других пословиц и на этом основании сравнить потенциалы их воздействия. На наш взгляд, «дополнительные» средства (афористичность, ритмичность, рифмы – при их наличии) усиливают регулятивное воздействие на реципиента, способствуют повышению популярности и употребительности пословиц. В статье, помимо прочего, рассматривается ряд вопросов, касающихся подбора эквивалентов при переводе пословиц.

Ключевые слова: пословицы, сентенция, перевод пословиц, немецкие и русские пословицы, выразительные средства, эквивалентность пословиц.

Abstract. The article compares pragmatically equivalent German and Russian proverbs to identify additional (beyond the equivalent meaning) structural-semantic means that enhance the impact on the recipient. An attempt is made to define the cultural identity of German and Russian proverbs and on this basis to compare their potential impact. In our view, the 'additional' means (aphoristic character, rhythm, rhyme) increase regulatory effect on the recipient, and popularity proverbs in which they are used. Besides, some problems in selection of proverbs translation equivalents are considered in the article.

Key words: proverbs, sententia, translation of proverbs, German and Russian proverbs, elements of expression, equivalence of proverbs.

В данной статье ставится цель определить, какие средства выразительности, кроме поучительности, заключают в себе немецкие и русские пословицы.

Пословицы, по определению из ЛЭС (*Лингвистического энциклопедического словаря*), это краткое, распространённое в речевом обиходе и, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; обычно имеющее форму законченного предложения (простого или сложного) и функцию прескрипции (совета, предписания) [4]. Пословицы имеют широкое употребление в письменной и устной речи, они обладают эмоциональной и стилистической окраской, благодаря чему совершенствуют коммуникативную функцию языка.

Кроме пословиц, делают речь более образной и выразительной различные фразеологические единицы. Согласно ЛЭС, фразеологические единицы – это общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава [4]. Вопрос, входят ли пословицы и поговорки в фразеологический состав, и на сегодняшний день вызывает острые споры среди лингвистов.

Чтобы более детально изучить этот вопрос, рассмотрим исследования учёных.

© Шашок О.А., 2013.

Наиболее известны классификации фразеологизмов таких корифеев лингвистики, как Ш. Балли, В.В. Виноградов [3], И.И. Чернышева [5], А. Роткегель. У авторов наблюдается разница во взглядах на состав единиц в рассматриваемых языках; также исследователи по-разному распределяют фразеологизмы по группам и степени устойчивости словосочетаний.

Впервые понятие фразеологической единицы в работе «Précis de stylistique» определил швейцарский лингвист Шарль Балли как устойчивое словосочетание, смысл которого нельзя вывести из значений компонента. В этой же работе была представлена первая классификация фразеологических единиц: Шарль Балли противопоставил фраземы другому типу словосочетаний, с вариативным сочетанием составляющих его слов, то есть выделил фразеологические группы.

Шарль Балли внёс огромный вклад в лингвистическую науку, так как он впервые ввёл определяющее качество пословиц как для всех фразеологизмов: сколько единиц можно передвинуть, заменить, являются ли пословицы устойчивыми или неустойчивыми. Так как человеческая речь состоит из свободно формируемых высказываний и тех, в которых почти ничего нельзя изменить (например, «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» – «Besser den Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach»), то и пословицы изучались в свете их устойчивости и неустойчивости.

Позже отечественный лингвист В.В. Виноградов предлагает классификацию фразеологических единиц по степени семантической слитности.

Интересна выдвинутая Виноградовым теория о том, что русские пословицы и поговорки, крылатые выражения литературного языка – вот те источники, откуда вышла и образовалась русская фразеология. Исследователь выделил три типа фразеологических единиц [3]:

– фразеологические сращения (идиомы, утратившие мотивировку значения: «бить баклуши», «собаку съесть»);

– фразеологические единства (идиомы, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму: «сидеть на мели», «кот заплакал», «стреляный воробей»);

– фразеологические сочетания (устойчивые обороты, в состав которых входят слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным, несвободным (употребляемым лишь в данном сочетании): «оказывать помощь», «зло (досада, страх, смех) берёт», «твёрдый характер», «поле деятельности»).

Классификация Виноградова является примером классификации при анализе и разграничении различных фразеологических выражений.

И.И. Чернышева предлагает следующие критерии фразеологических единиц, которые отграничивают их от прочих устойчивых образований: фразеологические единства, фразеологические выражения и фразеологические сочетания [5].

– Фразеологические единства, по мнению Чернышевой, возникают на основе семантического переосмысления или сдвига переменных сочетаний. В таких сочетаниях поглощается и теряется индивидуальный смысл слов-компонентов; например: *j-m den Kopf waschen* – *намылить к-л шею/ голову*.

– Под фразеологическими выражениями автор понимает единицы, которые по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями. Сюда входят общеупотребительные пословицы и поговорки; например: *es ist nicht alles Gold, was glänzt* – *не всё то золото, что блестит*; *Da liegt der Hund begraben!* – *Вот где собака зарыта!*

– Фразеологическими сочетаниями И.И. Чернышева называет фразеологизмы, возникающие в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента; ср.: *der schwarze Markt* – *чёрный рынок*.

И.И. Чернышева выделяет 2 основных свойства фразеологичности: наличие единичной сочетаемости компонентного состава и специфической разновидности семантиче-

ского преобразования [5]. Так, для пословиц характерен дидактический смысл, который выражается через переосмысление соответствующего образца; например: *Viele Köche verderben den Brei – у семи нянек дитя без глаза*.

Опираясь на научное исследование И.И. Чернышевой, отнесём пословицы к фразеологизмам.

До настоящего времени немецкие и русские пословицы сопоставлялись и сравнивались главным образом в коммуникативно-смысловом аспекте, что представляется вполне естественным. Однако не менее естественным представляется теперь необходимость обратить внимание на некоторые менее существенные особенности пословиц, типа перечисленных в аннотации, «дополнительных» средств выразительности, которые, помимо всего прочего, связаны с этнокультурными особенностями соответствующих народов.

Сопоставительное изучение пословиц можно рассматривать как работу над составлением фразеологических картин мира для разных пар языков.

Приведённые выше примеры показывают, что авторы изучали фразеологизмы как парадигматические явления, как явления словаря (насколько их можно изменить или же они являются полностью устойчивой конструкцией), то есть фразеологизмы (в частности, и пословицы) изучались в статике, в порядке сравнения пословиц двух языков. Дальше этого они не двигались, «застывали» на этом сравнении. Сейчас лингвистика заинтересована в действии, в речи, поэтому мы хотим сравнить немецкие и русские пословицы между собой и внутри каждой пословицы.

Исследования лингвистов сводились к выяснению степени устойчивости фразеологических единиц; также поднимался вопрос, можно ли заменить одно слово в данной конструкции, или же сочетание является неделимым. Эти исследования – неоспоримый шаг в лингвистической науке, но вопрос о функциональном воздействии на слушателя остаётся неизученным, в работе будут представлены попытки классификации пословиц по их функциональным параметрам.

Известно, что при порождении речи имеют место несколько моментов:

1) использование свободных словосочетаний (в свободном словосочетании сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов; синтаксическая связь его элементов является живой и продуктивной («читать книгу»));

2) употребление несвободных словосочетаний (в несвободном словосочетании лексическая самостоятельность одного или обоих его компонентов ослаблена или утрачена, и оно всё целиком по характеру значения приближается к отдельному слову («железная дорога», «бить баклуши»));

3) употребление готовых образований, которыми, в частности, являются пословицы и поговорки.

Зачастую возникают трудности в различении пословиц и поговорок. Пословицами являются законченные, структурированные предложения («Бережёного Бог бережёт»), в то время как поговорки имеют широкий радиус употребления в силу их незавершённости («ни к селу ни к городу»). В речи также наблюдается использование полуустойчивых и устойчивых сочетаний, клише. Если речь схематически представить в виде шара, то северный и южный полюса составят устойчивые и свободные словосочетания соответственно, а пословицы из обоих полушарий языковых средств мы используем в особых случаях, когда необходимо привести неоспоримые доказательства; ср.: «Без труда – не вытащишь и рыбку из пруда». Такое выражение претендует на народную мудрость, оно способно «встряхнуть» собеседника и вызвать нужные, ожидаемые от него действия.

Пословицы имеют огромное влияние на реципиента в силу того, что они пользуются авторитарной истиной. Пословицы квазидоказательны, то есть они далеки от науки, но вобрали в себя народную мудрость, и лингвистическое общество принимает пословицы за доказательство, например: «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться»; «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь»; «Яблоко от яблони недалеко падает»; «Старый друг

лучше новых двух»; «Kein Rauch ohne Feuer»; «Wer zwei Hasen zugleich jagt, fängt keinen»; «Neue Besen kehren gut».

Поскольку, в отличие от «крылатых» слов и высказываний известных людей, пословицы отражают многовековой коллективный опыт этноса, они по своей убедительности превосходят последние и, будучи употреблёнными к месту, приобретают силу (иной раз) неопровержимого аргумента. Не случайно как в немецком, так и в русском языке есть пословицы о пословицах, в которых говорится о том, что пословица есть истина, что пословица – не просто слова; ср.: *Sprichwort ist wahr Wort* – пословица не даром молвится.

Если в немецко-русских и русско-немецких сборниках пословиц [1; 2] последние сравниваются лишь в ракурсе смыслового тождества, то запланированное нами исследование должно позволить в рамках этих тождеств обнаружить различия в плане наличия/ отсутствия определённых «дополнительных» семантико-структурных средств воздействия на реципиента.

Важнейшая составляющая пословицы – предложение, то есть нравоучительность, конвенционально принятая народом. Сила пословицы – в её нравоучительности, сила её воздействия на реципиента заключается в афористичности – сочетании сжатого смысла с краткостью. Например, немецкая пословица «klein, aber fein» имеет с русской пословицей «мал, да удал» одинаковую степень афористичности. Степень афористичности у пословиц может быть различной. Так, например, в паре пословиц с идентичным (переносным) смыслом «Er hat läuten hören, weiß aber nicht, wo die Glocken hängen» – «Слышал звон, да не знает, где он» мы наблюдаем очень существенное превосходство второй пословицы над первой в плане афористичности и, как можно предположить, запечатливаемости её в памяти; при этом в семантическом плане пословицы почти тождественны.

Афористичность вбирает в себя опыт, мудрость, но краткая пословица легче запоминается, метко бьёт, при этом она может не содержать опыт или мудрость, например:

«Дуракам везёт». В данном примере немецкий эквивалент «Die dümsten Bauern haben die dicksten Kartoffeln» содержит больше афористичности, при этом не является лаконичным. Это происходит от того, что каждая пословица – отражение исторического прошлого, традиций и обычаев того или иного этноса. Каждая нация имеет свои культурные традиции и историю, что отображается в пословицах как в историко-культурных образованиях. Соответственно, немецкие и русские пословицы могут полностью совпадать («Appetit kommt beim Essen» – «Аппетит приходит во время еды»), вовсе не иметь эквивалента («Баба с возу – кобыле легче», «Einen alten Baum soll man nicht verpflanzen») или только частично заменять одна другую в силу тех или иных особенностей («Unter einem Dach sein Ungemach» – «В семье не без урода»).

В плане воздействия «дополнительных» семантико-структурных средств регулятивного воздействия немецкие и русские пословицы «Strecke dich nach der Decke» – «По одежке протягивай ножки» и „Klein, aber fein“ – «Мал, да удал» практически равноценны (краткость, динамичность, ритмичность, рифмы).

Не равноценны в этом плане пословицы «Allen Leuten recht getan ist eine Kunst, die niemand kann» – «На всех не угодишь». Во второй пословице отсутствует иносказательность, и ритм, вообще какие-либо структурно-семантические средства усиления воздействия на реципиента, характерные для пословиц черты.

К числу типичных для пословиц структурных средств выразительности относятся также параллелизмы и повторы. Их логическая структура подкрепляется соответствующей синтаксической структурой с цензурой, повышающей экспрессивность; ср.: «Aus den Augen, aus dem Sinn» – «С глаз долой, из сердца вон»; «Die Ziege ist satt und der Kohl unberührt» – «И волки сыты, и овцы целы». Представляется возможным допустить предположение (естественно, нуждающееся в проверке), что пословицы, имеющие «дополнительные» структурно-семантические

средства воздействия на слушателя, пользуются большей популярностью по сравнению с теми, что их не имеют. Проверка этого предположения потребует значительного количества информантов – носителей немецкого и русского языка.

Синтаксические параллелизмы – это одинаковое построение нескольких предложений, когда в одной последовательности расположены члены предложения, одинаково выраженные, например: «Die Ziege ist satt und der Kohl unberührt» – «И волки сыты, и овцы целы».

Рифма – созвучие в окончании двух или нескольких слов. Рифма делает выражение приятнее для слуха и легче для восприятия. Роль рифмы аналогична ритму, но не тождественна ему; ср.: «Sprichwort, wahr Wort» – «Пословица недаром молвится» (обе пословицы содержат рифму, благодаря чему они становятся легче для восприятия и запоминания слушателя).

Примечательно, что пословицы-сентенции могут реализовываться в прагматическом плане в двух разных синтаксических моделях – побудительной и повествовательной, при том, что это не влияет на их смысл; ср.:

- 1) Lass die Leute reden und die Hunde bellen;
- 2) Собака лает, ветер носит;
- 3) Wer anderen eine Grube gräbt, fällt selbst hinein;
- 4) Не рой яму ближнему, сам в неё упадёшь;
- 5) Ziehe erst den Balken aus deinem Auge, ehe du den Splitter in des anderen Auge siehst;
- 6) В чужом глазу сучок (соломинку) видит, а в своём бревна не замечает.

Если в одной из пары даётся совет в прямой форме, то в её смысловом эквиваленте (другой фразе) даётся описание некоторого типичного явления. Формально выраженное при этом побуждение отсутствует. Оно, как правило, присутствует в имплицитной форме, поскольку фраза второго типа обычно произносится в ситуации, в которой она выполняет функцию дружеского совета.

Функциональное, контекстуально обусловленное равенство пословиц в побуди-

тельной и повествовательной формах – примечательное явление для рассматриваемых фразеологизмов.

Разумеется, пословицы могут переводиться по-разному. Но обычно переводчики стремятся передать пословицу пословицей. В этих случаях одно высказывание, выражающее законченную мысль, переводится другим.

Как уже говорилось выше, минимально необходимым основанием для признания их переводческой эквивалентности является смысл. Образно можно представить себе это так: на двух разных сценах разыгрываются два эпизода с разными участниками и разными декорациями. И то, и другое может не совпадать, но сентенции в обоих случаях тождественны. Это идеальный случай. Однако возможно, что при одинаковых сентенциях эти «постановки» выполнены в разных стилях; ср.: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем»/ «Hat die Kuh den Schwanz verloren, so merkt sie, wozu er gut war» (*Только потерявши хвост, корова замечает, зачем он был нужен*). Первая пословица применима к чему-то возвышенному (на крайний случай – к повседневному). Для второй пословицы характерен издевательский тон фарса, и употребить её можно к человеку, попавшему в смешное положение по своей же вине.

В некоторых словарях немецких и русских пословиц можно встретить такие их пары, которые приравнены не вполне правомерно – на основании недостаточного смыслового тождества, например: «Kommt Zeit, kommt Rat» (*Со временем всё образуется*) и «Поживём – увидим».

Немецкая пословица значительно оптимистичней русской [6]. Русская пословица не обещает благополучного финала, её смысл – «не торопись делать выводы, подожди». Здесь типичная для перевода ситуация, когда возможность перевода А с помощью Б в особой мере зависит от контекста. Есть ещё один аналогичный пример: „Bei den Wölfen und Eulen lernt man heulen“ (*У волков и сов учатся выть*) – «С волками жить – по-волчьи выть». Здесь в немецкой идиоме отсутствует модальный элемент «вынужденность» («ничего

не поделаешь»), присутствующий в русском эквиваленте. В этом смысле она даже ближе к другой русской пословице: «С кем поведёшься, от того и наберёшься» (здесь субъект действует по своей воле).

Таким образом, наиболее сложная проблема из тематики перевода пословиц – это перевод пословиц, не имеющих у носителей переводимого языка даже относительного эквивалента. Этот вопрос мы рассмотрим в нашей следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки: сборник. – М.: Высшая школа, 1989. – 392 с.
2. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь / Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1975 – 656 с.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды / АН СССР. Отделение лит-ры и языка. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 688 с.
5. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 200 с.
6. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache/ W. Fleischer. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997. – 229 S.

НАШИ АВТОРЫ

Алёшина Екатерина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и методики преподавания английского языка Пензенского педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета; e-mail: alcatherine@yandex.ru

Барина Ирина Павловна – независимый исследователь; e-mail: irenka@mail.ru

Беляева Ирина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры индоевропейских и восточных языков, декан лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: belyaevairin@mail.ru

Городова Елена Сергеевна – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: gorodova1989@mail.ru

Гусева Наталья Александровна – аспирант кафедры германской филологии, ассистент кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: g_natalie305@rambler.ru

Ерошин Антон Павлович – аспирант кафедры теории языка и англистики, ассистент кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: eroshin-anton@mail.ru

Жарова Анна Валерьевна – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: zhanna495@gmail.com

Лызлов Алексей Игоревич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета; e-mail: aleksej-lyzov@yandex.ru

Медведев Владимир Борисович – кандидат филологических наук, доцент, соискатель кафедры германистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ); e-mail: medvedev-mail@mail.ru

Меркурьева Наталья Юрьевна – аспирант кафедры романо-германских языков, старший преподаватель Столичного института иностранных языков (г. Москва); e-mail: Natalya1@rambler.ru

Олейник Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-tpang@mgou.ru

Постнова Наталья Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: postnatali@mail.ru

Савосин Антон Юрьевич – аспирант кафедры лингвистики Московской гуманитарно-технической академии; e-mail: moreno.mex@gmail.com

Сергина Александра Игоревна – аспирант кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: nevergrowold@yandex.ru

Скокова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка Белгородского государственного университета; e-mail: Skokova@bsu.edu.ru

Сосунова Галина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российской таможенной академии (Московская область, г. Люберцы); e-mail: galinaRTA@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru

Шашок Ольга Александровна – аспирант кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: olga-shashok@mail.ru